

TS

628

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

566

82-2

628

~~Р. 146. 835~~
3

TS 628

ОТЕЛЛО,

ВЕНЕЦІАНСКІЙ МАВРЪ.

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Соч. Шекспира (*).

ПОСВЯЩАЕТСЯ

АЛЕКСАНДРУ ЮРЬЕВИЧУ ЗИБЕРУ.

TS 628

(*) «Отелло» Шекспира не въ первый разъ является на русскомъ языкѣ: на сценѣ играютъ у насъ чрезвычайно-тяжелый и нескладный прозаическій переводъ, г-на Ив. П—ва; былъ въ «Репертуарѣ» даже, (когда онъ выходилъ отдѣльно отъ «Пантеона»), напечатанъ переводъ «Отелло» въ стихахъ; не-смотря на это, мы рѣшились напечатать переводъ г-на Лазаревскаго, въ той увѣренности, что *хорошій переводъ* Шекспировой пьесы, на русскомъ языкѣ, будетъ всегда самою отрадною новостью.

Ред.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Венеціанскій Дожь.	Монтано, предшественникъ Отелло въ управленіи Кипромъ.
Брабанціо, сенаторъ, отецъ Дездемоны.	Шутъ при Отелло.
Два другіе сенаторы.	Герольдь.
Граццано, братъ Брабанціо.	Дездемона, дочь Брабанціо, жена Отелло.
Лодовико, родственникъ Брабанціо.	Эмилия, жена Яго.
Отелло, Мавръ.	Бianка, любовница Кассіо.
Мишель Кассіо, лейтенантъ.	
Яго, знаменопосецъ Мавра.	
Родриго, венеціанскій дворянинъ.	
Сенаторы, офицеры, вѣстники, музыканты, матросы, свита.	

Первое дѣйствіе въ Венеціи, остальные въ Кипрѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Венеція. — Улица.

ВХОДЯТЪ РОДРИГО И ЯГО.

РОДРИГО.

Э, лучше замолчи ужъ Яго! — Миѣ
 Казалось-бы, что дѣло-то твое
 Не больно чисто здѣсь; — подумай самъ —
 Вѣдь ты другой хозяинъ въ кошелькѣ
 Моимъ, — а ты вѣдь, Яго, зналъ объ этомъ....

1 вв. ч. (277—477) стр. (20x12). [5.4.7]

яго.

Проклятiе! — Да слушайте-жъ, снiйоръ, —
Ну, если я когда-нибудь объ этомъ
Хотя во снѣ мечталъ — гнушайтесь мною!

родриго.

Ты толковалъ о ненависти вѣчной....

яго.

Вы въ-правѣ презирать меня, снiйоръ,
Когда я эту ненависть забуду.
Представьте: трое знаменитыхъ гражданъ
Не-разъ просили лично гордеца,
Чтобъ сдѣлалъ, знаете, меня своимъ
Опъ лейтенантомъ; — и, клянуся честью,
Себѣ я цѣну знаю; — кажется,
Я стоилъ-бы такого повышенья;
Но изъ тщеславiя и личныхъ выгодъ,
Опъ отъ просителей отдѣлался
Чертовски ловко, на сказавъ имъ бездну
Великолѣпныхъ пустяковъ, закидавъ
Ихъ кучею военныхъ терминовъ,
И наконецъ — отказъ. — «Я, — говоритъ, —
Себѣ уже назначилъ лейтенанта!»
Кто-жъ это? — Вотъ ужъ мудреца нашелъ!
Какой-то Флорентинецъ Кассiо,
Нарядный шутъ, который радъ молиться
Любой смазливой дѣвчкѣ, — въ бою
Ни разу неводившiй эскадрона,
И дѣло битвы понимающiй
Не лучше пряхи, — но за то куда
Какъ бойкiй на теорiи, на книгѣ....
Да, здѣсь и ветхiе сенаторы
Большiе то-же мастера у насъ!
Безъ практики пустая болтовня —
Вотъ все его военное искусство!
Но все-таки опъ избранъ; ну — а мнѣ,
Который бился на его глазахъ
Въ Родосѣ, Кипрѣ и другихъ странахъ
Языческихъ и христiанскихъ, — мнѣ

Въ вознагражденье — бездна обѣщаній!
Оно и кетати, — этотъ арифметчикъ —
Ужъ лейтенантъ, а я, благословясь,
Остануся ихъ мавританской чести
Пока простымъ знаменоносцемъ.

РОДРИГО.

О,

Клянуся небомъ, Яго, что теперь
Хотѣлъ-бы быть я палачомъ его.

яго.

Но гдѣ-же средства? — Гдѣ-жъ, Родриго, средства?...
Вотъ службы ходъ у насъ, сеньйоръ, обычный:
Чтобы служить усердно, ревностно,
Съ примѣрной пользой — нужны только подлость,
Рекомендательныя письма — вотъ и все!
Гдѣ ты, святая правда старины,
Когда за первымъ шелъ всегда второй!...
Судите-же теперь, сеньйоръ, вы сами —
Могу-ли Мавру преданнымъ я быть?

РОДРИГО.

Но почему-жъ его ты не поклещешь?

яго

О, я скажу, сеньйоръ, скажу причину...
Вотъ видите: мнѣ брѣвно-бы хотѣлось
Хоть чѣмъ-нибудь да заплатитъ ему.
Вѣдь мы начальствовать не можемъ — такъ!...
За то-жъ не каждый и начальникъ можетъ
Имѣть усердныхъ, преданныхъ людей; —
Вы знаете, конечно, много ихъ —
Покорныхъ, пресмыкающихся слугъ,
Что, рабства своего лобзая цѣпи,
Влачатъ ярмо работы до могилы,
Какъ глухие ослы, за клокъ соломы;
А одряхлѣютъ — этихъ честныхъ слугъ
Кнутомъ женутъ!... Но сѣть, сеньйоръ, такіе,
Что подъ приличной маскою усердья,

Хлопочуть только о себѣ; — они,
 Кажись, такъ вѣрно служатъ, — для чего?
 Чтобы набить себѣ кармапъ вѣриѣе, —
 А съ золотомъ, снѣйоръ, скажите сами,
 Кому у насъ откажутъ въ благородствѣ?
 Вотъ это люди дѣльные, съ душой,
 Какъ говорится; я — одинъ изъ нихъ.
 Будь Мавромъ я, я-бъ не хотѣлъ быть Яго,
 И это вѣрно такъ, какъ вы — Родриго.
 Служа ему, — что-жъ — грѣшенъ! не могу
 Забыть и Яго бѣдняка.

Пусть судить небо насъ, но глубоко,
 Душевно ненавидя Мавра, долженъ я
 Казаться преданнымъ ему, — хоть, разъ
 Еще клянусь, для личныхъ чисто цѣлей....
 Да если-бъ мы поступками своими
 Разоблачали тайный помысль сердца —
 Не все-ль равно, что кинуть это сердце
 Такъ, на распутье.... Ключъ, кому угодно!...
 О, нѣтъ — я не таковъ, какимъ кажуся....

РОДРИГО.

Да, нужно, чтобы этотъ толстогубый
 Былъ счастливъ, если могъ успѣть
 Подобнымъ образомъ уладить дѣло.

ЯГО.

Ну, что-же! подымайте старика,
 На свѣжій слѣдъ искусно наведите,
 Облейте ядомъ бѣшенный восторгъ
 Отелло.... ненавистнымъ именемъ
 Его будите улицы; родню
 Венеціанки подстрекните. Да,
 Снѣйоръ Родриго! онъ теперь въ раю
 Восторговъ — бросьте-жъ ядовитый пламень
 На розы счастья его, — и если
 Ужъ суждено ему ухнуть благомъ —
 Все-жъ какъ-нибудь да можно отравить

Блаженство это; — все-жъ таки вполне
Не будетъ наслаждаться гнусный Мавръ.

РОДРИГО.

Вотъ домъ ея отца; я вызову
Его мои криками.

ЯГО.

Кричите,

Синьйоръ, отчаянья ужаснымъ воплемъ,
Который тяжкою, мертвящей
Тоской сжимаетъ мысль, когда средь ночи
Шипенье огненныхъ языковъ
Пожара — мирный сонъ внезапно будить.

РОДРИГО.

Брабанцио! синьйоръ Брабанцио!

ЯГО.

Брабанцио! проснитесь! воры! воры!
Вставайте! Осмотрите домъ, запоры!
Зовите дочь! Скорбе! воры! воры!

БРАБАНЦИО (*показывается на-верху*).

Кто тамъ внизу?

РОДРИГО.

Синьйоръ! семейство ваше....

Теперь семейство ваше все-ли дома?

ЯГО.

Всѣ-ль двери ваши заперты, синьйоръ?

БРАБАНЦИО.

Что за вопросъ? къ-чему? что это значитъ?

ЯГО.

Да значитъ то, что обокрали васъ!...
Но одѣвайтесь-же! Вамъ говорятъ —
У васъ украли половину сердца,
И душу вашу растерзали. Да,

Теперь, быть-можетъ, въ это самое
Мгновенье, дикій коршунъ заклевалъ
Уже голубку вашу... 1) О спѣшите!
Набатовъ разбудите спящій городъ, —
Иначе дьяволъ васъ пожалуетъ
Почетнымъ титуломъ дѣдушки, синьйоръ....
Идите-же, — вамъ дѣло говорятъ!

БРАБАЦЦЮ.

Что за вражье? — Вы спятили съ ума?

РОДРИГО.

Почтеннѣйшій синьйоръ! узнали вы
Мой голосъ?

БРАБАЦЦЮ.

Нѣтъ! но кто ты?

РОДРИГО.

Я — Родриго!

БРАБАЦЦЮ.

О, это низко! — я вѣдь запретилъ
Тебѣ топтать пороги у дверей
Моихъ! Забылъ ты? — Я сказалъ тебѣ
Однажды навсегда, что дочь моя
Не для тебя; — и вотъ опять, и въ полночь,
Безумно распаливши чувство,
Роскошною трапезой и виномъ,
И полный странной дерзости, пришелъ
Ты мирный сонъ мой буйно возмущать....

РОДРИГО.

Синьйоръ! Синьйоръ! Синьйоръ!

БРАБАЦЦЮ.

Но потрудитесь убѣдить себя,
Что я еще имѣю столько власти,
По сану своему, и столько силъ
Въ себѣ, что отплачу тебѣ за дерзость.

О будьте терпѣливѣе, синьйоръ!

БРАБАНЦЮ.

Что ты горлаишь мнѣ о воровствѣ?
Вѣдь это, кажется, Венеція
Еще, и домъ мой не въ лѣсу, не въ полѣ....

РОДРИГО.

Я прихожу къ вамъ съ чистою душой,
Брабанцю!

яго.

Толкуй ты съ нимъ! — Вы, синьйоръ, одинъ изъ тѣхъ людей, которые, не задумавшись, кинутъ Бога, если чорту вздумается кликнуть ихъ. Мы пришли сдѣлать доброе дѣло, а вы считаете насъ чуть не разбойниками. — Подумасшь, право, что вы сами бьѣтесъ изъ того, чтобы породниться съ мавританскимъ жеребцомъ; что вы сами желаете тѣшить слухъ свой ржаніемъ маленькихъ своихъ внуковъ ³⁾, сами хлопчете о томъ, чтобы добыть родичей рысистой да скаковой породы. ⁴⁾

БРАБАНЦЮ.

О несчастный! кто ты презрѣиный?

яго.

Я человекъ, синьйоръ; человекъ, который пришелъ доложить вашей милости, что Мавръ теперь въ упоительномъ восторгѣ, а ваша дочь — въ его объятіяхъ.... ⁵⁾

БРАБАНЦЮ.

Ты подлець!

яго.

Вы — сенаторъ....

БРАБАНЦЮ.

О, ты отвѣтишь мнѣ за все! Тебя,
Родриго, знаю я.

РОДРИГО.

Я, синьйоръ, готовъ

Вамъ отвѣчать; но умоляю васъ —
 Дослушать. Развѣ съ вашей воли,
 На вашу радость, — что отчасти можетъ
 Казаться вѣроятнымъ, — Дездемона
 Въ глухую пору ночи, безъ проводниковъ,
 Въ наемной, бѣдной лодкѣ гондольера,
 Летитъ упасть въ презрѣнныя объятія, —
 Въ добычу сладострастнаго Отелло?
 О, если это вамъ, сеньйоръ, извѣстно,
 И вы благословили вашу дочь, —
 То мы, конечно, дерзко и безумно
 Васъ оскорбили; если-жъ вы не знали
 Объ этомъ ничего еще — то мой поступокъ
 Оправданъ самъ собою, — и сама
 Собой уничтожается обида.
 Не думайте, что я безчувственно
 И грубо насмѣхаюсь и шучу
 Надъ вами. Повторю опять, сеньйоръ,
 Когда изъ-подъ родительскаго крова,
 Безъ вашего согласья, ваша дочь
 Бѣжала, — о нескучимъ тогда
 Ея преступокъ!... Какъ! пожертвовать
 Своею красою, дѣтскимъ долгомъ,
 Образованіемъ своимъ, богатствомъ,
 Бродячему скитальцу, прошлецу
 Всевѣтному!... Но правда правдою
 Себя докажетъ: посмотрите сами,
 Когда она теперь въ опочивальнѣ,
 Или, по-крайней-мѣрѣ, въ этомъ домѣ —
 Тогда пусть грозный приговоръ закона
 На голову обманщика падетъ,
 И клевету презрѣнную накажетъ.

БРАБАНЦЮ.

Огня! Зажгите факелы!... На-верхъ,
 Сюда! Зовите всѣхъ людей! — Оно
 Такъ сходно съ сномъ моимъ, несчастье это!...
 Ему уже я вѣрю! о, не даромъ
 Предчувствіе такъ давитъ, давитъ душу!...
 Огня! огня!

(Уходитъ.)

Теперь, сеньйоръ, прощайте. —

Я оставаться больше не могу; —
 Не-кстати, знаете, да что и пользы —
 Быть мнѣ свидѣтелемъ противу Мавра?
 Остапья-жъ я, вѣдь это неизбѣжно. —
 Я знаю, — не-смотря, что это дѣло
 Сенату не покажется конечно, —
 Онъ побоится отрѣшить его:
 Теперь онъ занятъ слишкомъ кипрскою
 Войною, — а по мнѣнію его,
 Другаго, кромѣ Мавра, нѣтъ у насъ,
 Кто-бъ могъ съ успѣхомъ кончить дѣло.
 И потому, хоть я люблю его
 Какъ муки адскія, — однако все-жъ,
 Сообразивши вѣрно и умно
 Итогъ на-право и на-лѣво, я
 Надѣну маску преданной любви,
 Но, честію клянуся, только маску....
 Чтобы вѣрнѣй найти его, начните
 Вы поиски свои отъ Саджиттери; 6)
 Я съ Мавромъ буду тамъ. Теперь, прощайте!

(Уходитъ).

(Входитъ Брабанціо, за нимъ слуги съ факелами.)

БРАБАНЦІО.

О Боже! слишкомъ ты вѣрна
 Моя потеря! — Да, ушла!... и старости,
 Моей печальной, горькой старости
 Покинула лишь слезы... только слезы!...
 Гдѣ-жъ видѣлъ ты ее, Родриго, гдѣ? —
 Дитя несчастное! — Ты говорилъ,
 Что съ Мавромъ? — Кто теперь захочетъ быть
 Отцомъ? — Какъ ты узналъ ее, Родриго?
 О, обманули вы меня, мои
 Надежды! — Что-жъ она тебѣ сказала?
 Давайте больше факеловъ; будьте
 Родныхъ моихъ! — Какъ думаешь — они
 Обвѣчаны уже? —

РОДРИГО.

Я думаю;

По-видимому такъ...

БРАБАНЦЮ.

О небеса! —

Но какъ она ушла? — И, кровь родная,
Она мнѣ изменила! — О, теперь,
Отцы, не вѣрьте сердцу дочерей,
Не вѣрьте ихъ поступкамъ. — Нѣтъ-ли здѣсь
Волшебствъ какихъ, которыми чаруютъ
Дѣвичье молодое сердце?... Вы
Ничего такого не читали?

РОДРИГО.

Читалъ, сирѣчь; мнѣ помнится....

БРАБАНЦЮ.

Ко мнѣ

Скорѣй просите брата. — О, за-чѣмъ
Я вамъ ее не отдалъ? — Разослать
По всѣмъ дорогамъ! — Вы не знаете,
Гдѣ можно ихъ пайти?

РОДРИГО.

Да, я найду

Ихъ, если вамъ угодно слѣдовать
Съ надежной стражею за мной.

БРАБАНЦЮ.

Идемъ,

Мой другъ! Я буду спрашивать во всѣхъ
Домахъ, — во многихъ даже власть могу
Употребить.... Пусть люди всѣ вооружатся!
Да отыскать скорѣй почпую стражу!
О, я цѣню, сирѣчь, усердье ваше!

(Уходятъ).

СЦЕНА II.

Венеція. — Другая улица.

ВХОДЯТЪ ОТЕЛЛО, ЯГО, СЛУГИ.

ЯГО.

Хотя по долгу добраго солдата,
 Я хладпокровно въ битвахъ убивалъ
 Людей, по все-жъ-таки того я мнѣнья,
 Что грѣхъ противу совѣсти — убить
 Обдуманно; во мнѣ не достаетъ,
 И очень-часто, злобы на душѣ,
 Хоть пользы видны ясно — девять
 Или десять разъ мой вѣрный, острый мечъ
 Просился съ боку моего въ чужой ?).

ОТЕЛЛО.

Я радъ, что ты порывъ свой удержалъ.

ЯГО.

Но онъ такъ дерзко говорилъ о васъ,
 Что съ маленькой моею добротой
 На-силу я себя перепеволнилъ.
 Закопю-ль вы обвиняны, сирѣчьоръ?
 Со всѣми-ль формамп, какъ водится
 У насъ? — чтобъ это было вѣрно, знаете...
 Не то — «великолѣпный»⁸⁾ такъ любимъ
 И мнѣниемъ въ Совѣтѣ столько спленъ,
 (Сильнѣе вдвое Дожа) что, пожалуй,
 Еще и разведетъ онъ васъ; — своимъ
 Вліяниемъ, съ помощью законовъ, онъ
 хлопотъ надѣлать можетъ бездну вамъ,
 Мой генералъ.

ОТЕЛЛО.

Пусть онъ изобрѣтаетъ,
 Какой ему угодно плачь: — въ отвѣтъ,
 На жалобы его и клевету,
 Я расскажу почетныя заслуги

Мои Республикѣ; — я объявлю
 Мой знаменитый родъ; — когда
 Увижу, что во мнѣнн людскомъ
 Тщеславіе меня возвыситъ можетъ, —
 Я укажу на предковъ царской крови....
 Но не могу-ли я безъ лишняго
 Смиренія и то сказать, что счастье
 Мое всегда шло только на-равнѣ
 Съ моею личною заслугой.
 Да Яго, не люби я жарко такъ,
 Такъ беззавѣтно милой Дездемоны,
 О, я не отдалъ бы раздольную свою
 Судьбину и за все сокровища
 Морей... Но посмотри, что за огни
 Сверкаютъ тамъ?

*(Входитъ Кассіо, въ нѣкоторомъ отдаленіи офицеры
 съ факелами).*

ЯГО.

Конечно, пробужденный
 Отецъ съ родней своей. — По мнѣ, сирійоръ,
 Такъ лучше-бъ вамъ уйти оюда.

ОТЕЛЛО.

Нѣтъ!

Я долженъ здѣсь остаться. Мой характеръ,
 Мой санъ и совѣсть чистая меня
 Правдиво выкажутъ... Такъ, это опъ
 Дѣйствительно?

ЯГО.

Клянуса Янусомъ,
 Я, кажется... да, точно я ошибся.

ОТЕЛЛО.

Мой лейтенантъ и офицеры Дожа!
 Да будетъ почъ, друзья, на радость вамъ!
 Что новаго?

КАССИО.

Привѣтствуетъ васъ Дождъ,
 Мой генералъ! — опъ ждетъ васъ съ нетерпѣньемъ

Теперь, сію-жъ-минуту.

ОТЕЛЛО.

Дождь? теперь?

Не знаешь-ли за-чѣмъ?

КАССИО.

Мнѣ кажется,
Получены извѣстія изъ Кипра;
Дѣла должны быть важныя. Съ галеръ
Явились къ намъ, за эту ночь, уже
Двѣнадцать вѣстниковъ. Сенаторы
Почти ужъ всѣ у Дожа собрались;
Къ вамъ посылали на домъ много разъ,
Но васъ ни-разу дома не застали.
Теперь три партіи солдатъ вездѣ
Васъ по городу ищутъ.

ОТЕЛЛО.

Ну, я радъ,
Что вы нашли меня. Полслова только
Скажу домашнимъ, и потомъ пойдемъ
Всѣ вмѣстѣ.

(Уходитъ).

КАССИО.

Что подѣлываетъ здѣсь
Нашъ генералъ, скажи-ка, Яго!

ЯГО.

Э, въ эту ночь, нашъ генералъ гальйонъ
Богатый захватилъ; и если призъ
Окажется законнымъ — дѣло въ шляпѣ!

КАССИО.

Я ничего не понимаю, Яго!

ЯГО.

Ну, онъ женился.

КАССИО.

Яго! онъ женился?

На комъ?

(Отелло входитъ).

ЯГО.

Иа... Генералъ! угодно вамъ
Идти?

ОТЕЛЛО.

Идемъ скорѣе.

КАССИО.

Вотъ другой
Отрядъ, который тоже ищетъ васъ.

(Входятъ Брабанцио, Родриго и почная стража съ факелами и оружіемъ).

ЯГО.

Брабанцио! О, будьте осторожнѣй,
Мой генералъ! — Конечно, онъ идетъ
Съ дурнымъ намѣреньемъ.

ОТЕЛЛО.

Остановитесь!

РОДРИГО.

Синьйоръ, вотъ Мавръ!

БРАБАНЦИО.

Схватить почнаго вора!

(Объ стороны обнажаютъ мечи).

ЯГО.

А, это вы, Родриго! Не угодно-ль вамъ
Начать со мною?

ОТЕЛЛО.

Вложите свѣтлыя
Мечи! Да не покроетъ ржавчиной
Роса полночи доблестную сталь.

(Къ Брабанцио).

Синьйоръ! вы можете повелѣвать
Успѣшнѣй, нежели оружіемъ,
Своею честной съдиною здѣсь.

БРАБАНЦИО.

Безчестный воръ! гдѣ дочь? гдѣ дочь моя?
Проклятый, какъ твое искусство, ты

Очаровалъ се. — Судите-жь пась,
 Вы, люди добрые!.. Могла-ль она,
 Безъ чаръ, безъ гнусныхъ заклинаній,
 Она — прекрасная, счастливая,
 Едва расцвѣтшая, любивши такъ
 Свою дѣвичью волю, отказавши гордо
 Богатымъ, благороднымъ женихамъ
 Роднаго города... могла-ль она
 Рѣшиться, — бросивъ на позоръ толпы
 Безстыдно имя честное, — бѣжать
 Въ глухую почъ отъ дѣвственнаго ложа
 Въ объятья чорнаго урода, Мавра?..
 Не правда-ль, отвращенье, а не страсть,
 Вселить онъ только можетъ?.. Будь судьей
 Моемъ весь міръ!.. О это слишкомъ-видно,
 Что только чарамъ нечистыми
 Ты могъ увлечь ее; что только травами,
 Да наговорами могъ воспалить
 Въ певниномъ сердцѣ темныя желанья...
 О, это все разсмотримъ! — Да... оно
 Иначе быть не можетъ!.. Между-тѣмъ
 Я долженъ взять тебя за твой развратъ,
 За гнусную, проклятую науку,
 Противную законамъ... Взять его!
 Живаго или мертваго — по взять!

ОТЕЛЮ.

Остановитесь, рабы! — и вы,
 Друзья мои, остановитесь...
 О, если нужно дѣйствовать мечомъ,
 Помощниковъ не нужно мнѣ!.. Сньюоръ,
 Гдѣ вамъ угодно выслушать меня?

БРАБАЦЮ.

Въ тюрьму тебя, — пока въ урочный срокъ
 Не призовутъ къ отвѣту предъ лицо
 Закона.

ОТЕЛЮ.

Какъ-же я могу, сньюоръ,

Повиноваться вамъ, не презирая
Велѣній Дожа? Вотъ кругомъ его
Служители... Они зовутъ меня
Въ Совѣтъ, по государственному дѣлу.

ОФИЦЕРЪ.

Дѣйствительно, достойнѣйшій синьйоръ!
Свѣтлѣйшій Дождь уже въ Совѣтъ. Къ вамъ
Я тоже, думаю, уже посланъ.

БРАБАНЦЮ.

Какъ, Дождь уже въ Совѣтъ? Въ полночь? — Отвести-жъ
Его туда, и это дѣло важно.
Великій Дождь и благородные
Сенаторы должны считать мою
Обиду личнымъ оскорбленьемъ.
Да, ежели мы будемъ оставлять
Подобныя дѣла безъ наказанья...
Такъ скоро эта сволочь пехристей
Погапыхъ, да рабовъ, предписывать
Начнетъ свои законы самому
Сенату.

СЦЕНА III.

Зала совѣта. — Дождь и сенаторы сидятъ за столомъ. — Офицеры.

ДОЖЪ.

Всѣ эти вѣсти столько разногласны,
Что трудно вѣрить имъ.

1-й СЕНАТОРЪ.

Дѣйствительно,
Онѣ довольно-страшны. — У меня
Въ письмѣ показано сто-семь галеръ.

ДОЖЪ.

Въ моемъ сто-сорокъ.

2-й СЕНАТОРЪ.

А въ моемъ такъ двѣсти.

Но хотъ во всѣхъ извѣстьяхъ этихъ счетъ
 Невѣренъ, — гдѣ одинъ догадки, тамъ
 Противурѣчья ужъ необходимы, —
 По-крайней-мѣрѣ, нѣтъ сомнѣнья въ томъ,
 Что это Турки, и что этотъ флотъ
 Идетъ на Кипръ.

ДОЖЬ.

Все это можетъ быть,

Но на извѣстьяхъ этихъ не хочу
 Я строить никакихъ распоряженій;
 Я признаю за вѣрное одно —
 И, признаюся, — не совсемъ спокойно, —
 Что намъ грозитъ опасность велика.

МАТРОСЪ (извнѣ).

Ого!

Еще, еще!

(Входитъ офицеръ съ матросомъ).

ОФИЦЕРЪ.

Вотъ посланный съ галеръ!

ДОЖЬ.

Опять? Ну, что?

МАТРОСЪ.

Турецкій флотъ готовъ
 Начать осаду острова Родоса:
 Спийоръ Анджело приказалъ объ этомъ
 Республикѣ донести.

ДОЖЬ.

Что скажете

Объ этой перемѣнѣ плана?

1-й СЕНАТОРЪ.

Что это явное безуміе,
 Или пустая хитрость; что они
 Движеньемъ этимъ думаютъ закрыть

Прямую только цѣль. — Подумайте,
 Какъ важенъ Туркамъ Кипръ, и какъ
 Они прекрасно понимаютъ это;
 Подумайте, что сколько онъ дороже
 Для нихъ Родоса, столько-же слабѣй,
 Что средства для защиты у него
 Въ сравненіи съ Родосскими ничтожны; —
 Примите это все въ соображеніе,
 И согласитесь послѣ, что враги
 Не столько-же безумцы, чтобъ, оставивъ
 Въ тылу столь важный постъ, и презирая,
 Съ побѣдой вѣрную, богатую
 Добычу, — побѣжали дерзко такъ
 На бесполезную опасность.

дожъ.

Нѣтъ, по всеѣмъ

Соображеньямъ — не Родосъ ихъ цѣль!

ОФИЦЕРЪ.

Еще извѣстие!

(Входитъ новый вѣстникъ).

ВѢСТНИКЪ.

Корабли враговъ

Идутъ теперь открыто на Родосъ,
 Уже соединившись съ новымъ флотомъ.

1-й СЕНАТОРЪ.

Охъ, такъ

И я рассчитывалъ!... Какъ полагаютъ
 Примерно можно-бы у нихъ числу
 Занасныхъ кораблей?

ВѢСТНИКЪ.

До тридцати

Судовъ. — Теперь враги идутъ на Кипръ,
 Ни мало не скрывая ужъ своихъ
 Намѣреній. — Синьйоръ Монтапо, вашъ
 Достойный, доблестный слуга, послалъ
 Меня вамъ объявить объ этомъ дѣлѣ,
 И проситъ вѣрить истинѣ его.

TS

628

P 149 835

TS 628

ДОЖЬ.

Теперь, по-крайней-мѣрѣ, знаемъ мы,
Что цѣль ихъ — Кипръ. — А гдѣ нашъ Маркъ Люккесе?

1-й СЕНАТОРЪ.

Теперь въ Флоренціи.

ДОЖЬ.

Идите-же

къ нему, чтобъ онъ немедленно пріѣхалъ.

1-й СЕНАТОРЪ.

Вотъ и Брабанціо, и храбрый Мавръ.

(Входятъ Брабанціо, Отелло, Яго, Родриго и офицеры).

ДОЖЬ (къ Отелло).

Достойный генералъ! судьба войны
Противъ враговъ всеобщихъ — Оттомановъ
Должна принадлежать по праву вамъ.
Я васъ не вижу.... (къ Брабанціо). Здравствуйте, сеньйоръ!
Намъ такъ необходимы въ эту ночь
Совѣты ваши, ваша помощь....

БРАБАНЦІО.

Ахъ! и мнѣ

Необходима ваша помощь, Дождь!
Простите мнѣ! Не долгъ мой, не дѣла
Республики меня подняли съ ложа; —
Теперь далекъ я отъ всего чужаго,
Теперь въ своей душѣ ношу я, Дождь,
Суровую печаль; — для новыхъ чувствъ
Она огаменила сердце мнѣ.

ДОЖЬ.

Что съ вами?

БРАБАНЦІО.

Дочь моя! о дочь моя!

СЕНАТОРЪ.

Что, умерла она?

ST

БРАБАНЦЮ.

Да! для отца,

Для старика сѣдаго умерла ...
 Ее, дитя, опутали соблазномъ,
 Обвили чарами ей сердце молодое,
 Ее украли у меня.... Могла-ль
 Она, имѣя очи, здравый смыслъ,
 Такъ глубоко сама упасть? — О вѣтъ!
 Безъ чародѣйства это невозможно!

ДОЖЬ.

Кто-бъ ни былъ онъ, похитившій разсудокъ
 У вашей дочери, и дочь у васъ —
 Кто-бъ ни былъ этотъ человекъ, синьйоръ, —
 Вы сами прочтаете предъ нимъ
 Кровавыя страницы страшныхъ книгъ
 Неумолимаго закона.... да!
 Хотя-бъ вы обвинили нашего
 Роднаго сына.

БРАБАНЦЮ.

Дождь, благодарю!

Благодарю васъ, справедливый Дождь!
 Опъ здѣсь, межъ нами; это — Мавръ!

ДОЖЬ И СЕНАТОРЫ.

Отелло? —

Какъ неприятно это намъ! — Ну, что жъ
 Вы можете сказать въ свою защиту? —

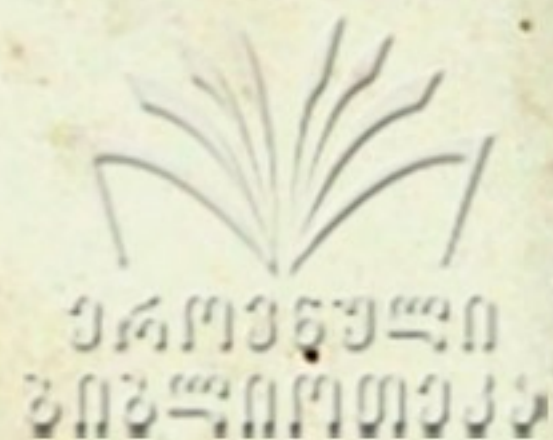
БРАБАНЦЮ.

Да, что-жъ онъ скажетъ противъ истины
 Святой!

ОТЕЛЛО.

Достойные, почетные

Синьйоры! Повелители мои
 Великодушные и благородные!
 Да, правду онъ сказалъ, что въ эту почъ
 Я дочь его похитилъ; — что потомъ

Я обвинчался съ ней — и это правда.
 Вотъ преступленіе мое!... Языкъ
 Мой грубъ, я не умѣю фразъ клесть, —
 Въ семь лѣтъ, чуть только заиграла сила
 Въ крови горячей, дѣтскою рукой
 Я мечъ схватилъ, — и, кромѣ девяти
 Послѣднихъ лунъ, все иѣжилъ долю я
 Свою въ широко-вольномъ полѣ битвъ,
 Подъ бѣднымъ полотномъ солдатскаго
 Шатра... Да, съ свѣтомъ вовсе незнакомъ я,
 И все, о чемъ-бы могъ я говорить
 Все только — кровь да битвы.... Какъ-же мнѣ
 Осмѣлится предъ вами защищаться?
 Но все-жъ, надѣясь на терпѣнье ваше,
 Довѣрчиво я расскажу простую,
 Безъ вымысла, безъ украшеній, повѣсть
 Любви моей, — и вы увидите,
 Какою сверхъ-естественною силой,
 Какими чарами и заклинаньемъ,
 Плѣнилъ я Дездемону.

БРАБАНЦЮ.

Дѣвочка

Такая робкая, краснѣвшая
 Стыдливо при движеніи каждомъ,
 Такая тихая — могла-ль она,
 Забывъ свой полъ, и родину, и честь —
 Все это прилести ему на жертву,
 Тогда, какъ на него смотрѣть она
 Боялась? Можно-ли предполагать,
 Чтобъ это чистое, прекрасное созданье,
 Презрѣло всѣ законы естества
 Само-собою? Не должно-ли искать
 Причину заблужденья въ таинствахъ
 Ужасныхъ ада? Повторяю вновь,
 Что только зельями волшебными,
 Воспламенившими тревожно кровь,
 Что только очарованнымъ напиткомъ
 Онъ могъ увлечь несчастную ее.

ДОЖЬ.

Но обвиненіе не есть улика ;

Безъ доказательствъ болѣе прямыхъ
И ясныхъ, по однимъ догадкамъ вашимъ,
Основаннымъ на мелкихъ предразсудкахъ,
Законъ не можетъ обвинить его.

1-й сепаторъ.

Но говори-жь теперь ты самъ, Отелло!
Преступно-ли ты распалилъ любовь
И страсть на сердцѣ дѣвы молодой,
Или ты вымолилъ любовь у ней,
Или откликнулась душа ея
На зовъ родной твоей души?

ОТЕЛЛО.

Прошу,
Сеньйоры, васъ послать за ней.... И пусть,
Въ присутствіи отца, она сама
Разскажетъ все. — Когда вы изъ рѣчей
Ея увидите, что я преступникъ...
О, отнимите у меня тогда
Довѣрье ваше, мой высокій санъ...
Нѣтъ! мало этого — возьмите честь
Мою и опозоренную жизньъ.

ДОЖЬ.

Послать за Дездемоной.

ОТЕЛЛО.

Проводи

Ихъ, Яго; ты скорѣй найдешь ее.

(Яго и офицеры уходятъ.)

Поба-жь она придетъ, — такъ откровенно,
Какъ передъ небомъ исповѣдую
Грѣхи свои, — я расскажу предъ вами,
Какъ приобрѣлъ любовь я Дездемоны,
Какъ Дездемона полюбила Мавра.

ДОЖЬ.

Мы слушаемъ, Отелло, васъ.

ОТЕЛЛО.

Отецъ

Ея любилъ меня; нерѣдко звалъ
 Въ свой домъ; съ участиемъ спрашивалъ
 О приключеніяхъ былыхъ, годъ за годъ;
 О битвахъ, объ осадахъ, обо всемъ
 Что встрѣтилъ я, что перенесъ. Предъ нимъ
 Я развивалъ всю жизнь, отъ колыбели
 До нашего послѣдняго свиданья.
 Я говорилъ о бѣдствіяхъ своихъ,
 О приключеньяхъ на моряхъ, на сушѣ;
 О томъ, какъ я едва лишь избѣжалъ
 Однажды вѣрной, страшной гибели
 Въ остервененной схваткѣ на проломѣ;
 О томъ, какъ одолѣвшій врагъ увлекъ
 Меня въ неволю горькую, — и какъ потомъ
 Освободился изъ неволн я.
 Я говорилъ о путешествіяхъ
 Своихъ, — о безпредѣльности пустынь,
 О мрачныхъ подземельяхъ и глухихъ
 Пещерахъ, объ утесахъ, о горахъ,
 Упершихся главами въ небеса;
 О Капибалахъ, пожирающихъ
 Одишь другаго, объ Антропофагахъ,
 О людяхъ, у которыхъ плечи выше
 Ихъ головы, 9) — и скромную бесѣду
 Мою любила слушать Десдемона...
 Случалось: домашнія заботы
 Ее отъ насъ нерѣдко отзовутъ,
 Но какъ она, едва окончивъ ихъ,
 Поспѣшно возвращалась къ намъ опять
 И жадно слушала мои рассказы!
 Я это видѣлъ — и не долго ждалъ,
 Пока изъ милыхъ устъ ея услышалъ
 Желанье доброй, пламенной души,
 Чтобы опять я рассказалъ ей повѣсть
 Моихъ прошедшихъ лѣтъ; одни отрывки
 Извѣстны были ей. — Я говорилъ —
 И слезы на очахъ ея дрожали,
 Когда въ рассказѣ вѣрно отражались
 Страданья бѣдной юности моей...
 Когда я кончилъ — за мои страданья
 Она мнѣ много вздоховъ подарила,

Потомъ, съ улыбкой грустнаго участья,
 Она сказала: «Ахъ, какъ это странно!
 О, какъ печально! какъ печально это!»
 Она уже жалѣть была готова,
 Что слушала меня; и между тѣмъ
 Сама хотѣла быть мужчиной. — Нѣжно
 Она меня благодарила... и потомъ
 Сказала такъ цинично: «Если есть
 У васъ, Отелло, другъ, который-бы
 Меня уже любилъ, — такъ научите
 Его рассказывать историю вашу,
 Чтобъ полюбить и я его могла...»
 И послѣ этого полупризнанья
 Подумалъ я: — ты любила
 Меня за горе, добрая душа, —
 Я полюбилъ тебя за состраданье...
 Вотъ все, чѣмъ я причаровалъ ее!
 Но вотъ и Дездемона; пусть она
 Сама расскажетъ вамъ.

(Входятъ Дездемона, Яго и свита.)

ДОЖЬ.

Я думаю

О томъ, что если-бы рассказъ его
 Слыхала дочь моя... О, добрый нашъ
 Брабанцио! устройте къ лучшему
 Все это. — Человѣкъ съ обломками
 Оружія вѣрнѣе все-таки
 Сражается, чѣмъ вовсе безоружный...

БРАБАНЦИО.

Постойте-жъ, слушайте ее; — и если
 Она признается, что съ доброй воли
 Покинула сѣдаго старика-отца, —
 О, пусть тогда проклятіе сожжетъ
 Сѣдины эти, если я укоромъ
 Хотя однажды опозорю Мавра.
 Ко мнѣ, о благородная снѣйора!
 Ты не замѣтила, о дочь моя,
 Среди этого блестящаго собранья

Того, кто столько правъ святыхъ имѣеть
На все вниманіе твое?

ДЕСДЕМОНА.

Отецъ!

Судьба ужъ раздѣлила право это.
За жизнь, за воспитаніе свое,
Обязана я вамъ — и это все
Меня заставить уважать васъ вѣчно.
Вы были повелителемъ моимъ
По праву, — и, какъ женщина, до сей
Поры была я только дочь... но — вотъ
Мой мужъ. — Какъ мать моя повиновалась
Вамъ предпочтительно передъ отцомъ,
Своимъ, — такъ я должна покорной быть
Супругу своему Отелло.

Х

БРАБАЦЦО.

Да сохранитъ васъ Божья благодать! —
Я кончилъ... (Дожу) Не угодно-ль перейти
Теперь къ дѣламъ общественнымъ. — О, легче
Любить пріемыша, чѣмъ милое
Дитя, изъ крови сердца нашего
Рожденное... Отелло! подойди
Ко мнѣ. Я отдаю ее тебѣ
Отъ всей души, — ее, которую
Отъ всей души хотѣлъ-бы я хранить
У своего похиутаго сердца...
Но ты уже владѣешь ею, Мавръ...
Мое сокровище! о дочь моя!
Я радъ, что не имѣю больше васъ...
Поступокъ твой заставлялъ-бы меня
Жестокимъ быть, — заставлялъ-бы меня
Ковать дѣтей цѣпями... Дождь! я кончилъ.

ДОЖЬ.

Позвольте-жъ мнѣ за васъ договорить,
Синьйоръ! — Позвольте, убѣжденіе
Свое сказать, — и пусть оно поможетъ
Супругамъ молодымъ опять войти

Въ любовь и мпюсть вашу. — Если мы
 Всѣ средства истощили для того,
 Чтобы отвести ударъ, и выжили до дна
 Всю чашу горя — легче намъ тогда,
 И сердце вновь знакомится съ надеждой...
 Оплакивать бывшее горе — значитъ
 Вновь это горе на сердце собирать.
 Кто переноситъ гордо, хладнокровно
 Удары неизбежныя судьбы, —
 Тотъ самъ смѣется надъ судьбою...
 Окраденный самъ крадетъ кое-что
 У вора равнодушною улыбкой;
 Горюя-жъ бесполезно, самъ себя
 Опъ добиваетъ только.

БРАБАНЦЮ.

Ну, такъ пусть
 Отнимутъ Турки Кипръ у насъ; его,
 По-этому, ничуть не потеряемъ мы
 До-той-поры, пока своей потерѣ
 Смѣяться будемъ. Добрые совѣты
 Тому пріятны, кто найти умѣетъ
 Въ нихъ утѣшеніе; но терпѣть тотъ
 Вдвойнѣ — отъ горя и совѣтовъ дружицхъ,
 Кто долженъ взять займы терпѣнья,
 Чтобъ расплатиться хоть съ одной печалью...
 Для утѣшенія или на смѣхъ
 Читаются совѣты эти намъ —
 Двусмысленны всегда они; — слова —
 Всегда слова.... и я еще не слышалъ,
 Чтобъ въ истинно-растерзанное сердце
 Могли слова пустыя проникать. —
 Я умоляю васъ, снѣйоры, перейдемъ
 Теперь къ общественнымъ дѣламъ.

ДОЖЪ.

Для осады Кипра Турки дѣлаютъ огромныя приготовленія. —
 Отелло, вы, конечно, лучше другихъ знаете крѣпкое положеніе
 этого острова; и — хотя мы имѣемъ тамъ совершенно-досто-
 наго офицера, — между-тѣмъ общее мнѣніе, этотъ волнова-

стный рѣшитель событій; слишкомъ самоувѣренно указываетъ на васъ; — изъ благодарности вы должны пожертвовать восторгами еще новаго счастья для предпріятія труднаго и опаснаго.

ОТЕЛЛО.

Привычка — деспоть; для меня теперь,
Достойные спяньоры, одръ желѣзный,
Да камешъ въ изголовьи — тотъ-же пухъ
На полѣ битвы.... Признаюсь — война,
Ея опасности, труды, лишенья,
Дарятъ мнѣ много, много наслажденья....
Я радъ идти противу Оттомановъ,
Но, преклонивъ главу мою, молю
Васъ о женѣ: не дайте ей замѣтить,
Что безъ меня, она здѣсь — сирота....

ДОЖЬ.

Она остаться можетъ, если вамъ
Угодно, у отца.

БРАБАНЦЮ.

Я не хочу.

ОТЕЛЛО.

Ни я.

ДЕСДЕМОНА.

Ни я. — Минувшей горести
Своимъ присутствіемъ я не хочу
Напоминать ему. — Не правда-ли,
Не захотите вы, великодушный Дождь,
Отвергнуть искренней мольбы моей? —
Она проста и такъ естественна,
Спяньоръ....

ДОЖЬ.

Что-жь вамъ угодно, Десдемона?

ДЕСДЕМОНА.

Что истинно и глубоко люблю
Я Мавра — въ этомъ всехъ завѣрить можетъ
Моя рѣшимость — раздѣлить труды

Его опасной доли; — для него
 Сдается, полюблю я робкимъ сердцемъ
 И самую войну; — лицо Отелло
 Я видѣла въ душѣ его великой, —
 И душу, и судьбу свою охотно
 Я посвятила доблестной судьбѣ
 Его. — И вотъ опъ безъ меня поидетъ
 На всѣ опасности войны, и я
 Останусь чуждою той доблести,
 Которой опъ очаровалъ меня...
 И, грустная, должна я много дней
 Тяжолыхъ пережить далеко отъ него....
 Позвольте, Дождь, мнѣ слѣдовать за Мавромъ.

ОТЕЛЛО.

Синьйоры! — ваши голоса, синьйоры....
 Пусть вольно выберетъ она дорогу,
 Я умоляю васъ. — Свидѣтель небо —
 Теперь я забываю страсть свою;
 И васъ прошу объ этомъ не за тѣмъ,
 Чтобъ наслажденіемъ залить огонь
 Ея... О нѣтъ! но только, чтобъ душѣ
 Ея покой и счастье подарить.
 И пусть проститъ вамъ небо, если вы
 Подумать можете, что чрезъ нее
 На мигъ забуду я свой важный подвигъ....
 Да, если страсть оцѣнитъ мой духъ
 Презрѣнной слабостью, забвемъ долга, —
 Пусть бабы шлемъ мой боевой поставятъ
 Между своихъ горшковъ, и имя Мавра
 Пусть заклеятъ на вѣкъ пятно позора.

ДОЖЬ.

Рѣшите-жъ сами это, какъ хотите....
 Межъ-тѣмъ опасность все растетъ,
 И вамъ спѣшить необходимо. Вы
 Должны уѣхать въ эту ночь.

ДЕСДЕМОНА.

Теперь,

Синьйоръ мой, въ эту ночь?

ДОЖЪ.

Да! въ эту ночь..

ОТЕЛЛО.

Отъ всей души.

ДОЖЪ.

А по-утру, часу
 Въ девятомъ, мы увидимся опять,
 Синьйоры, здѣсь. — Отелло! вы оставьте
 Здѣсь офицера своего — онъ вамъ
 Доставитъ вѣсть о томъ, на что рѣшимся;
 А между-тѣмъ онъ можетъ выполнить
 И ваши порученья.

ОТЕЛЛО.

Если вамъ

Угодно — я оставлю моего
 Знаменоносца; въ вѣрности его
 И честности я убѣжденъ; ему
 Я поручу заботы о женѣ,
 И все, чѣмъ вы, синьйоръ, снабдить меня
 Благоволите.

ДОЖЪ.

Это кончено. —

Синьйоры! доброй ночи. — Да, Брабанціо,
 Мой благородный другъ! вѣдь правда, что
 Прямая доблесть не нуждается
 Въ мишурной красотѣ.... и зять вашъ Мавръ
 Прекрасенъ, — хоть и чоренъ онъ.

1-й СЕНАТОРЪ.

Прощайте, храбрый Мавръ! Блаженствуйте
 Любовью Дездемоны.

БРАБАНЦІО.

Но гляди

За нею, Мавръ; но не спускай очей
 Съ нея; она сумѣла обмануть

Отца, — обманетъ и тебя коварно.

(Дождь, сенаторы и офицеры уходятъ).

ОТЕЛЛО.

Нѣтъ, жизнию ручаюсь за нее!...

Итакъ, мой честный Яго, Дездемону

Оставлю твоему усердыю я;

Пусть ей сопутствуетъ твоя жена,

И въ добрый часъ устрой ты ихъ отъѣздъ.

Ко мнѣ, мой ангелъ Дездемона!... Часъ,

Часъ только намъ остался для любви,

Бесѣды, пѣжныхъ о тебѣ заботъ...

Что-жъ дѣлать? — повинуемся судьбѣ....

(Отелло и Дездемона уходятъ).

РОДРИГО.

Яго!

яго.

Ну, что ты скажешь, доблестный Родриго?

РОДРИГО.

А! угадай, на что рѣшился я?

яго.

Дѣло видимое — добратся до койки, да на боковую.

РОДРИГО.

Я хочу утопиться, — непосредственно утопиться.

яго.

Топись — пожалуй; — но если ты это сдѣлаешь — кончено! я перестану любить тебя. Да и для чего-бы это, многоумный снѣ-йоръ мой?

РОДРИГО.

Да, для того, Яго, что глупо-же жить, когда жизнь одно мученіе, — и если къ-тому-жъ единственный лекаръ намъ смерть, то и слѣдуетъ, что при этомъ разѣ должно умереть.

яго.

О бѣдный! бѣдный! — Я гляжу на міръ уже цѣлые двадцать-восемь лѣтъ, и съ-тѣхъ-поръ, какъ научился различать благо-дѣянiя отъ оскорбленiй, ни разу не встрѣтилъ еще человѣка, который-бы постигъ великое искусство — любить себя.... И прежде — сказалъ-бы я — чѣмъ топиться изъ любви къ какой-нибудь дѣвчонкѣ, прежде я-бы обмѣнялся своимъ человѣчествомъ съ οποю обезьяной.

РОДРИГО.

Да что-жъ я буду дѣлать? Признаться, оно и самому мнѣ какъ-то неловко отъ этой дурн, да какою-жъ добродѣтелью можешь ты горю?

яго.

Добродѣтелью! Фи! — Быть тѣмъ или другимъ зависитъ чисто отъ насъ. Тѣло наше — садъ, садовникъ — воля: и — разводимъ-ли мы крапиву или сѣмъ латукъ, выращиваемъ иссопъ или тимъ, лелѣемъ одинъ родъ травъ, или вырываемъ съ корнемъ другой, дѣлается-ли этотъ садъ отъ безпечности нашей бесплоднымъ или, въ-слѣдствiе труда, приноситъ плодъ обильный — все, все это въ нашей волѣ. — Если-бы на вѣсахъ нашей жизни чашка разума не была въ равновѣсiи съ чашкою страстей, то бурное волненiе крови и пошлыя желанiя нашей природы приводили-бы насъ всегда къ самому бѣдственному концу; — но мы имѣемъ разумъ, который укрощаетъ наше бѣшеное чувство, жажду наслажденiя, наши неумиримыя страсти.... Изъ чего и слѣдуетъ, что эта вещьца, которая у васъ зовется любовью — просто, сухая дрянъ, которую садовникъ хладнокровно обсѣкаетъ на старыхъ деревьяхъ....

РОДРИГО.

Ну, это ужъ вздоръ, Яго.

яго.

Просто — лишнiй градусъ волненiя крови, маленькая уступка со стороны воли. Ну, перестань-же, — будь человѣкомъ! — Ты хочешь утопить себя?.. вѣдь топятъ только кошекъ, да слѣпыхъ щенятъ. — Я объявилъ уже себя твоимъ другомъ, и повторяю еще, что я связанъ съ твоими интересами самыми неразрыв-

ными узами. — Я не могу никогда лучше услужить тебѣ, какъ именно теперь... Нужно только застись тебѣ порядочнымъ кошелькомъ... Слѣдуй за нами на войну; не мѣшаетъ пакленть бороду, чтобъ не быть, знаешь, такимъ хорошенькимъ... Ну, опять я говорю, наполни порядкомъ кошелекъ свой... Дѣло рѣшеное — Дездемона не будетъ долго пѣжничать съ своимъ Мавромъ... не мѣшаетъ, помни, застись деньгами... такъ точно какъ и Мавръ съ нею. Начало-то было у нихъ слишкомъ-горячо, — повѣрь, что также скоро пойдетъ дѣло и къ концу... не забудь только о полновѣсности кошелька своего... Эти Мавры — народъ не слишкомъ-то постоянный... дѣло въ томъ, чтобъ кошелекъ твой не истощался... самый лакомый кусочекъ скоро покажется ему горьче полыни. — Уже потому, что она молода, она должна перемениться. Пусть только насытитъ съ Мавромъ первую страсть — и она захочетъ поправить ошибку своего выбора. Она должна перемениться, — должна, повторяю я... между-тѣмъ наполни получше кошелекъ свой. Если ужъ непременно хочется пропасть тебѣ — все-жъ можно выдумать для этого способъ поделкатнѣй, нежели просто утопиться... Припаси золота какъ-можно больше... Если мой геній и всѣ силы ада не уничтожатъ этого союза и всѣхъ пустыхъ клятвъ между варварійскимъ бродягою и хитрою Венеціянкой — изъ нея перепадетъ таки кое-что и на твою долю... только, ужъ знаешь—деньги въ этомъ разѣ чисто необходимы... Сдѣлай дружбу, Родриго, не топись! — Выбрось изъ головы мысль эту! Это, чисто, въ всякаго разчета: разсчитывай лучше на то, какъ-бы скорѣе вѣситься на шею своей богинѣ, ¹⁰⁾ нежели топиться, не вкусивъ отъ запрещеннаго древа.

РОДРИГО.

А будешь ты помогать исполненію надеждъ моихъ, если я стану дожидаться?

ЯГО.

О, я твой, — будь увѣренъ! — Иди-ка, да похлопочи о деньгахъ. Я часто говорилъ тебѣ прежде, опять и опять повторяю теперь, что Мавра я ненавижу; ненависть моя глубоко запала въ сердце; твоя должна имѣть не меньше основанія, — и мы теперь соединимся для мести. — Если ты сможешь опозорить его, то и себѣ доставишь удовольствіе, и мнѣ нѣсколько развлеченія

Много, о! много въ пространствахъ грядущаго кроется очерковъ
событій, которые время скоро воззоветъ къ бытію... Ну, впе-
редъ, маршъ! Добывай денегъ! Завтра потолкуемъ больше. Про-
щай!

РОДРИГО.

Гдѣ-жъ мы завтра встрѣтимся?

ЯГО.

Да у меня-же.

РОДРИГО.

Я приду къ тебѣ пораньше.

ЯГО.

Ну, иди-же, прощай! Слышишь Родриго?

РОДРИГО.

Что?

ЯГО.

Не топись! слышишь?

РОДРИГО.

Нѣтъ; — я уже раздумалъ. Продамъ всѣ свои земли.

ЯГО.

Дѣло! — Ну, ступай-же. Прощай. Да какъ можно побольше
золота въ кошелекъ!..

(Родриго уходитъ).

Вотъ такъ-то у меня всегда глупцы
Работаютъ для моего кармана...

Да и не глупо-ль тратить опытность
Свою съ подобными шутами, если-бъ

Я не выгадывалъ себѣ при этомъ

И удовольствіе и пользу. — Мавра

Я ненавижу... Ну, а тутъ еще

Друзья со всѣхъ сторонъ кричатъ, что онъ

Вступалъ во временную должность

За пологомъ моей постели...

Хоть въ этомъ я еще не убѣжденъ

Дѣйствительно, — но подозрѣніе

Въ такихъ вещахъ заставитъ поработать

Съ такою-жъ ревностью, какъ очевидность...
 Онъ довѣряетъ мнѣ, — мои навѣты
 Падутъ ему на сердце. Кассіо
 Здѣсь чисто золото — не человѣкъ...
 Теперь посмотримъ: получить его
 Мѣстечко, мщепіе свое насытить,
 Двойная ловкость, Яго!.. Но вѣдь какъ?
 Но какъ?.. А вотъ посмотримъ... Да, спустя
 Немного времени, сказать Отелмо
 Такъ... стороной... что Кассіо немпожко
 Фамильярень съ Дездемоной...
 Его фигурка, сладенькія рѣчи
 Для ревности все-жъ значать что-нибудь...
 Онъ сотворень для женскаго грѣха!..
 А Мавръ такъ простъ, довѣрчивъ къ честнымъ людямъ,
 Довѣрчивъ ко всему, что носить маску
 Дурацкой честности... И, какъ осель,
 Водить себя за носъ позволить... Да!
 Начало сознано... а почъ и адъ
 Произведутъ на свѣтъ — чудовище!

(Уходитъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Городской приморскій портъ на островъ Кипръ.
 Платформа.

ВХОДЯТЪ МОНТАНО И ДВА ОФИЦЕРА.

МОНТАНО.

А что, не видно-ль на морѣ чего?

ЭЛІТНІ БІБЛІОТЕКА
ЗДАНА ПРАСІ

1-й ОФИЦЕРЪ.

Да ровно ничего. Валы, гремя,
Холмами ходять. Межъ небесъ и моря
Нѣтъ мѣста парусу заполоскаться.

МОНТАНО.

Да, бурно ураганъ ведетъ съ землей
Свою бесѣду: никогда подобный
Не бушевалъ по стѣпамъ крѣпостнымъ;
И если также бѣшено свиститъ
На морѣ онь — дубовые бока
Не сдержатъ натиска пливучихъ горь.
Какія вѣсти будутъ, Боже мой!...

2-й ОФИЦЕРЪ.

Не дурны, — ураганъ разсѣетъ флотъ
Турецкій — это вѣрно! — Подойдите
Сюда на берегъ, пѣною облитый,
Смотрите, какъ валы чудовищнымъ
Хребтомъ тѣспятъ ряды косматыхъ тучъ,
Желая словно потушить своимъ
Ключомъ горящую Медвѣдицу,
И свѣтлыхъ стражей полюсовъ педвижныхъ.
Я не видалъ еще морской пучины
Въ такомъ ужасно-яростномъ разгулѣ.

МОНТАНО.

Да, если только Турки не успѣли
Поставить корабли на рейдъ — они
Погибли.

(Входитъ третій офицеръ).

3-й ОФИЦЕРЪ.

Вѣсти, господа! Война
Окончена. — Спасибо бурѣ.... да!
Она такъ расчесала флотъ невѣрныхъ,
Что планамъ ихъ уже не исполняться.
Одинъ изъ благородныхъ кораблей
Республики намъ эту вѣсть припесъ; —

Онъ видѣлъ гибель бѣльшей части флота.

МОНТАНО.

Возможно-ль, справедливо-ль это?

3-й офицеръ.

Да!

Корабль, припесшій эту новость, здѣсь.
Онъ изъ Вероны. — Флорентинецъ Кассіо,
Недавній лейтенантъ Отелло, вышелъ
Уже на бѣрегъ; — знаменитый Мавръ
Плыветъ за нимъ; ему поручена
Вся власть на нашемъ островѣ.

МОНТАНО.

Я радъ

Отъ всей души: — Отелло былъ всегда
Начальникомъ достойнымъ.

3-й офицеръ.

Но хотя

Онъ намъ припесъ и радостную вѣсть
Объ истребленіи враговъ — въ очахъ
Его однако-же видна тревога;
Онъ молить у судьбъ спасенья Мавру...
Ихъ корабли шли вмѣстѣ, только ночью
Ихъ бурей разогнало.

МОНТАНО.

Да спасутъ

Его святыя Небеса! — Когда-то
Я подъ начальствомъ у него служилъ —
Онъ властвуетъ, какъ истинный солдатъ.
Идемъ-же на бѣрегъ; посмотримъ тамъ
Прибывшій къ намъ корабль, — а, можетъ-быть,
Что и Отелловъ парусъ мы увидимъ: —
Мы жадно взоры устремимъ на волны —
Пока вечернимъ паромъ не взойдутъ
Онъ подъ небеса.

3-й офицеръ.

Идемъ. Теперь
Мгновенъе каждое ведетъ съ собой
Рядъ новыхъ происшествій.

(Входитъ Кассіо).

КАССИО.

Благодарный

Привѣтъ мой храбрымъ Кипріотамъ,
Умѣющимъ цѣнить Отелло... О,
Да защитятъ его святыя силы
Противъ стихій; я потерялъ его
Въ опасномъ мѣстѣ.

МОНТАНО.

А надеженъ-ли

Корабль его?

КАССИО:

Корабль построенъ прочно,
И кормчій опытенъ, неустрашимъ, —
Я не хочу несчастья пакликать,
И твердо вѣрую въ его спасенье...

*(Голоса извнѣ: Парусъ! парусъ! парусъ!).**(Входитъ офицеръ).*

КАССИО.

Что значить этотъ шумъ?

4-й офицеръ.

Весь городъ пусть;
Толпы народа унизали берегъ —
И берегъ стонетъ крикомъ: парусъ! парусъ!

КАССИО.

Мнѣ тайный голосъ сердца говоритъ,
Что тамъ нашъ генералъ.

(Слышенъ выстрѣлъ).

2-й офицеръ.

Вотъ съ корабля

Салютъ. О, это наши!

КАССИО.

Господа,
Скорѣй, скорѣе кто-нибудь на берегъ. —
Узнайте, кто пріѣхалъ.

2-й ОФИЦЕРЪ.

Я бѣгу.

(Уходитъ).

МОНТАНО.

Скажите, лейтенантъ, что генералъ —
Женатъ?

КАССИО.

И какъ нельзя счастливей. Опъ
Владѣетъ женщиной, которая
Далеко выше всѣхъ о ней разсказовъ
Кочующей молвы, — далеко выше
Всѣхъ описаній льстиваго пера, —
И если можетъ совершеннымъ быть
Созданіе земли — жена Отелло
Вѣнецъ земнаго совершенства.

(Входитъ офицеръ).

Ну, что-же... кто прибылъ на корабль?

2-й ОФИЦЕРЪ.

Знаменопосецъ генерала, Яго.

КАССИО.

Да, это слишкомъ-скоро и счастливо. —
И горы волпъ, и бурный ураганъ,
И острыхъ скалъ гребнистые ряды,
И мелъ — вѣроломные враги
Судовъ певичныхъ — все, склопяся, пало
Предъ дивомъ красоты, и, затаивъ
Глубоко жажду гибели и зла,
Лелѣяло корабль, припесшій къ намъ
Прелестнѣйшую Десдемоню.

МОНТАНО.

Кто

Она?

КАССИО.

Та, о которой говорилъ
Я вамъ. Она — властитель нашего
Великаго начальника, Отелло.
Онъ поручалъ ее заботамъ Яго, —
И надобно сказать, что бравый Яго
Опередилъ самое ожидаеье,
Успѣвъ прибыть на островъ за семь дней.
Великій Юпитеръ! храни Отелло.... мощнымъ
Дыханіемъ своимъ падуи его вѣтрила;
Скорѣй обрадуи гордымъ кораблемъ
Его нашъ рейдъ, — и страстную тревогу
Крови его горячей успокой
Въ объятыхъ Десдемоны. — Только онъ
Для новой доблести разбудить насъ
И успокоитъ островъ. -- Посмотрите....

(Входятъ Десдемона, Эмилія, Яго, Родриго и слуги).

Глядите — драгоценность корабля.
На берегу уже. — Склоните-же
Предъ ней колѣна ваши, Кипріоты; —
Привѣтъ мой благородной Десдемонѣ, —
Да осѣнитъ васъ благодать небесъ!

ДЕСДЕМОНА.

Благодарю васъ, добрый Кассіо!
Какія новости вы можете
Сказать мнѣ о моемъ супругѣ?

КАССИО.

Онъ

Еще не прибылъ къ намъ; но сколько я
Могу судить — онъ въ опасности
И скоро будетъ здѣсь.

ДЕСДЕМОНА.

А между-тѣмъ
Меня неволью грусть томить. Гдѣ вы
Его оставили?

КАССИО.

Ужасная

Борьба межъ небомъ и морской пучиной
Насъ разлучила.... Слышатель?... Корабль!

(Въ отдаленіи слышны крики: «Парусъ! парусъ»! Слышенъ выстрѣлъ).

2-й офицеръ.

Онъ салютуетъ крѣпости; корабль
На вѣрно нашъ.

КАССИО.

Узнайте, кто пріѣхалъ. (Офицеръ уходитъ).
Да будетъ онъ благословенъ, пріѣздъ
Вашъ, Яго! (Эмилиа). Мой привѣтъ синьйоръ! (Цѣлуетъ ее).
Ну, не сердись-же, добрый Яго, что
Немножко вольничаю я: — меня
Воспитывали такъ, что въ этомъ смѣломъ,
Быть-можетъ, нѣскольکو поступкѣ, я
Хочу быть только вѣжливымъ.

яго.

О синьйоръ!

Пусть будетъ только такъ щедра она
Для васъ на поцѣлуй, какъ для Яго
На язычокъ, — клянусь, пріѣдется скоро.

ДЕСДЕМОПА.

Увы! она почти не говоритъ.

яго.

Не говоритъ!?!... клянусь вамъ, — слишкомъ много....
И только чуть задремлешь.... тутъ она
Какъ-разъ уже разговорится. — Да,
При васъ, синьйора, язычокъ она
Хоропитъ въ сердце, — правда! — да за то
Ужъ какъ работаетъ-то сердце...

ЭМИЛИА.

Откуда-жъ это убѣжденіе, Яго?

яго.

Ну, ну, жена — ужъ лучше перестань!

Всѣ бабы вы — певницы картинки,
 Чуть только ступите за свой порогъ;
 За тó ужъ дома — что твой колокольчикъ!
 Вы словно кошки дикія на кухнѣ; —
 Когда кусаетесь — святые вы;
 Святую-жъ эту только зацѣпи
 И станетъ ангельчикъ чертенкомъ... право!
 Хозяйство вамъ — игрушка, но за тó
 Ужъ слишкомъ вы хозяйки — на постелѣ....

ДЕСДЕМОПА.

Фп, злоязычникъ!

яго.

О, снѣйора, нѣтъ, —
 Я только истину сказалъ. — И пусть
 Я буду Турокъ, если это ложь.
 Для вздора часто вы встаете съ ложа,
 И только съ доброй цѣлю ложитесь.

эмилія.

Ужъ не тебѣ, конечно, поручила-бъ
 Я похвалить себя.

яго.

Да и умпо-бъ
 Ты это сдѣлала, жена.

ДЕСДЕМОПА.

А что
 Сказалъ-бы ты, когда-бъ меня хвалить
 Пришлось, Яго?

яго.

Васъ? — О пощадите....
 Для сладенькихъ рѣчей я чисто пѣмъ,
 И съ ними ровно ничего не стою.

ДЕСДЕМОПА.

Что нужды! испытай! — Пошелъ-ли кто
 На пристапъ?

ЯГО.

Да, сипьйора!

ДЕСДЕМОНУ.

Какъ-то мнѣ

Невесело.... Но я хотѣла-бы
Притворствомъ обмануть тоску свою....
Ну, какъ-же-бъ похвалилъ меня ты, Яго?

ЯГО.

Я погружаюсь въ мысль, но въ мысляхъ пусто....
Онѣ присохли словно къ мозгу. — Нужно
Оттуда выгнать ихъ. А!... вдохновенье!...
Вотъ что мнѣ муза изрекла, сипьйора:
Умна и хороша.... ну, умъ пусть служитъ,
А красота — знай тѣшится, не тужить.

ДЕСДЕМОНА.

Вотъ странная манера похвалы....
А что-бъ сказалъ ты жепцинѣ, — положимъ,
Отличной по уму, по безобразной?

ЯГО.

Не хороша.... да только-бы съ умомъ, —
Утѣшится съ хорошенькимъ глупцомъ!

ДЕСДЕМОНА.

Да это хуже прежняго еще!

ЭМПІЯ.

Ну, Пноія.... а дурочкѣ смазливой?

ЯГО.

Ихъ вовсе пѣтъ: — у каждой толку стацетъ,
Шутя себѣ послѣдника оставить.

ДЕСДЕМОНА.

Все это старья и глупья прибаутки, годцыя для того только,

чтобъ смѣшить дураковъ въ трактирахъ. И что-же послѣ этого изречете вы той несчастной, которая и глупа и безобразна?

яго.

О, самая уродливья дуры
Умѣютъ тоже лихо строить куры! —

ДЕСДЕМОНА.

Какой тяжолый вздоръ! Самую худшую хвалишь ты больше всѣхъ. — Но какъ-бы воспѣлъ ты женщину дѣйствительно достойную, — ту, предъ которою невольно склопается самое ядовитое злословіе?

яго.

Та женщина, въ которой съ красотою
Нѣтъ глупаго тщеславья съ суетою;
Которая прекрасно говоритъ,
Но во время и кстати промолчить;
Которая богата на добро
И разсыпаетъ золото умно;
Которая, хоть скажетъ: «я-бъ могла»!
Умно прибавитъ: «отойду отъ зла»!
Которая прощаетъ оскорбленья,
И зная средства мстить, не знаетъ мщенья;
Которая на тощій хвостъ семги
Не промѣняетъ щучьей головы; ¹¹⁾
Въ которой мыслить здраво свѣтлый умъ,
Не открывая заповѣдныхъ думъ;
Которая влечетъ широкій рядъ
Вдыхателей, но не глядитъ назадъ; —
Опа-бъ годилась... нечего сказать...

ДЕСДЕМОНА.

На что?

яго.

Ребятъ кормить, да пиво продавать.

ДЕСДЕМОНА.

О, это самое невѣрное и вздорное заключеніе!... Не вѣрь

правственнымъ убѣжденіямъ его, Эмилія, хоть онъ и мужъ твой. Не правда-ли, Кассіо, сужденія его довольно-плоски, и онъ не слишкомъ стѣсняется выраженіемъ ихъ?

КАССИО.

Это, снѣйора, не больше, какъ ходячія прибаутки кстати. Онъ скорѣе поправился-бы вамъ съ мечомъ въ рукѣ, нежели съ философіей на устахъ.

(Десдемона дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, чтобы удалиться; Кассіо приближается къ ней, и, провозжая, беретъ ее почитительно подъ руку; нѣсколько жестовъ взаимной вѣжливости; Яго наблюдаетъ это съ насмѣшливою радостію.)

яго *(въ-сторону)*.

Онъ беретъ ее подъ руку; ну, такъ... такъ, шепчутся нѣжные, невинные голубочки... о, въ этой паутинѣ, Кассіо, скоро затрепещется большой слѣпень.... Да, улыбайся ей, улыбайся слаще; твои нѣжности совьютъ тебѣ, дружокъ, веревку; о, ты мастерски точишь балы смазливымъ бабенкамъ; кто объ этомъ и спорить; а все-таки за подобный вздоръ, право, жаль потерять лейтенантство... Ну, что изъ того, что ты такъ часто цѣлуешь свои пальцы, хоть ты и опять, вотъ! лобзаешь ихъ съ такою ловкостію... Славный поцѣлуй, — ей-Богу! — чудесная ловкость! кто объ этомъ и спорить. — И опять ваши пальцы у устъ вашихъ! О, изъ любви къ вамъ, снѣйоръ Кассіо, — я-бы желалъ, чтобы брызнула изъ нихъ въ глотку твою всякая скверна.... *(Звукъ трубы)* А, это Мавръ! я узнаю звукъ трубы его.

КАССИО.

Это дѣйствительно онъ.

ДЕСДЕМОНА.

Поспѣшимъ встрѣтить и принять его.

КАССИО.

Вотъ онъ идетъ.

(Входитъ Отелло и свита.)

ОТЕЛЛО.

О, моя прекрасная вонпельница!

ДЕСДЕМОНА.

Мой милый Отелло!...

ОТЕЛЛО.

Я удивленъ и восхищенъ тобою,
 О Десдемона, счастье души
 Моей... О! если послѣ бурь всегда
 Такъ легко, счастливо на сердцѣ — пусть
 Бушуетъ ураганъ и губельнымъ
 Дыханьемъ гонитъ смерть изъ нѣдръ пучины;
 Пусть мой корабль летаетъ по валамъ,
 Высокимъ какъ Олимпъ, — и кинутый
 Съ гребня ихъ въ глубь летитъ до двери ада...
 О смерть! иди ко мнѣ... я слишкомъ-счастливъ!
 Тамъ... дальше... у меня уже не будетъ
 Мгновеній чище и святѣ этихъ...

ДЕСДЕМОНА.

О, да помилуетъ тебя Господь!
 Пусть наше счастье и любовь растутъ
 И множатся день за день!

ОТЕЛЛО.

О, услышьте,

Святые ангелы, ея молитву!
 Я не могу сказать всего, чѣмъ мысль
 Моя полна... Ахъ, сколько чувства здѣсь —
 А слово пусто, холодно... За-чѣмъ
 На мигъ одинъ ты, счастье многихъ лѣтъ!...
 Цѣлуй меня, цѣлуй!...

(Цѣлуетъ ее нѣсколько разъ.)

И пусть лишь споръ
 За эти поцѣлуйи иногда
 Встревожитъ миръ грядущихъ нашихъ дней...

яго *(въ-сторону)*.

Да, вы теперь поете такъ согласно...
 Но эту музыку рѣчей разстрою-жъ я,
 Клянуса честію, разстрою!

ОТЕЛЛО.

Ну,

Идемъ теперь мы въ крѣпость. — Новости,
Друзья! Война окончена, — враги
Перетопились. — Какъ живутъ, скажите,
Старинные знакомцы наши здѣсь?

(Дездемона.)

О, ангелъ мой! повѣрь, что искренно
Тебя полюбятъ Кипріоты: всѣ
Они такъ истинно и много преданы
Отелло твоему. О милая!
Я говорю, и самъ не понимая
Своихъ рѣчей... и мысль моя и сердце
Въ такомъ восторженномъ бреду... *(Яго)* Сходи,
Мой Яго, къ пристани, вели спести
Дорожный чемоданъ мой съ корабля,
Да приведи съ собою въ цитадель
И кормчаго — что за лихой морякъ!
Онъ заслужилъ признательность мою
И уваженіе. Ко мнѣ, ко мнѣ,
О Дездемона! столько счастливъ я
Тебя встрѣчая въ Кипрѣ! .

(Отелло, Дездемона и свита уходятъ.)

ЯГО.

Ты найдешь меня теперь въ гавани. Приходи туда. Но слушай, Родриго, — если есть у тебя то, что зовутъ сердцемъ, — слушай! — *(Вѣдь говорятъ-же, что и самые малодушные, когда думаютъ, что любятъ они, одушевляются какимъ-то благородствомъ, незнакомымъ ихъ природѣ.)* — На эту ночь въ карауль наряженъ лейтенантъ: и прежде всего долженъ сказать я тебѣ, что Дездемона рѣшительно влюблена въ него.

РОДРИГО.

Въ него? вздоръ! это невозможно!

ЯГО.

Палецъ на уста — вотъ такъ .. и я объясню тебѣ все дѣло. —
Замѣть себѣ, какъ бурна была сначала любовь ея къ Мавру, —

а причина? его тщеславіе, Родриго, да великолѣпная ложь, только!... И ты скажешь, что она долго будетъ любить его за эту болтовню? Нѣтъ! не думай такъ, Родриго! — Нужно-же глазамъ ея успокоиться, — насытиться, что называется, — а что за радость вѣчно созерцать такого дьявола, — прости меня Господи!... Когда остываетъ кровь и притупляется поемпогу жажда наслажденія, такъ для того, чтобы опять воспламенить ее и создать новыя желанія, нужна красота формы, извѣстное отношеніе лѣтъ, благородная манера, нужно все то, чего нѣтъ у Мавра; и не находя въ немъ ничего этого, нѣжность чувства Дездемоны скоро исчезнетъ, и мѣсто ея сначала заступитъ равнодушіе, а потомъ и отвращеніе къ Мавру; сама природа разбудитъ въ ней то и другое, и, естественно, заставитъ сдѣлать новый выборъ. Теперь, — такъ-какъ мы согласились уже въ этомъ, — (для меня, по-крайней-мѣрѣ, оно ясно какъ день) теперь, говорю, рѣши самъ, кто на лучшей дорогѣ достигъ этого счастія... Кассіо, очевидно! — О, это смѣтливый и тонкій балагуръ, и именно съ тою степенью совѣсти, чтобы умѣть поступками приличными и по виду честными отвести вниманіе отъ низкихъ, но слишкомъ-хитро скрываемыхъ намѣреній своихъ; подобнаго ему не знаю я, право, не знаю; о хитрый плутъ, ловкій плутъ, — пайдти и ухватиться за случай — это его дѣло; по глазамъ такъ и скажешь, что это совершеннѣйшій человѣкъ, — да на дѣлѣ другое! дьявольскій плутъ! — Къ-тому-жъ, Родриго, онъ прекрасецъ, молодецъ, имѣетъ бездну другихъ достоинствъ, которыя всегда кружатъ эти глупыя молодыя головки: преестественный и опасный мошенникъ... и женщина уже замѣтила его.

РОДРИГО.

Я не могу вѣрить послѣднему: она — олицетворенная добродѣтель.

ЯГО.

Охъ, у всего есть свой конецъ, Родриго! — Вѣдь и вино, которое пьетъ она, красовалось прежде въ золотыхъ кистяхъ винограда. — Будь она такъ чиста, какъ ты думаешь — полюбила-бъ ли она Мавра?... Вздоръ! вздоръ, Родриго! — Да развѣ ты и не замѣтилъ, какія штуки выдѣлывала она съ рукою Кассіо? Не замѣтилъ?...

РОДРИГО.

Правда, замѣтилъ что-то; но думаю, что это не болѣе какъ обыкновенная вѣжливость.

яго.

Развратъ, клянуся этой рукою, развратъ! — это интродукція, это темный еще прологъ въ драму желаній нечистыхъ и сладострастныхъ. Губы ихъ сходились такъ близко, что дыханія какъ-бы сливались въ поцѣлуй... Нечистые помыслы, Родриго! Когда эти взаимныя вѣжности ходятъ ужъ по знакомой дорожкѣ — отъ рукъ дѣло пойдетъ уже быстро и до другаго-прочаго... разумѣешь?... Ну, да! — Но тутъ-то надо дѣйствовать и намъ — и вы ужъ, сеньйоръ, благоволите предоставить мнѣ честь поручивать немножко нетерпѣніе ваше. Я привелъ васъ сюда изъ самой Венеціи... Бодрствуйте-же эту ночь: я устрою дѣла такъ, что команду назначатъ вамъ; Кассіо васъ не знаетъ, — я буду вблизи васъ. — Найдите средство взбѣсить Кассіо, или горделиво выражаясь, или подшучивая надъ его дисциплиной, или чѣмъ-нибудь другимъ, какъ вамъ уже тамъ заблагоразсудится; случай тутъ самый лучший совѣтчикъ...

РОДРИГО.

Ладно, ладно....

яго.

Онъ вспыльчивъ, сеньйоръ, и бѣшенъ въ гнѣвѣ своемъ.... можетъ-быть онъ васъ еще и ударитъ.... О, заставьте его сдѣлать это; тогда я съумѣю поднять весь островъ, и мятежъ утихнетъ развѣ тогда только, когда на мѣсто Кассіо назначенъ будетъ другой.... Такимъ образомъ, всѣ препятствія падаютъ, и вы приближаетесь къ своимъ цѣлямъ, помощію средствъ, которыя я пушу потомъ въ дѣло; — а безъ того нѣтъ ровню никакой надежды на успѣхъ.

РОДРИГО.

Я сдѣлаю все это, если только найду какой-нибудь случай или возможность.

яго.

За это ужъ я ручаюсь. — Идите-же сейчасъ въ крѣпость. Я пойду выгрузить вещи Мавра. — Прощайте.

Прощай.

яго.

Что Кассіо влюбленъ въ нее — я вѣрю;
 Что любитъ Кассіо она — почти
 И это вѣроятно. — Мавръ, — хоть я
 Его и ненавижу, — одаренъ
 Возвышенной и любящей душой
 И сердцемъ благороднымъ; — я увѣренъ,
 Что будетъ онъ супругъ внимательный
 И пѣжрый.... Да, признаться, я и самъ
 Люблю ее, хотя любовь моя
 Питается не жаждой страсти, — пѣтъ!
 Пусть я грѣшу, но это — жажда мести!...
 О, мысль проклятая засѣла крѣпко тутъ, —
 (Указываетъ на голову).

Что сладострастный Мавръ переступалъ
 Когда-то за порогъ моей опочивальни, —
 И ядовитымъ мипераломъ въ грудь
 Мою запала эта мысль.... Да, Мавръ!
 За бабу, баба.... Если-жъ не успѣю....
 Я жгучимъ ядомъ ревности искусно
 Твой гордый умъ и душу оболую....
 И если этотъ шутъ, котораго ташу
 Изъ самой я Венецыи за собой,
 Какъ добраго бульдога для охоты, —
 Сумѣетъ ловко повести дѣла —
 Я подцѣплю васъ, милый мой Мишель!
 Я отепечу ловко васъ предъ Мавромъ, —
 Вѣдь чуть-ли не имѣете и вы
 Претензіи на мой ночной колпакъ....
 И штука въ томъ, что я потомъ съумѣю
 У Мавра выслужить признательность,
 Любовь и благодарность, все за то,
 Что обтяну его ослиной шкурой,
 И міръ души на вѣки изгою,
 И человѣка въ немъ я опозорю.... (Кладетъ руку на лобъ).
 Ты здѣсь уже, о мысль! — Но ходишь ты
 Еще туманнымъ, смутнымъ очеркомъ....

Да это такъ всегда.... Когда-жъ придетъ
Пора ползти коварству, — такъ оно
Само-себѣ найдетъ дорогу.

(Уходитъ).

СЦЕНА II.

Улица.

(Входитъ герольдъ съ объявленіемъ, — за нимъ толпа народа).

ГЕРОЛЬДЪ.

Нашему благородному и храброму Отелло, получившему извѣ-
стіе о совершенной гибели турецкаго флота, угодно, чтобъ весь
народъ торжествовалъ эту счастливую новость пляской, потѣшны-
ми огнями и другими удовольствіями — какъ кому угодно, —
ибо кромѣ торжества по этому случаю, сегодня-же Отелло празд-
нуетъ и свою свадьбу. — По его волѣ объявляется это всена-
родно. — Всѣ крѣпостныя ворота отпираются, и каждому пре-
доставляется полная свобода веселиться отъ настоящей поры,
то-есть, съ пяти часовъ вечера, до-тѣхъ-поръ, пока колоколъ
прозвучитъ одиннадцатъ часовъ. — Да благословитъ небо нашъ
островъ и нашего благороднаго генерала Отелло! *(Уходитъ).*

СЦЕНА III.

Зала въ крѣпости.

ВХОДЯТЪ ОТЕЛЛО, ДЕСДЕМОНА, КАССИО И СВИТА.

ОТЕЛЛО.

Сегодня, добрый мой Мишель, тебѣ
Я поручаю стражу городскую....
И занимая этотъ важный постъ,
Конечно, нужно быть благоразумнымъ,
И помнить строго дѣло межъ бездѣльемъ.

КАССИО.

Я передалъ ужь Яго пужные

Приказы; — между-тѣмъ и самъ сейчасъ
Всѣ осмотрю посты.

ОТЕЛЛО.

Ну, хорошо;
Нашъ честный Яго разумѣетъ дѣло.
Прощай, Мишель; да поутру пораньше
Зайди ко мнѣ, — намъ нужно кой о чемъ
Потолковать съ тобой. —

(Дездемона).

Теперь пойдѣмъ,
Мой милый другъ; распоряженія
Всѣ сдѣланы, — пусть тѣшится народъ, —
И наше счастье, Дездемона, близко....
Прощайте! доброй ночи!

(Отелло, Дездемона и свита уходятъ. Входитъ Яго).

КАССИО.

Здорово, Яго; кажется, пора и намъ отправляться къ своему
мѣсту.

ЯГО.

И, что вы, лейтенантъ! еще не било и десяти часовъ; — ге-
пераль покинулъ насъ такъ рано для своей Дездемоны. Намъ,
конечно, не судить его за то, — вѣдь врядъ-ли пришлось еще
ему и пошалить порядкомъ съ пею, — а кто не скажетъ, что
это былъ-бы лакомый кусочекъ и для самого Юпитера.

КАССИО.

О, да! она женщина самая очаровательная!

ЯГО.

И, — за что ручаюсь я, — слишкомъ-жадная къ насла-
жденію.

КАССИО.

Существо самое-нѣжное и безконечно-восхитительное.

ЯГО.

Что за очи, Кассіо! и что за страстное выраженіе у очей
этихъ!

КАССИО.

Да, они такъ краспорѣчивы, но вмѣстѣ съ тѣмъ, мнѣ кажется, и такъ скромны.

ЯГО.

А когда говоритъ она, — не вызываютъ-ли на любовь они, эти чудесные звуки.

КАССИО.

Клянусь, она совершенна.

ЯГО.

Охъ, да, Кассіо!... Пусть-же счастье осѣнитъ ихъ брачное ложе! Пойдемъ, лейтенантъ, у меня пайдется еще бутылка добраго вина, а за порогомъ найдемъ пару, другую лпхихъ кипріотовъ, которые съ радостью чокнутся за здоровье чорнаго Отело.

КАССИО.

Только не теперь, мой добрый Яго! — Да и голова-то моя слишкомъ слаба для вина; — я боюсь его; — по моему-бы лучше, если-бъ товарищи выдумали что-нибудь другое для развлечения.

ЯГО.

Да вѣдь это, Кассіо, друзья наши... И при томъ стаканъ, одинъ стаканъ только; что придется на вашу долю больше — я пью за васъ.

КАССИО.

Я выпилъ уже сегодня вечеромъ одинъ стаканъ, и то съ условіемъ, чтобы вино развели водой, — а вотъ посмотри, я непохожъ уже и самъ на себя. — Да, это несчастная слабость, и я, конечно, не рѣшусь уже на новый приемъ.

ЯГО.

Такъ-то! И вы, послѣ этого, мужчина!.. Э, полно-те, — да вѣдь почъ эта и назначена для шалостей только. Благородные друзья наши ждутъ этого — не дождутся.

КАССИО.

А гдѣ они?

яго.

Да вотъ за дверью. — Просите-ка ихъ.

КАССИО.

Пожалуй, но только мнѣ не хотѣлось-бы этого.

(Уходитъ).

яго.

Ну, еслибъ удалось теперь подлечь
 Еще хотя одинъ стаканъ вина
 Къ тому, что въ немъ играетъ ужь порядкомъ, —
 О, онъ тогда на ссору и на драку
 Полезъ-бы, какъ собачка молодой
 Моей спыйоры... А межъ-тѣмъ Родриго,
 Безмозглый шутъ, которому любовь
 Со всѣмъ, кажись, башку перевернула, —
 Успѣлъ уже, во славу божества
 Души своей, порядкомъ палзаться...
 Онъ недалеко... Трое Киприотовъ,
 Съ характеромъ отважнымъ, благороднымъ,
 И слишкомъ-щекотливымъ въ дѣлѣ чести,
 Краса и честь воинственнаго Кипра,
 То-жъ осушили полные стаканы,
 И впору явятся. — Теперь, среди
 Ватаги этихъ пьяныхъ, пужно мнѣ
 Съумѣть заставить Кассіо обидѣть
 Какимъ-нибудь поступкомъ островитянь...
 Но вотъ они идутъ; когда мечты
 Мои осуществятся, — о, тогда
 Ладья моя отважно полетитъ,
 Гопимая и вѣтромъ и стремщиной...

(Входятъ Кассіо, Монтано и офицеры).

КАССИО.

Кляпуть небомъ — они меня поили больше, чѣмъ пужно.

МОНТАНО.

Э, вздоръ! — Какая-нибудь тамъ бутылка, ну, слово стараго солдата.

ЯГО.

Эй, вина! — шевелись!..

(Поетъ).

Чарочка по столыку похаживаетъ,
Разумница поговариваетъ:
Солдаты — челоуѣкъ
Не какой его вѣкъ, —
Такъ пусть-же вино онъ потягиваетъ.

Люди!.. вина!

(Приносятъ вино).

КАССИО.

Клянусь небомъ — славно ты поешь Яго!

ЯГО.

Я выучилъ эту пѣсенку въ Англии, — гдѣ пьютъ ужъ чисто па-славу, — какъ честный челоуѣкъ! — Всѣ ваши Датчане и Нѣмцы, и толстяки Голландцы, — ну, да выпьемъ-же что-ли?... не стоятъ ровно ничего противъ Англичанъ.

КАССИО.

Будто твой Англичанинъ и за-правду ужъ такой записной питухъ?

ЯГО.

Какъ честный челоуѣкъ! Онъ шутя положить замертво пьянаго Датчанина, онъ и не пошатнется перетянувши Нѣмца, и прежде чѣмъ успѣетъ пропустить въ глотку другую бутылку, у Голландца пойдетъ ужъ оно черезъ глотку.

КАССИО.

Здоровье нашего генерала!

МОНТАНО.

Я не прочь, лейтенантъ, — и потягаюсь таки съ вами.

ЯГО.

О милая Англія!

(Поетъ).

Король Стефанъ, герой страны,
 Въ цѣлковый сшилъ себѣ штаны; —
 Но лишнее портной содралъ!..
 За то и онъ ужъ сдачи далъ —
 «Ты, просто, братецъ дрянъ!» сказалъ.
 А онъ вѣдь парень былъ лихой,
 Не то, что ты такой-сякой...
 Такъ у него ужъ поучись —
 Въ карманѣ нѣтъ — не горячись,
 А есть деньга — такъ шевелись! 12)

Эй, вина!

КАССИО.

Ну, братъ Яго, — да это еще лучше первой.

ЯГО.

Хотите послушать еще ее?

КАССИО.

Нѣтъ; и я считаю того недостойнымъ своего званія, кто дѣ-
 лаетъ подобныя вещи. — Да!.. Всѣ мы подъ небомъ ходимъ... и
 на небо пойдугъ всѣ души — и тѣ, которыя спасутся, и тѣ,
 которыя не спасутся.

ЯГО.

Правда ваша, правда, добрый лейтенантъ!

КАССИО.

Что касается собственно до меня, — вѣдь я не оскорблю-же
 этимъ ни генерала, ни другихъ начальниковъ, — я надѣюсь
 быть спасеннымъ.

ЯГО.

Я тоже, лейтенантъ!

КАССИО.

Да, да; хорошо! но пусть ужъ, Яго, я прежде... лейтенантъ

долженъ быть спасенъ прежде знаменосца... Но довольно объ этомъ, пора и за дѣло... О прости намъ, Боже! прегрѣшенія наша!.. Господа помнишь свое дѣло!.. Не думайте, что я пьянъ... Вотъ мой знаменосецъ! это правая рука моя, а это лѣвая. — Я теперь не пьянъ уже... я могу очень-твердо стоять и очень-твердо говорить.

всѣ.

Совершенно-справедливо!

кассио.

Ну, и хорошо: а вамъ не должно и думать, что я пьянъ.
(Уходитъ).

монтано.

На платформу, господа, — перемѣнимъ стражу.

яго (Монтано).

Вы видѣли конечно офицера,
Что первый выбѣжалъ отсюда; — вотъ
Прямо солдатъ! соперникъ Цезаря!
Какъ мастерски распоряжается
Онъ въ дѣлѣ! — Но порокъ несчастный этотъ
Потянетъ ровно столько-жъ, какъ и всѣ
Достоинства его... Ахъ, жалокъ онъ!
И я боюсь, чтобы довѣренность
Къ нему Отелло — не была когда
Нибудь причиною кровавыхъ смуть
На островѣ, въ минуту слабости
Его.

монтано.

А это развѣ съ нимъ случается
Не рѣдко?

яго.

Да, обыкновенно — такъ,
На сонъ грядущій... Если-бъ сутки были
Изъ сорока восьми часовъ — такъ онъ
И тутъ-бы не заснулъ, пока вино
Не закачало-бъ колыбель его.

МОПТАНО.

Но это-жъ должно объявить Отелло!
 Быть-можетъ, этого не знаетъ онъ; —
 Или, по добротѣ своей, и знать
 Не хочетъ слабостей его, один
 Достоинства въ немъ оцѣняя...
 Не такъ-ли?

*(Входитъ Родриго).*яго *(тихо)*.

Кѣкъ, ты здѣсь еще, Родриго?
 Прошу-жъ тебя, бѣги за лейтенантомъ;
 Скорѣй! скорѣй!

(Родриго уходитъ).

МОПТАНО.

Ахъ, это жаль, что Мавръ
 Довѣрилъ важный лейтенантскій постъ
 Тому, кто постоянно пьянъ. — Сказать
 Объ этомъ Мавру было-бъ добрымъ дѣломъ...

яго.

Но я... нѣтъ, не рѣшусь я довести,
 Ни даже за прекрасный этотъ островъ,
 Я такъ люблю снѣйора Кассіо!..
 Ахъ я отдалъ бы все, чтобъ исцѣлить
 Его отъ этой слабости... Но что за шумъ?
 Вы слышите?

(Крики извнѣ: «Помогите! помогите!» Вбѣгаетъ Кассіо, преслѣдуя Родриго).

КАССИО.

Ты негодяй, мерзавецъ!

МОПТАНО.

Въ чемъ дѣло, лейтенантъ?

КАССИО.

Ахъ, ты бездѣльникъ!

Меня учить! Да я тебя, уродъ,
 Какъ пробку вколочу въ плетенку эту.

РОДРИГО.

Какъ! бить меня!?

КАССИО.

Ты смѣешь разсуждать

Еще, животное!

(Бьетъ его).

МОНТАНО.

Ахъ, удержитесь

Мой добрый лейтенантъ, прошу васъ!

КАССИО.

Прочь!

Оставь меня! или, клянуся, я
Влѣплю тебѣ пощечину.

МОНТАНО.

Вотъ какъ!

Да вы, сирьйоръ, пьяно...

КАССИО.

Я пьянъ?

(Они дерутся).

яго (тихо Родриго).

Бѣги! — скорѣе, говорятъ тебѣ;
Кричи, зови на помощь!

(Родриго уходитъ).

Боже мой!

Ахъ, добрый лейтенантъ! — ахъ помогите!

О лейтенантъ!... сирьйоръ мой! о Монтапо...

Да падо-жь развести ихъ господа!

Ну, стража.... пѣчего сказать!

(Слышенъ набатъ).

Набатъ!

Ахъ, да ча-чѣмъ они волнуютъ островъ!...

За-чѣмъ тревожить городъ, чортъ возьми!

Молю васъ, лейтенантъ, остановитесь!

Да вы покроете на-вѣкъ стыдомъ

Себя...

(Входитъ Отелло и свита).

ОТЕЛЛО.

Что за причина шума?

МОНТАНО.

Ахъ!

Я весь въ крови... я па́ смерть пораженъ...
Смерть и ему!

ОТЕЛЛО.

Остановитесь-же,
Остановитесь, ради вашей жизни!

ЯГО.

Стой! перестаньте! Лейтенантъ... Синьйоръ
Монтано! Вы забыли, господа,
И мѣсто и обязанность свою...
Остановитесь! съ вами говоритъ
Вашъ генералъ! Я честью заключаю васъ,
Остановитесь!

ОТЕЛЛО.

Что́ это такое?

Откуда? какъ случилось все это?
Да развѣ Турки вы? — За-чѣмъ вы сами
Хотите сдѣлать надъ собою то,
Что запретило Небо Оттоманамъ?
Для чести христіанства, прекратите
Сей-часъ-же эту варварскую травлю...
Кто ступитъ шагъ одинъ для мести — тотъ
Не дорожитъ своей душою... да,
Движенье это будетъ стоить жизни!
Пусть смолкнетъ этотъ страшный вопль; — за-чѣмъ
Тревожатъ островъ?... Ну, да говори-жъ
Мнѣ кто-нибудь: въ чѣмъ дѣло? — Честный Яго!
Скажи! — и самъ ты этимъ пораженъ
Такъ глубоко, — скажи мнѣ кто-же началъ?
Изъ дружбы, изъ любви ко мнѣ, скажи!

ЯГО.

Не знаю, генералъ! — Мгновеніе
Назадъ, мы всѣ здѣсь весело болтали,

Такъ весело, какъ повобрачные
 Болтають первый вечеръ въ спальнѣ... Вдругъ
 Какъ будто что нашло на нихъ: мечи
 Сверкнули, — въ изступленіи кровавомъ
 Они схватились грудь-на-грудь... Но что
 Было причиною этой страшной ссоры
 Я не могу сказать... и пусть-бы лучше
 Пропали въ честной битвѣ эти почы,
 Что приесли меня въ свидѣтели
 Несчастной ссоры этой...

ОТЕЛЛО.

Какъ ты могъ,
 Мишель, до этого себя унижить?

КАССИО.

О пощадите! умоляю васъ...
 Я не могу вамъ ничего сказать.

ОТЕЛЛО.

Вы, храбрый мой Моптапо, прежде были
 Всегда такъ снисходительны къ другимъ;
 Отъ ранней юности васъ отличали,
 Какъ человека самихъ строгихъ правилъ,
 И имя ваше славилось въ устахъ
 Мудрѣйшихъ; — такъ за-чѣмъ-же вы теперь,
 Снѣйоръ, подобными поступками
 Грязните сами это имя?... Да,
 Грязните и мѣняете его
 На прозвище ночнаго драчуна
 И забіяки!... Отвѣчайте мнѣ!

МОПТАПО.

Мой благородный генералъ! я рапечъ
 И, кажется, опасно рапечъ я...
 Спросите Яго; — онъ вамъ скажетъ все,
 Но самого меня увольте, генералъ,
 Отъ этихъ объясненій... тяжело,
 Такъ тяжело припоминать мнѣ это, —
 Хоть знаю, что ни словомъ, ни поступкомъ
 Не измѣнилъ себѣ я въ эту почъ —

Когда самохраненіе не есть
Порокъ; когда не преступленье
Отъ смерти оборона...

ОТЕЛЛО.

О, клянусь
Вамъ Небомъ — гнѣвъ меня уже безумитъ!
Онъ поведетъ меня другимъ путемъ...
И если разъ забудусь я, — страстями
Разсудокъ помутивъ, — о, лучшаго
Изъ васъ, клянуся, сокрушу тогда
Подъ этою рукой! — Я знать хочу,
Какъ начался постыдный этотъ споръ?
Кто былъ причиною его?... и кто
Окажется виновнымъ — если-бы
Насъ вмѣстѣ родила одна утроба —
Онъ потерялъ меня на-вѣки. Какъ!
Мы не успѣли позабыть еще
Осаду, жители еще полны
Тревожнымъ ужасомъ — и вамъ, снѣйоры,
Затѣять мелочныя ссоры... въ ночь...
И гдѣ? — тамъ — гдѣ храпятъ общественный
Покой... Ужасно!... Яго, кто-же началъ?

МОПТАНО.

Но если ты изъ дружбы, уваженья,
Изъ страха скажешь словомъ больше,
Иль меньше противъ истины — тогда
Ты, Яго, не солдатъ.

ЯГО.

Вы тронули
Слабѣйшую струну мою, снѣйоръ!...
Я соглашусь скорѣй себѣ языкъ
Отрѣзать, нежели обидѣть Кассіо....
Но думаю, что правду говоря,
Его ничѣмъ не оскорблю я... Вотъ
Какъ было дѣло, генераль: — сидимъ
Съ Моптано мы, болтая кой-о-чемъ,
Какъ вдругъ врывается къ намъ кто-то съ воплемъ::

Спасите! помогите! — Кассіо
 Бѣжалъ за нимъ, съ мечомъ въ рукѣ, готовый
 Его прозвать.... Вотъ этотъ офицеръ
 Кидается къ нему и умоляетъ
 Оставить эту ссору... я межъ-тѣмъ
 Спѣшу на улицу, чтобъ удержать
 Бѣжавшаго, который воплями
 Своими могъ встревожить сонный городъ, —
 Какъ и случилось, — по опъ бѣжалъ
 Такъ скоро, что догнать его не могъ я.
 Бѣгу назадъ, и тѣмъ скорѣй, что слышу
 Удары звонкіе мечей, и Кассіо
 Гремящаго проклятьями... чего
 До самой этой ночи я-бъ не могъ
 Сказать о немъ... Когда я къ нимъ вошелъ, —
 (Все это дѣло одного мгновенья) —
 Они ужъ бѣшено схватились грудь
 На грудь, и щедро сыпали удары,
 Пока не развели ихъ сами вы.
 Вотъ все, что могъ-бы я сказать!... Но люди
 Всегда не болѣе какъ люди... Лучшіе
 Забудутся порой... Хоть Кассіо
 Немного оскорбилъ его, — кого
 Вѣдь въ бѣшенствѣ не оскорбишь, —
 Но, вѣрно, Кассіо и самъ, — какъ я,
 Конечно, думаю, — не меньше былъ
 Обиженъ неизвѣстнымъ бѣглецомъ,
 И вынести не могъ своей обиды...

ОТЕЛО.

Я знаю, Яго, честная душа
 Твоя изъ нѣжной дружбы къ Кассіо
 Захочетъ уменьшить его проступокъ...
 Я, Кассіо, люблю тебя; но ты
 Служить при мнѣ ужъ никогда не будешь.

(Входитъ Дездемона и ея свита.)

Смотрите... вы встревожили мою
 Супругу милую... О, накажу
 Тебя примѣрно я!

ДЕСДЕМОНА.

Что здѣсь, мой милый?

ОТЕЛЛО.

Теперь спокойно все, любезный другъ!
 Уйди, засни опять, не безпокойся...
 Я буду самъ заботиться, Монтано,
 О вашихъ ранахъ... Проводить его!

(Монтано уводятъ.)

Ты, Яго, наблюдай внимательно
 За городомъ, и успокой толпу,
 Встревоженную этимъ... Ну, пойдешь
 И мы, мой милый другъ!... Вотъ жизнь солдата!
 И лучшіе часы его всегда
 Тревогамъ отданы...

(Уходятъ все, кромѣ Яго и Кассіо.)

ЯГО.

А что, и васъ ранили, лейтенантъ?

КАССИО.

Да, и персцѣлимо.

ЯГО.

Э, что вы! Слава Богу, нѣтъ!

КАССИО.

Мое имя, имя, имя! я потерялъ мое доброе имя! Я потерялъ
 бессмертную часть самого себя... во мнѣ осталось только жи-
 вотное... Мое имя, Яго, имя мое!

ЯГО.

Какъ честный человекъ, я думалъ, что васъ такъ-порядкомъ
 прокололи; по-моему, такъ это немножко чувствительнѣе, неже-
 ли всѣ возможныя раны имени... Что оно такое, имя это? —
 Звукъ пустой и ложный, значеніе, которое бросаютъ вамъ часто
 безъ заслуги вашей, еще чаще отнять безъ вины вашей... Но
 вы и не потеряли этого имени, — развѣ ваше собственное во-
 ображеніе создало такое убѣжденіе. — Вы мужчина, Кассіо, обо-
 дритесь; есть много дорогъ, которыя могутъ привести васъ опять

въ милость къ генералу; вѣдь онъ отрѣшилъ васъ только въ порывѣ гнѣва, — и, повѣрьте, наказаніе это больше такъ... для вида... нежели изъ нерасположенія его къ вамъ: такъ иногда усердно поколотишь свою смирную собаку, чтобъ запугать только страшнаго льва. Поклонитесь лишній разъ, да попросите его хорошецько — и онъ снова вашъ.

КАССИО.

Я скорѣе попрошу, чтобы онъ вдвое сильнѣе презиралъ меня, нежели рѣшусь доставить новыя непріятности такому доброму начальнику, навязавъ ему помощника слабодушнаго, пьянаго, безразсуднаго.... Питъ! пести вздоръ! спорить! хвастать! сыпать ругательства и клятвы! пороть галиматью съ собственною тѣнью! — О ты, незримая сила вина! если пѣтъ еще у тебя имени, да будетъ оно — дьяволъ!

ЯГО.

Что́ это за человекъ, за которымъ гнались вы съ мечомъ въ рукѣ? Что́ онъ вамъ сдѣлалъ?

КАССИО.

Не знаю.

ЯГО.

Возможно-ли?

КАССИО.

Я припоминаю многое, но слишкомъ-смутно... была ссора, — но какъ и за что́ — не знаю. — О, за-чѣмъ люди приводятъ въ душу свою врага, который отнимаетъ у нихъ разсудокъ! — За-чѣмъ въ наслажденіяхъ, среди празднествъ, обращается человекъ въ звѣря!

ЯГО.

Вотъ оно уже и видно, что вамъ гораздо-лучше; какъ это вы такъ скоро выздоровѣли?

КАССИО.

Демону пьянства угодно было смѣнить себя демономъ гнѣва;

одно заблужденіе показываетъ мнѣ другое, чтобы я вполне презиралъ себя.

яго.

Э, да это ужъ слишкомъ-строгая мораль. Оно, дѣйствительно, — сообразивши время, мѣсто и настоящее положеніе острова, — можно-бы искренно пожелать, чтобы этого не было; — но если ужъ оно есть какъ есть, — то нужно только съумѣть повернуть дѣлами такъ, чтобъ опять было, какъ и прежде было.

КАССИО.

Да, я приду къ нему просить возвращенія прежняго мѣста, а онъ скажетъ что я — пьяница!... Да имѣй я столько ртовъ, какъ гидра — подобный отвѣтъ закроетъ ихъ всѣ!.. Быть дѣльнымъ человѣкомъ, и потомъ вдругъ обезумѣть, и вслѣдъ за тѣмъ обратиться въ дикаго звѣря.. Сраппыя, странныя вещи!.. Да, каждый лишній стаканъ — проклять уже; вмѣстѣ съ виномъ входитъ въ него и дьяволъ.

яго.

Э, перестаньте, право!.. доброе вино — существо кроткое и дружелюбное, если только обходиться съ нимъ съ толкомъ; — не восклицайте ему напрасныхъ проклятій! Послушайте, лейтенантъ, — я, кажется, могу думать, что вы увѣрены въ моей преданности къ вамъ.

КАССИО.

Да, ты мнѣ доказалъ ее, — мнѣ, пьяному!

яго.

Вы человѣкъ, — какъ и всѣ люди, могли-же когда-нибудь и папиться... Я хочу сказать вамъ, что вы должны дѣлать теперь. Въ настоящее время дѣйствительный генералъ пашъ — жена генерала; — я говорю это въ томъ смыслѣ, что весь онъ предался созерцацію ея прелестей, своей страсти къ ней... Довѣрьтесь ей вполне, наскучайте ей просьбами; она поможетъ вамъ замять ваше прежнее мѣсто. Она такъ искренна, обязательна, внимательна; такъ полна доброты и благости, что готова упрекать себя каждый разъ, когда не сдѣлаетъ больше того,

что обѣщала. Умоляйте ее возобновить прежнія отношенія между вами и ея супругомъ, и я держу пари на все свое состояніе противъ бездѣлицы, что, такимъ образомъ улаженныя, они будутъ еще гораздо-крѣпче прежняго.

КАССИО.

Ты говоришь дѣло.

ЯГО.

Это мнѣніе искренней привязанности и чистой дружбы.

КАССИО.

Я отъ души этому вѣрю, и рано утромъ попрошу благородную Десдемону поговорить обо мнѣ; если-жъ не удастся и это средство, я долженъ буду потерять всякую надежду на свое будущее.

ЯГО.

Это справедливо. — Доброй ночи, лейтенантъ! Мнѣ еще нужно осмотрѣть всѣ посты.

КАССИО.

Доброй ночи, честный мой Яго.

(Кассіо уходитъ).

ЯГО.

И кто-жъ осмѣлится теперь сказать,
 Что дѣло-то нечисто? что совѣтъ
 Неискренень? противурѣчитъ дѣлу?
 Что это не единственное средство
 Войти опять въ довѣренность Отелло —
 Уже и потому, что такъ легко
 Склонить ее на всякое добро,
 Ее, благую — какъ стихіи міра?..
 А ей не стѣитъ ровно ничего
 Все выпросить у Мавра, что захочетъ —
 Будь это отреченіе отъ вѣры,
 Отъ всѣхъ святыхъ символовъ искупленья!
 Душа его такъ предана любви,
 Что Десдемона чисто изъ капризовъ,
 Ворочать можетъ слабой волей Мавра,

Какъ только вздумается ей... Теперь...
 Не правъ-ли я, указывая Кассіо
 На этотъ вѣрный путь?!.. Владыко ада!
 Ведь демоны твои всегда, создавъ
 Достойные ихъ планы, напередъ
 Одѣпутъ ихъ небесной красою...
 А это дѣлаю и я... И вотъ,
 Межъ-тѣмъ, какъ этотъ легковѣрный олухъ
 Хлопочетъ шибко о своемъ прощеньѣ
 У Дездемоны; — а она твердитъ
 Настойчиво о томъ-же Мавру, — я
 Волю ему искусно въ ухо ядъ
 Ужасныхъ подозрѣній; — я ему
 Шепну, что настоящая причина
 Докучныхъ этихъ просьбъ, не больше, какъ
 Ея преступная къ виновному любовь; —
 И чѣмъ усерднѣй будетъ говорить
 Она за Кассью, тѣмъ скорѣй любовь
 И уваженіе Мавра потеряетъ...
 Тебя погубитъ доброта твоя...
 И благодушіе, — изъ нихъ густую
 Я сѣтъ сплету, и сѣтью той я всѣхъ
 Васъ разомъ отепечу...

(Входитъ Родриго).

Что Родриго?

РОДРИГО.

Я тоже, кажется, здѣсь на охотѣ; но меня не пускаютъ на
 дичину, а заставляютъ только порскать по горячимъ слѣдамъ ея.
 Карманъ мой почти пустъ, въ эту ночь я перенесъ столько
 оскорбленій — и, кажется, за все это я выиграю только ли-
 шнюю долю опытности, потомъ, размѣнявъ такимъ-образомъ кучу
 чистыхъ денегъ на мелочь благоразумія, — пушусь съ Бо-
 гомъ обратно въ Венецію.

ЯГО.

Ахъ, терпѣніе — большой порокъ!..
 Какія-жъ раны лечатся мгновенно?
 Вѣдь пѣчего-жъ и говорить тебѣ,
 Что мы работаемъ однимъ умомъ:
 Не черти-жъ, Господи прости! намъ служатъ.

А замыслы ума осуществитъ
Одно лишь время... Впрочемъ, что-же тутъ
Дурнаго?.. Кассіо тебя поколотилъ,
Ты говоришь, — ну и пускай себѣ
Поколотилъ, вотъ важность-то велика!
А не чрезъ это-ли и самъ погибъ онъ?
Да, многое цвѣтетъ чудесно, другъ,
Безъ теплоты и свѣта, по законъ —
Что прежде расцвѣтетъ, то и созрѣть
Должно сначала; — потерпи-жь еще
Немножко... Вотъ ужъ разсвѣло — теперь
Обѣдя, дальше развлеченія,
А тамъ дѣлишки кой-какія незамѣтно
День скучный сократятъ... Ну, уходи
Теперь, ступай себѣ въ свою квартиру...
Иди-же, говорю, — не долго ждать —
Узнаешь больше... а теперь прощай!
Двѣ вещи нужно-бы теперь еще
Обдѣлать: первое — сказать жепѣ,
Чтобъ попросила толкомъ Дездемону
За Кассіо, другое — удалить на часъ
Отелло, и потомъ павестъ его
Искусно на бесѣду Кассіо
Съ его женой; да, это дѣльный планъ!
И нужно только дѣйствовать умно,
Рѣшительно и скоро.

(Родриго уходитъ).

=

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

=

СЦЕНА I.

Передъ замкомъ.

Входитъ Кассіо, за нимъ музыканты.

КАССІО.

Играйте здѣсь; — я щедро заплачѹ.
 Ну, что-нибудь веселое; потомъ
 Кричите: «Добрый день! привѣтствуемъ
 Васъ, генералъ!»! ¹³).

(Музыка начинаетъ играть. — Входитъ шутъ).

ШУТЪ.

А что, братцы, видно инструменты-то ваши не минули таки Неаполя ¹⁴); они что-то слишком-подозрительно выражаются въ пось.

1-й МУЗЫКАНТЪ.

Какъ, сипьйоръ, что-такое?

ШУТЪ.

Скажите на-милость — это у васъ пазывается духовыми инструментами?

1-й МУЗЫКАНТЪ.

Я думаю, что такъ, сипьйоръ.

шутъ.

О, такъ они съ душкомъ таки.

1-й музыкантъ.

Да какъ-же это инструментъ съ душкомъ? 15).

шутъ.

Ну, знаешь одинъ на одинъ не придется, а мнѣ таки пришлось видѣть ихъ довольно всякихъ.... Но вотъ вамъ, почтеннѣйшіе, плата за работу: генералу такъ понравилась ваша музыка, что онъ отъ души желаетъ вамъ всякаго успокоенія.

1-й музыкантъ.

Пожалуй, мы и перестаемъ.

шутъ.

Если-бы, — видите, — у васъ пашлась такая, что играетъ въ тихомолку, такъ оно, пожалуй, и опять пачать-бы можно, — а иначе, на генерала вамъ считать чисто пѣчего; — онъ, какъ говорятъ, неслишкомъ-то большой любитель музыкъ.

1-й музыкантъ.

Ну! такой, какъ вы спрашиваете, у насъ пѣтъ, снѣйоръ.

шутъ.

Такъ убирайте-же свои дудки въ мѣшки — и съ Богомъ. Мнѣ тоже пужно идти. — Ну, въ рассыпную — мигомъ!

(Музыканты уходятъ).

КАССИО.

Послушай, любезный!

шутъ.

Нѣтъ! я не слушаю вашего любезнаго, я слышу васъ.

КАССИО.

Пожалуйста оставь свои остроты. Этотъ червонецъ назначается тебѣ, по съ условіемъ: если дама, которая находится при же-

нѣ генерала, уже вышла, такъ ты долженъ сказать ей, что нѣ-кто Кассіо проситъ у нея, какъ милости, минутнаго разговора. Сдѣлаешь-ли ты это?

шутъ.

Она уже вышла, спыйоръ, изъ своихъ покоевъ; а если захо-четъ выйти и сюда, — я, пожалуй, перескажу ей вашу просьбу.
(Уходитъ).

Входитъ Яго.

КАССИО.

Ахъ, добрый другъ, ты очеь - кстати, Яго!

ЯГО.

А вы и не ложились еще?

КАССИО.

Нѣтъ, прежде, чѣмъ мы разошлись, уже
Свѣтало.... Я осмѣлился просить
Свиданья у жепы твоей; хочу,
Чтобъ и она замолвила словцо,
Другое, за меня у Дездемоны.

ЯГО.

Я вышлю къ вамъ ее сейчасъ, а самъ
Подумаю, какъ удалить Отелло,
Чтобъ на досугъ вамъ — свободнѣе
Поговорить.

КАССИО.

Благодарю тебя!
Я никогда не видѣлъ Флорентинца
Честнѣе и услужливѣй его.

(Яго уходитъ).

(Входитъ Эмилія).

ЭМИЛІЯ.

Ахъ, здравствуйте, нашъ добрый лейтенантъ!
Такъ живо тронута я вашимъ горемъ....
Но впрочемъ скоро переѣнитесь
Все это къ лучшему. Съ жепой своей
Отелло говорилъ уже объ этомъ,

И Дездемона горячо за васъ
Его просила; Мавръ ей отвѣчалъ,
Что раненный играетъ важную
Здѣсь роль, что знаменитаго онъ рода,
И что благоразуміе ему
Теперь не позволяетъ согласиться
На просьбу эту; но прибавилъ,
Что много любитъ васъ, и потому,
Изъ личнаго расположенья къ вамъ,
Безъ всякихъ просьбъ, онъ не пропуститъ случай
Вамъ мѣсто прежнее и дружбу возвратить.

КАССИО.

И все-таки я умоляю васъ
Когда-нибудь доставить случай мнѣ
Поговорить съ этомъ съ Дездемоной
На-единѣ.

ЭМИЛИЯ.

Ступайте-же со мной;
Я съ нею васъ оставлю одного,
И вы свободно ей откроете
Всю душу.

КАССИО.

Много васъ благодарю.

СЦЕНА II.

Комната въ замкѣ.

Входятъ ОТЕЛЛО, ЯГО И ОФИЦЕРЫ.

ОТЕЛЛО.

Послушай, Яго, отнеси скорѣй
Вотъ эти письма кормчему; скажи
Ему, чтобы покорный мой привѣтъ
Онъ передалъ Республикѣ.... Потомъ

Придешь ко мнѣ, — я буду въ это время
У крѣпостныхъ работъ.

ЯГО.

Мой добрый генералъ!

ОТЕЛЛО.

Ну, господа,
Пойдемъ теперь, осмотримъ укрѣпленья.

ОФИЦЕРЫ.

Мы слѣдуемъ за вами, генералъ.

(Уходятъ).

СЦЕНА III.

Передъ замкомъ.

Входятъ ДЕСДЕМОНА, КАССИО И ЭМИЛИЯ.

ДЕСДЕМОНА.

Увѣрьтесь-же достойный Кассіо,
Что я употребить готова все
Для вашей пользы.

ЭМИЛИЯ.

Добрая снѣйора,
И я прошу васъ — мужъ мой огорченъ
Не меньше Кассіо несчастьемъ этимъ.

ДЕСДЕМОНА.

О, да! опъ честный человекъ. — И такъ
Не сомнѣвайтесь, Кассіо, что скоро
Я помирю васъ съ мужемъ совершенно.

КАССИО.

О благодущная заступница
Моя! Что-бъ ни случилось съ Кассіо,

Всегда найдете въ немъ вы чловѣка
Душевно, вѣчно преданнаго вамъ.

ДЕСДЕМОНА.

Благодарю васъ! вы такъ любите
Отелло моего, и такъ давно
Знакомы съ нимъ.... О, я увѣрена,
Что эта странность вашихъ отношеній
Окончится сейчасъ, какъ только это
Дѣла политики позволятъ.

КАССИО.

Но

Политика пойдетъ на-долго эта,
Когда ее усадятъ на діэту
Предубѣжденій мелкихъ и пустыхъ,
Когда во всякомъ обстоятельствѣ
Увидятъ новую къ тому причину....
Межъ-тѣмъ я удаленъ, и мѣсто
Мое другому отдано.... и скоро
Забудетъ генералъ и преданность
Мою и службу.

ДЕСДЕМОНА.

Нѣтъ, не думайте

Объ этомъ; здѣсь, въ присутствіи Эмильи,
Я увѣряю васъ, что мѣсто ваше....
Да, Кассіо, я слишкомъ ужъ точно
Въ малѣйшихъ требованьяхъ дружбы....
Я не оставлю мужа, сна ему
Не дамъ, терпѣнье истощу его;
На ложѣ, за столомъ, вездѣ, вездѣ
Услышитъ онъ объ васъ.... Ну, будьте-же,
Какъ прѣжде, веселы. — Защитникъ вашъ
Скорѣй умретъ, чѣмъ дѣло такъ оставитъ....

(Отелло и Яго показываются въ некоторомъ отдаленіи).

ЭМИЛИЯ.

Спидьора, генералъ почти ужъ здѣсь....

КАССИО.

Позвольте удалиться мнѣ, снѣйора!

ДЕСДЕМОНА.

За чѣмъ-же уходить? — Остаптесь; вы
Услышите, какъ буду говорить
Я съ нимъ.

КАССИО.

Но только не теперь, снѣйора;
Я чувствую, какъ былъ-бы я неловокъ. —
Я не могу сказать теперь двухъ словъ
Въ свою защиту.

ДЕСДЕМОНА.

Ну, прощайте, Кассіо,
И дѣлайте, какъ кажется вамъ лучше. — *(Кассіо уходитъ).*

ЯГО.

О, это не по-мнѣ!

ОТЕЛЛО.

Что ты сказалъ?

ЯГО.

Я? — Ничего, мой генералъ! Но если....
Нѣтъ! я не знаю....

ОТЕЛЛО.

Это Кассіо
Ушелъ отъ Десдемоны?

ЯГО.

Кассіо,
Снѣйоръ? — По-чести, я не думаю,
Чтобъ уходилъ онъ, какъ преступникъ,
Едва завидя васъ.

ОТЕЛЛО.

Но я увѣренъ,

Что это онъ.

ДЕСДЕМОНА.

Ахъ, мой Отелло! ты
Ужъ здѣсь; а я сейчасъ вотъ говорила
Съ однимъ несчастнымъ; — онъ ужасно какъ
Страдаетъ отъ немилости твоей.

ОТЕЛЛО.

Кто-жъ это?

ДЕСДЕМОНА.

Какъ! и ты не догадался!
Да лейтенантъ твой Кассіо!... Послушай,
Мой добрый другъ! ну, если хоть немножко
Меня ты любишь, если я имѣю
Хоть крошку власти надъ тобой — прости
Ты Кассіо.... Ахъ, Отелло, если онъ
Тебѣ не всей душой своею предашь,
И свой проступокъ сдѣлалъ съ-умысломъ,
А не въ пылу слѣпаго увлеченья —
Такъ я тогда ужъ больше не повѣрю
Ни самому честибѣйшему лицу
Людскому.... О, молю тебя — прости
Его!

ОТЕЛЛО.

Не онъ-ли это вотъ сейчасъ
Ушелъ отсюда?

ДЕСДЕМОНА.

И какой печальный!
Мнѣ кажется и на меня тоску
Навѣялъ онъ, — я и сама страдаю....
О милый другъ, прости-жъ его!...

ОТЕЛЛО.

Теперь

Не можно, Десдемона, — пусть немного
Онъ подождетъ.

ДЕСДЕМОНА.

Но скоро-ль это?

ОТЕЛЛО.

О!

Какъ только можно для тебя, конечно,
Мой милый другъ.

ДЕСДЕМОНА.

За ужиномъ сегодня?

ОТЕЛЛО.

Нѣтъ не сегодня.

ДЕСДЕМОНА.

Завтра за обѣдомъ?

ОТЕЛЛО.

Нельзя и за обѣдомъ, потому,
Что завтра не обѣдаю я дома:
Меня къ себѣ просили офицеры.

ДЕСДЕМОНА.

Ну, завтра вечеромъ, или во вторникъ
Поутру, — днемъ, или хоть вечеромъ,
Ну, въ среду поутру.... только срокъ
Назначь, но ужь ни какъ не болѣе
Трехъ дней. Ахъ, какъ раскаянье его
Ужасно мучить! Между-тѣмъ, вина
Его, — не будь теперь война, когда,
Какъ говорятъ, виновныхъ строго судятъ.
Въ примѣръ другимъ, — едва-бы стоила
Серьезнаго упрека.... Ну когда-жъ
Онъ возвратится къ должности своей?
Скажи, Отелло!... Ахъ, во глубинѣ
Души моей я тропута, мой другъ!
Я не придумаю, на что-бы я
Не согласилась для тебя въ одно
Мгновенье.... Вспомни наконецъ, Отелло,

Что тайну страсти нашей только опъ
 Однѣ и зналъ; что опъ всегда ужъ былъ
 Горячій твой защитникъ, каждый разъ,
 Когда, бывало, вздумается мнѣ
 Шутя тебя немножко позлословить....
 И пужно столько просьбъ, мольбы на то,
 Чтобы склонить тебя къ нему на милость!
 Повѣрь мнѣ, я могла-бы....

ОТЕЛО.

О, довольно

Прошу тебя! — Пусть опъ является
 Когда ему угодно. — Я ни въ чемъ
 Не смѣю отказать тебѣ.

ДЕСДЕМОПА.

Но здѣсь

Не вижу никакой я милости
 Отелло. — Такъ просила-бъ я тебя,
 Перчатки взять, одеться потеплѣе,
 Или покушать лакомое блюдо,
 Ну, что-нибудь въ подобномъ родѣ.... О!
 Когда въ послѣдствіи я захочу
 Серьезво испытать любовь твою —
 Предупреждаю васъ, сирьйоръ, что дѣло
 Немножко потруднѣй для васъ найду я.

ОТЕЛО.

Я повторяю, что ни въ чемъ тебѣ
 Не откажу. — Ну, а теперь оставь
 Меня на нѣскольکو минутъ.

ДЕСДЕМОПА.

Могу-ли отказать тебѣ? — о нѣтъ!
 Прощай-же, милый мой!

ОТЕЛО.

Прощай, мой ангелъ!

Я скоро буду.

Т. III.

ДЕСДЕМОНА.

Ну, Эмилия,
 Пойдемъ — (къ Отелло). Такъ говори всегда мнѣ мысль
 Свою свободно, — что-бъ ты ни сказалъ —
 Я все исполню. (Уходитъ съ Эмилией).

ОТЕЛЛО.

Бѣдная голубка! 16)

Пусть потеряю самую надежду
 Спасенья — если не люблю тебя!...
 И если-бы душа моя когда-нибудь
 Любить тебя забыла.... о! она
 На вѣкъ тогда утратитъ смыслъ и цѣль
 Земнаго бытія!...

ЯГО.

Мой благородный
 Спильоръ!

ОТЕЛЛО.

Что скажешь, Яго?

ЯГО.

Зналъ-ли Кассіо
 О тайнѣ вашей страсти къ Дездемонѣ,
 Когда вы были только счастливымъ
 Любовникомъ ея?

ОТЕЛЛО.

Конечно зналъ, —
 Съ начала самаго до самаго
 Конца. — А для чего тебѣ?

ЯГО.

Да такъ; —
 Хотѣлось только мнѣ сообразить...
 Но я уже не думаю объ этомъ.

ОТЕЛЛО.

О чемъ не думаешь?

драма

359

яго.

Да я, вотъ видите-ль,
Не зналъ, что опъ знакомъ былъ съ нею.

отелло.

И сколько разъ ему случилось быть
Посредникомъ межъ нами!

яго.

Въ-самомъ-дѣлѣ?

отелло.

Ну, въ-самомъ-дѣлѣ, Яго! — Развѣ ты
Изъ этого что заключаешь? — Развѣ онъ
Нечестенъ?

яго.

Вы, синьйоръ, сказали: честенъ?

отелло.

Да, я сказалъ...

яго.

Конечно.... сколько я

Объ этомъ знаю....

отелло.

Да куда-жъ ты мѣтишь?

О чемъ ты думаешь?

яго.

О чемъ, синьйоръ,

Я думаю?

отелло.

«Синьйоръ!... я думаю!...» Кляпуть, меня
Ты словно эхо дразнишь! — Развѣ въ мысль
Твою зашло такое страшное
Чудовище, что и на свѣтъ его

Ты показать боишься?... У тебя
 Есть что-то на душѣ.... Сей-часъ, когда
 Мишель оставилъ Дездемону — ты
 Сказалъ: «О, это не по-миѣ!...» Что-жь тутъ
 Не по-тебѣ? — Потомъ, когда сказалъ я,
 Что довѣряли мы ему любовь
 Свою — ты странно вскрикнулъ: «Въ-самомъ-дѣлѣ?»
 Потомъ угрюмо сдвинулъ брови ты,
 Какъ-будто затаивъ подъ черепомъ
 Своимъ толпу ужасныхъ подозрѣній...
 О, если любишь ты меня, мой Яго,
 Ты мнѣ откроешь все!

яго.

Вы знаете,
 Синьйоръ, какъ много я люблю васъ.

ОТЕЛЛО.

Да,

Я знаю, Яго, что меня ты любишь,
 Я знаю прямоту души твоей, —
 И видя, какъ ты тнешь, вѣсишь звуки —
 Невольно жду чего-то роковаго...
 Я знаю, что подобныя уловки
 Употребляетъ часто ловкій плутъ,
 Но это у него не болѣе
 Какъ пошлая спаровка — только!
 Межъ-тѣмъ какъ у людей съ душой прямою
 Все это обличаетъ трудную
 И тяжкую борьбу страстей и долга,
 неподклопимаго страстямъ...

яго.

Когда-бъ

Вопросъ тутъ шелъ о Кассьо — я готовъ
 Божиться, что онъ честный человекъ...

ОТЕЛЛО.

Я совершенно то-же говорю!

яго.

Да, пужно, чтобы люди были тѣмъ,
 Чѣмъ кажутся; а нѣтъ — такъ пусть
 Хоть не казались-бы они ужъ тѣмъ,
 Чѣмъ показаться имъ угодно...

ОТЕЛЛО.

Да, пужно, чтобы люди были тѣмъ,
 Чѣмъ кажутся...

яго.

О, если такъ — то я
 Торжественно скажу, что Кассіо
 Честнѣйшій человѣкъ!

ОТЕЛЛО.

Нѣтъ! здѣсь не все...

О, передай-же мнѣ, молю тебя,
 Всю эту мысль въ той самой полнотѣ,
 Въ какой она подъ черепомъ твоимъ
 Созрѣла... не стѣспайся выраженьемъ,
 И низость дѣла смѣло одѣвай
 Достойными ее рѣчами...

яго.

Мой

Великодушный генералъ! простите...
 Хотя по долгу и обязанъ я
 Повиноваться вамъ, — есть, впрочемъ, вещи,
 Гдѣ сознаетъ себя и рабъ свободнымъ...
 Сказать вамъ эту мысль!.. Вѣдь иногда,
 Нечистая она заходитъ въ душу къ намъ,
 Какъ съ человѣкомъ грѣхъ во храмъ заходитъ...
 Кому, въ часы его чистѣйшихъ думъ,
 Порой не приходило искушенье?...

ОТЕЛЛО.

Тотъ умышляетъ, Яго, другу зло,

УДК 82.09
ББК 84.030.01

Кто изъ пустаго страха оскорбленья
Ему не довѣряетъ тайны роковой....

яго.

О, умоляю-жъ васъ... быть-можетъ, я
Обманываюсь самъ.. Признаться, тутъ
Большой порокъ — стараться отыскать
Во всемъ дурное; въ глупой ревности
Я часто строю небывалыя
Бѣды; — я умоляю васъ, сирыйоръ,
Не вѣрять слишкомъ рѣчи человѣка,
Такъ странно, жалко созданнаго небомъ,
И не тревожиться пустымъ его
Предубѣжденьемъ, можетъ-быть.... Да, вашъ
Покой и счастье... опытность моя,
Благоразуміе и честь — все здѣсь
Соединившись, запрещаетъ мнѣ
Вамъ говорить...

ОТЕЛЛО.

Что-жъ это значитъ, Боже!

яго.

Мой добрый, благородный генералъ!
Важнѣйшее сокровище души
У женщины и у мужчины — имя!
Кто крадетъ кошелекъ мой, тотъ меня
Лишаетъ вздора, — ну, чего-нибудь,
А часто — ровно ничего, — былъ мой,
Теперь его, а прежде тысячи
Другихъ; — по тотъ, кто имя доброе
Отниметъ у меня, — не сдѣлавшись
Богаче самъ, меня онъ оставляетъ
Несчастливымъ бѣднякомъ....

ОТЕЛЛО.

О, я хочу,
Какъ Богъ святъ! — я хочу знать мысль твою.

ЯГО.

Вы не узнаете ее, пока
 Не вырвете отсюда сердца... да!
 Вы не узнаете ее, пока
 Она хранится въ сердцѣ этомъ...

ОТЕЛЛО.

А!...

ЯГО.

Ахъ, берегитесь ревности, снѣйоръ, —
 Зеленоглазое чудовище —
 Она окаменитъ спачала жертву,
 Потомъ пожретъ ее... Тотъ, кто уже
 Увѣрился въ измѣнѣ — хотъ жену,
 Конечно, онъ не любитъ — по живетъ
 Себѣ покойно.. по Создатель мой!
 Чтò должно выпести душѣ того,
 Кто любитъ страстно ту, кому не вѣритъ,
 Боготворя ее — подозрѣваетъ...

ОТЕЛЛО.

О, тяжело должно-быть это, Яго!

ЯГО.

Бѣднякъ, довольный долею своею —
 Богатъ по-своему, снѣйоръ, — по, какъ
 Зима, бесплодно для того богатство,
 Кто каждый мигъ боится обѣднать.
 О, да спасетъ отъ ревности васъ небо,
 Вы, близкіе душѣ моей!...

ОТЕЛЛО.

За-чѣмъ

Все это, Яго? — чтò оно такое?...
 Ты думаешь, что я могу изныть
 Тоскою ревности, — что я могу,
 При каждомъ новолуңи, на потѣху
 Себѣ, пастроить новыхъ подозрѣній?...

Этот текст, вероятно, является частью библиотечного штампа или инвентаря, содержащего иероглифы и цифры.

Нѣтъ! — разъ оно запало въ грудь мою
 И разорветъ мнѣ грудь оно... Считай
 Меня безумцемъ, если возмутить
 Успѣешь, Яго, этимъ вздоромъ вѣру
 Души моей. — Я ревновать не стану;
 Когда мнѣ скажутъ, что жена моя
 Красавица, что любитъ общество
 Она, наряды, комплименты, танцы, —
 Когда я вѣрю, что она чиста —
 Въ ней чисто все!... Я очень знаю самъ,
 Что не блистаю множествомъ достоинствъ, —
 Но на душѣ — ни страха, ни сомнѣнья...
 Она имѣла очи, смыслъ и волю —
 И выбрала меня. — Нѣтъ, Яго, прежде
 Чѣмъ сомнѣваться — нужно видѣть мнѣ,
 А за сомнѣньемъ — нужно доказательствъ,
 А съ доказательствомъ одно уже:
 Прощай и ревность и любовь!...

яго.

Теперь

Мнѣ легче; я теперь могу свободнѣй
 Вамъ выказать любовь и преданность
 Свою. — Послушайте... по это все
 Сомнѣнія покаместъ, — я не говорю
 Еще о доказательствахъ ни слова...
 Смотрите за женою, подмѣчайте
 Ея бесѣды съ Кассіо, — глядите
 За ними просто, — ревности не нужно,
 Не нужно и довѣрья лишняго;
 Мнѣ слишкомъ-тяжело было-бы видѣть,
 Какъ гибнетъ ваше преданное сердце
 Печальной жертвой прямоты своей...
 Смотрите-же за ней; — я хорошо-
 Таки своихъ Венеціянокъ знаю:
 Пусть небо видитъ грѣхъ, да только-бъ мужъ
 Его не видѣлъ; — заповѣдь у нихъ
 Своя: за грѣхъ ни слова, — только ужъ
 Умѣй сводить, спяньора, и концы
 Съ концами....

ОТЕЛЛО.

Ты это знаешь?

ЯГО.

О, и какъ

Еще! Да вспомните вы сами, какъ
Васъ полюбивъ, обманывать отца
Она умѣла. — Не тогда-ль она
Искала взора вашего, когда
Казалось такъ боялася его?

ОТЕЛЛО.

Да, это такъ!...

ЯГО.

Вотъ то-то! — Дѣвочка,
Въ такихъ лѣтахъ умѣвшая уже
Прикинуться такъ ловко, — такъ искусно
Отца роднаго оморочить, что
Бѣднякъ считалъ все это чародѣйствомъ...
Но я, быть можетъ, оскорбляю васъ?
Я говорю ужь слишкомъ? — О, простите-жь, —
Молю-склонясь, — мнѣ эту предашность
Излишнюю, сирѣчь!

ОТЕЛЛО.

Я навсегда
Тебѣ останусь благодарецъ, Яго.

ЯГО.

Ахъ, нѣтъ! я вижу, вы немного
Какъ-будто-бы встревожились...

ОТЕЛЛО.

Ничуть! ничуть!..

ЯГО.

Я-бъ не хотѣлъ... я этого боюсь...

Но я надѣюсь, что вы въ рѣчахъ
 Моихъ оцѣните прямую преданность...
 Ахъ, вы встревожены! — О, умоляю васъ,
 Не принимайте этихъ словъ за вещь
 Серьезную: вѣдь это подозрѣнье...
 Не болѣе, какъ только подозрѣнье.

ОТЕЛЛО.

Я и не принимаю...

яго.

Да, снпыйоръ,
 Не принимайте; а иначе вѣдь
 Слова мои могли-бы быть причиною
 Печальныхъ слѣдствій, о которыхъ я
 И мысли не имѣлъ; — вѣдь Кассіо,
 Мнѣ другъ... Нѣтъ вижу — вы встревожены,
 Снпыйоръ.

ОТЕЛЛО.

Не много... У меня пейдетъ
 Та мысль изъ головы, что Дездемона
 Чиста и непорочна.

яго.

О, да будутъ
 Навѣки неизмѣнны — чистота
 Ея, и вѣра ваша въ эту чистоту!

ОТЕЛЛО.

А между тѣмъ — вѣдь самая природа
 Законъ свой нарушаетъ иногда...

яго.

Да, это правда!.. Я еще осмѣлюсь...
 Вы мнѣ простите... я припомню только
 Ея отказъ всѣмъ женщхамъ своимъ,
 Такъ близкимъ ей по роду, мѣстному
 Происхождестью, по лѣтамъ; скажите:

Не видноль тутъ противурѣчїя
 Самой природѣ?.. Нѣтъ-ли тутъ уже
 Испорченности чувствъ, стремленїя
 Къ какимъ-то страшнымъ прихотямъ, начала
 Противъ-естественныхъ желанїй?.. Но,
 Простите — я не отношу къ ней прямо
 Всего, что сказано... Межъ-тѣмъ я все
 Таки боюсь, чтобъ не одумалась
 Она, чтобы не захотѣлось ей
 Порой сравнить васъ съ нашей молодёжью,
 И послѣ... чтобы не раскаяться
 Ей послѣ...

ОТЕЛЛО.

Ну, прощай! прощай!.. Найдешь
 Что новое — сейчасъ сказать... Да пусть
 Жена твоя за нею смотритъ въ оба.
 Оставь меня.

яго (Уходя).

Простите!

ОТЕЛЛО.

О за-чѣмъ
 Женился я!?!.. Да, этотъ честный Яго
 Безъ всякаго сомнѣнья знаетъ больше,
 Гораздо-больше, нежели сказалъ.

яго (возвращаясь).

Еще, снѣйоръ, я умоляю васъ
 Не заходить далеко въ подозрѣньяхъ.
 Оставьте дѣло это времени.
 Хотя вы мѣсто Кассіо — ему
 И возвратите, разумѣется,
 Сказать вѣдь нужно правду — къ дѣлу онъ
 Усерденъ столькожъ, какъ способенъ,
 Да не мѣшало-бъ, знаете, пемножко
 Повременить; — вы здѣсь увидите
 На что и какъ падѣяться-бъ онъ думалъ,
 А въ средствахъ этихъ вы оцѣните

И то, конечно, что за человекъ
 Нашъ Кассіо... Замѣьте также,
 Не слишкомъ-ли докучливо жена
 Просить васъ будетъ о прощеньи
 Его, — изъ этого ужъ многое
 Вамъ можно будетъ заключить... Пока-жь
 Не объяснится это все, хотя
 Немного, — думайте, что я изъ страха
 Нагородилъ вамъ кучу пустяковъ, —
 Чего, признаться, я и самъ боюсь,
 И не стѣспяйте, — заклинаю васъ,
 Ничѣмъ свою супругу...

ОТЕЛЛО.

О, не бойся —
 Я управлять собой умѣю.

ЯГО.

Синьйоръ, простите!

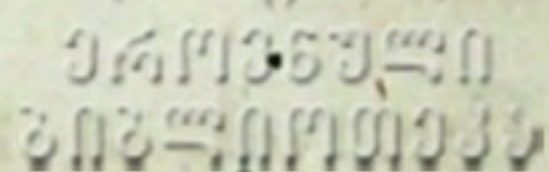
(Уходитъ).

ОТЕЛЛО.

Этотъ человекъ
 Необычайно честецъ, — свѣтлый умъ
 Образованіемъ украсилъ опъ,
 И глубоко постигъ опъ человека...
 Но, мой Создатель! — если это правда!?!
 Да, если-бъ звенья цѣпи, насъ связавшей,
 Вросли мнѣ въ сердце и свилися тамъ
 Съ пѣжнѣйшими его вѣтвями, — о!
 Я оторвалъ-бы съ кровью ихъ отъ сердца!
 Лети потомъ по вѣтру птичкой вольной,
 Лови любовь и счастье...

Можетъ-быть...

Да, можетъ!.. Я уродливъ, чорепъ,
 Болтать я не умѣю милыхъ фразъ,
 Какъ эти вздорные любезники....
 Къ тому-жь, спускаюся въ долину лѣтъ,
 Хоть по-немногу, все-жь-таки спускаюсь...
 О, я обмануть... можетъ-быть, осмѣянь...
 Что-жь остается?.. Несчастье... одна!

Смѣшны и прокляты — вы, узы брака!..
 «Опа моя!» — Твоя!.. Да развѣ ты
 Страстей ея владыка?.. Я рѣшусь
 Скорѣй быть гадпой, скорѣй рѣшусь
 Питаться смраднымъ воздухомъ темницъ,
 Чѣмъ перестеть, чтобъ избранное мною,
 Не мнѣ принадлежало безраздѣльно...
 И вотъ она, души могучей казнь!..
 Судьба ея труднѣе темной доли
 Душонокъ мелкихъ... Да, какъ смерть,
 Неотклонимъ отъ насъ суровый жребій!
 Опъ пропикаетъ наше бытіе
 Чуть только къ бытію насъ призываютъ...
 А!.. Десдемона!.. *(Входятъ Десдемона и Эмилиа).*

Если можетъ это
 Созданье обмануть!.. О небеса!
 Смѣтесъ вы надъ бѣднымъ человѣкомъ!..
 Не вѣрю! нѣтъ, не вѣрю!

ДЕСДЕМОНА.

А, ты здѣсь,
 Отелло! — Вашъ обѣдъ давно уже
 Готовъ, и гости — островитяне
 Давно ужъ ждутъ тебя.

ОТЕЛЛО.

Я и забылъ...

ДЕСДЕМОНА.

Ахъ, отъ-чего твой голосъ такъ дрожитъ?..
 Ты боленъ?

ОТЕЛЛО *(указывая на лобъ).*

Тутъ болитъ...

ДЕСДЕМОНА.

Конечно все
 Отъ безпокойствъ, но, вѣрно, не на долго.

Постой, я голову тебѣ платкомъ
 Перевяжу, увидишь — боль пройдетъ
 Мгновенно *(Хочетъ повязать ему голову).*

ОТЕЛЛО.

(скидывая платокъ съ головы, роняетъ его на землю).

Нѣтъ! онъ слишкомъ малъ! Болѣзнь
 Пройдетъ сама-собою... Пойдемъ — и я
 Иду съ тобою вмѣстѣ.

ДЕСДЕМОНА.

Грустно мнѣ,
 Мой другъ, что нездоровъ ты. *(Отелло и Дездемона уходятъ).*

Эмилия *(поднимая платокъ).*

А!.. платокъ!..

Ахъ, какъ довольна я, что наконецъ
 Онъ у меня таки... Вѣдь это первый
 Подарокъ Мавра милой Дездемонѣ!
 Ну и на что-бъ онъ мужу?.. Нѣтъ, чудакъ —
 Ужъ сколько разъ онъ приставалъ ко мнѣ:
 Достань! какъ хочешь — а достань его!..
 А вѣдь Отелло заклипалъ жену
 Всегда храпить его; — да и она
 Его, бѣдняжка, много любитъ: съ нимъ
 Не расстаётся никогда она,
 И сколько ласкъ ему, и милыхъ словъ,
 И поцѣлуевъ!... Впрочемъ я
 Сниму съ него рисупокъ только мужу....
 И что онъ хочетъ дѣлать съ нимъ?... Ума
 Не приберу, — по все-же я должна
 Исполнить прихоть мужа.

(Входитъ Яго).

ЯГО.

А, вы здѣсь...

И чѣмъ-же заняты? нельзя-ль узнать?

эмпиля.

Нельзя-ль посписходительщѣй... для васъ
Я припасла чудесную вещицу.

яго.

И лично для меня? — Такъ это вздоръ!

эмпиля.

Что?

яго.

Вздоръ, говорю, связаться съ глупой бабой...

эмпиля.

И только... Что-жь ты дашь за этотъ миѣ
Платокъ?

яго.

Какой платокъ?

эмпиля.

Какой платокъ?!.

Да тотъ, что Мавръ впервые подарилъ
Женѣ своей; тотъ, за который ты
Такъ надоѣлъ миѣ, право...

яго.

Ну, и ты

Его таки стяпула?...

эмпиля.

Нѣтъ, клянусь....

Опа его случайно уронила, —
Я здѣсь была, и подняла. Вотъ опъ, —
Гляди!

яго.

Ахъ, умница! отдай-же миѣ!

Эмилия.

Скажи-жь на что тебѣ? и отъ-чего
Ты столько приставаешь ко мнѣ?

Яго.

Ну, вотъ!

Тебѣ ужасно нужно это!

(Вырываетъ платокъ).

Эмилия.

Послушай, Яго, ежели тебѣ
Не слишкомъ-нуженъ онъ — отдай его!
Ахъ, бѣдная снѣдьора! — да она
Стоскуется по немъ...

Яго.

Какія пѣжности!...

А ты, гляди мнѣ — не показывать
И вида, что платокъ у насъ! Опъ нуженъ
Мнѣ самому.... Теперь ступай себѣ!
Платокъ подкину въ Кассіеву спальню,
Пусть тамъ пайдетъ его уже онъ самъ.
Нѣтъ пустяковъ, которымъ-бы ревнивый
Не вѣрилъ въ глубинѣ души своей,
Какъ истинѣ евангельской... О, здѣсь
Должны-бы кажется произойти
Чудесные эффекты!... Вѣдь и такъ
Мой ядъ ужъ загулялъ по жиламъ Мавра...
Да... эти вещи — точно ядъ! сначала ихъ
И не примѣтишь, да за то уже
Чуть только отравилъ нашу кровь —
И кровь, какъ жилы сѣрныя, горитъ
Неугасимо...

*(Эмилия уходитъ).**(Замѣтивъ вдали Отелло).*

Что? Не правду-ль я

Сказалъ?

(Входитъ Отелло).

Вотъ онъ!... О, пѣтъ, Отелло,
Ни опиумъ уже, ни мадрагора, ¹⁷⁾
Ни зелья сонныя со всѣхъ краевъ
Сна больше не дадутъ тебѣ! — Вчера
Ты мирно спалъ еще — но не заснешь

Уже сегодня, завтра не заснешь,
До вѣчной ночи ты ни разу ни заснешь
Уже покойно...

ОТЕЛЛО.

Обмануть меня?!...

Меня!?!...

ЯГО.

Что съ вами, генераль? — Вы все
Объ этомъ.... Э, забудьте право!

ОТЕЛЛО.

Прочь!

Прочь отъ меня!... Ты адскою машиной
Изъ сердца жилы поволокъ мой...
О, легче, Яго, знать свое несчастье,
Чѣмъ сердце пепелить на медленномъ
Огнѣ ужасныхъ подозрѣній, — ждать
Томительно все новыхъ, темныхъ золь...

ЯГО.

Ахъ, вы, сирыйоръ, тревожите меня!...

ОТЕЛЛО.

Да, не было во мнѣ и помышленья,
Чтобы у счастья моего она
Крала минуты для порока; я
Не видѣлъ этого, я этого
Не зналъ, мнѣ эта мысль души не жгла,
Я спалъ покойно, веселъ былъ, доволенъ;
Я на устахъ ея не находилъ
Лобзаній Кассіо... Да, ограденный,
Пока не спохватился, ничего
Не потерялъ еще!

ЯГО.

Ахъ, тяжело мнѣ

Все это слышать, генераль!

Т. III.

ОТЕЛЛО.

Ну, пусть

Въ объятіяхъ ея перебивала-бы
 Вся эта сволочь, лагерная дрянъ... 18)
 Да только-бъ своего позора мнѣ
 Не звать — я-бъ могъ быть счастливымъ еще...
 Теперь-же? О, теперь прости на-вѣкъ
 Счастливый миръ души, мое довольство!
 И вы, о гордые полки мои,
 Въ сталіи, въ цвѣтныхъ волнующихся перьяхъ!
 И ты, война, творящая героевъ! все
 Прости!... Прости мой ржущій конь, звукъ трубъ,
 И барабановъ перекатный громъ, 19)
 И ты, святое, царственное знамя,
 И все великолѣпіе войны,
 И вы, пророки смерти, вы, — глаголь
 Торжественный Зевеса, — мѣдными
 Гремящіе устами — о простите!
 Призваніе Отелло совершилось!..

яго.

Что вы, снѣйоръ? — Возможно-ли...

ОТЕЛЛО.

А, тварь!

Гдѣ-жъ доказательства, чтобы опа....
 Любовь моя — такъ опозорила
 Себя?... Гдѣ-жъ доказательства.... Дай мнѣ
 На очи ихъ!... *(Хватаетъ его за горло).*

Или, клянусь тебѣ,
 Спасеніемъ души моей клянуса —
 Собакой лучше-бы тебѣ родиться,
 Чѣмъ демона будить въ груди моей....

яго.

Ахъ, не уже-ль до этого дошли вы?

ОТЕЛЛО.

Ты долженъ показать мнѣ... понимаешь!

Или, по-крайней-мѣрѣ, доказать —
 Но такъ, чтобъ сомнѣваться болше я
 Не могъ уже.... иначе, Яго.... да!
 Я задушу тебя....

яго.

Мой генераль!

ОТЕЛО.

Но если-жъ, Яго, это клевета,
 Но если-жъ на потѣху мучилъ ты
 Меня? — забудь молиться, задуши
 На сердцѣ все добро, все ужасы
 Злодѣйствъ возьми на душу, пусть земля
 Смутится, глядя на дѣла твои,
 И небо плачетъ — нѣтъ, ничѣмъ уже
 Своей души ты больше не погубишь....

яго.

О небеса! спасите-же меня!
 Вы человекъ еще! у васъ еще душа
 И мысль?... Богъ съ вами! Должность вамъ свою
 Я отдаю назадъ. — Безумецъ, Яго, ты —
 Безумецъ!... Прямота твоя идетъ
 За преступленіе въ глазахъ людей....
 Чудовище ты, свѣтъ!... Гляди-жъ, гляди
 О міръ! что человекъ не спасетъ
 Ни честь его, ни правота! — Спийоръ!
 Благодарю васъ за урокъ!... Отнынѣ
 Забуду дружбу я, — когда за дружбу
 Я только оскорбленія терплю....

ОТЕЛО.

Нѣтъ, стой! Ты долженъ честенъ быть....

яго.

Нѣтъ, я

Умнѣе долженъ быть; а честность — ложь
 Безумная; — и тотъ, кто служитъ ей, —

Несчастный! гибнетъ онъ неотвратимо....

ОТЕЛЛО.

О Боже! Боже мой! Я думаю —
Жена моя чиста и непорочна,
И думаю, что нечиста; — я думаю....
Ты благороденъ, честенъ, — и потомъ
Я думаю — безчестенъ ты.... О дай-же,
Дай доказательствъ мнѣ.... Хоть чѣмъ-нибудь,
Да докажи!... О Дездемона! Имя
Твое, недавно чистое, какъ ликъ
Діаны, — кажется теперь мнѣ чорнымъ,
Уродливымъ, какъ гадкое лицо
Мое.... О, если въ мѣръ есть еще
Веревка, ножъ, пучина, ядъ — терпѣть
Не буду долго я.... Ну, доказательствъ!...

яго.

Страсть пожираетъ васъ, спяньоръ, я вижу....
Мнѣ жаль, что разбудилъ я эту страсть....
Вамъ доказательствъ хочется?

ОТЕЛЛО.

Хочу-ль

Я доказательствъ?... -- Да.... хочу!

яго.

И можете. —

Но какъ? какъ это доказать, спяньоръ?
Не захотите-жъ вы стоять, конечно,
Какъ на часахъ, у ложа своего, —
Открывъ уста и очи, — въ ту минуту
Когда другой упьется счастьемъ вашимъ!...

ОТЕЛЛО.

Смерть и проклятье!... О!...

яго.

Къ-тому-жъ и трудно,

Я думаю, ихъ захватить въ-расплохъ. —
 Пусть будутъ прокляты они, когда
 Людскія очи чьи-нибудь, кромѣ
 Ихъ собственныхъ очей, найдутъ
 Измятое ихъ ложе! Какъ? Я вамъ
 Сказалъ о доказательствахъ?... Но нѣтъ!
 Такъ не докажешь.... это невозможно!...
 Да будь козломъ онъ, а она мартышкой,
 Или волчицей дикой, — будь они
 Безумно-глупы какъ самое пьянство —
 Нѣтъ, и тогда-бы это невозможно!...
 Но впрочемъ я сказалъ-бы: ежели
 Для васъ довольно будетъ замѣчаній,
 Которыя потомъ ужъ наведутъ
 На свѣжій слѣдъ — я ихъ представлю.

ОТЕЛО.

Ну, говори-жь; — и все, что знаешь — все
 Что можешь — говори!

яго.

Признаться, — мнѣ

Не правится ужасно эта роль, —
 Но такъ, какъ я зашелъ уже далеко,
 И все изъ глупой честности своей,
 Да изъ привязанности къ вамъ, — то видно
 Придется продолжать ее.... Недавно
 Прилегъ я съ Кассю на одной постели,
 Но зубы страшно мучили меня,
 И я не могъ заснуть.... Вотъ видите-ль,
 Синьйоръ, иной ужъ такъ распустится, ²⁰⁾
 Что и во снѣ нейдутъ съ ума ему
 Всѣ эти шашни, знаете.... таковъ
 Нашъ Кассю. — Я слышалъ, какъ во снѣ
 Онъ ясно говорилъ: «О Десдемона!
 Удвоимъ осторожность, чтобы скрыть
 Отъ свѣта нашу связь».... Потомъ, схвативъ
 Меня за руку, сильно сжалъ ее,
 И вскрикнулъ: «Милое создашь!...»
 Потомъ, припавъ неистово къ губамъ,

Впился въ нихъ долгимъ, долгимъ поцѣлуемъ,
И наконецъ, сдавивъ меня въ своихъ
Объятыхъ, ²¹⁾ простоналъ онъ: «О судьба
Проклятая! за-чѣмъ ты Мавру отдала
Ее!...»

ОТЕЛЛО.

Чудовищно! чудовищно!

ЯГО.

Синьоръ! по это только сонъ....

ОТЕЛЛО.

Да, сонъ

Невино повторявшій то, что было
Межъ нами на яву; — да, Яго, этотъ сонъ —
Въ глазахъ моихъ коварный обличитель....

ЯГО.

И то замѣтите — какъ онъ прояснилъ
Теперь другія подозрѣнья наши....

ОТЕЛЛО.

Я разорву въ куски се!...

ЯГО.

За-чѣмъ

Такъ скоро? Нужно быть благоразумнымъ.
Мы сами не видали ничего
Еще. — Она еще певннпою
И очень можетъ-быть.... Скажите, впрочемъ,
Мнѣ-бъ нужно это знать — вы не видали
Когда-нибудь въ рукахъ ея платка
Чудесно-шитаго цвѣтами?

ОТЕЛЛО.

Я

Подобный подарилъ однажды ей; —
И это былъ мой первый даръ любви.

ЯГО.

Не знаю я, но видѣлъ, что такимъ
Платкомъ, — и я увѣренъ въ томъ, что онъ
Супруги вашей, — Кассью отпиралъ
Вчера лицо себѣ.

ОТЕЛО.

О, если это
Тотъ самый....

ЯГО.

Тотъ, или другой платокъ
Спнѣйоры — это новый обличитель
Противъ нее.

ОТЕЛО.

Презрѣнный! о за-чѣмъ
Онъ не имѣетъ сорокъ тысячъ жизней?...
Одна... несчастная.... что-жъ тутъ для мести?
Теперь я вижу.... ясно.... это правда!
О Яго!... вздохи — всю любовь,
Безумную любовь свою послалъ
Я небесамъ святымъ!... Ушла.... ушла!
Вставай-же мечь, вставай чудовище,
Изъ темныхъ безднъ своихъ!... Любовь! спимай
Вѣпцы свои съ души моей.... На тропь
Твой — въ сердце, здѣсь — возсядетъ ненависть
Въ коронѣ темной.. . Прочь изъ груди все!
Все прочь!... Тамъ тѣсно, душно мнѣ уже
Отъ свиста языковъ змѣиныхъ....

ЯГО.

Ахъ,
Спнѣйоръ, поберегите вы себя.

ОТЕЛО.

О, крови, Яго, крови!

ЯГО.

Успокойтесь!...

Я васъ прошу; — быть-можетъ, чувства ваши
Измѣнятся....

отелло.

Нѣтъ, Яго, никогда....

Какъ волны вѣчно-дикаго Эвксина,
Безъ отдыха, безъ срочнаго отцва,
Въ напорѣ бѣшеномъ все идутъ вдаль
На Гелеспонтъ и Пропонтиду, — такъ
Мои кровавые обѣты, въ ихъ
Стремленьи дикомъ, позабывъ любовь, —
Все выростая, страшно выростая, —
Тамъ остановятся, гдѣ ихъ задушатъ.... *(Становится на колѣни).*
Ты, Небо вѣчно-неизмѣнное!
Тебѣ я поручаю клятву эту....
И ты увидишь. какъ ее исполню....

яго.

Не поднимайтесь! стойте такъ! *(Становится на колѣни).*
Вы, божьи вѣчно-пламенныи звѣзды!
Вы, чудно міръ обнявшія стихіи!
О будьте-жъ вы свидѣтели, что Яго,
Умъ, сердце, руку — вѣчно посвятилъ
Служенью оскорбленнаго Отелло...
Пусть онъ повелѣваетъ — я готовъ
На все кровавое — забывъ про совѣсть!...

отелло.

Я приимаю твой обѣтъ; не стану
Передъ тобою разсыпаться пустыхъ
Благодареній. — Чтобы доказать,
Какъ я цѣню его, — теперь-же, Яго,
И пользуюсь я имъ; — черезъ три дня
Ты долженъ мнѣ допестъ, что Кассіо
Уже не существуетъ.

яго.

Другъ мой мертвъ....

Вашъ приговоръ рѣшилъ судьбу его!
Но Дездемона.... пусть живетъ она!

ОТЕЛЛО.

Нѣтъ, судъ произнесенъ уже надъ ней,
 Безстыдною.... произнесенъ ужъ судъ!
 Иди за мной; — подумать пужно, Яго,
 Чтобы для этой адской красоты
 Придумать смерть внезапную.... Теперь
 Ты — лейтенантъ мой.

яго.

Вѣчно вашъ, сирыйоръ.

СЦЕНА IV.

Тамъ-же.

Входятъ ДЕСДЕМОНА, ЭМИЛІЯ и ШУТЬ.

ДЕСДЕМОНА.

Не знаешь-ли, любезный, какъ-бы найти Кассіо? гдѣ онъ бы-
 ваетъ?

ШУТЬ.

Я не возьму на себя смѣлости сказать, гдѣ онъ бываетъ.

ДЕСДЕМОНА.

А отъ-чего-бы это?

ШУТЬ.

Онъ солдатъ, — а по-миѣ, сказать гдѣ бываетъ солдатъ, —
 оно.... немножко щекотливо.

ДЕСДЕМОНА.

Ну, гдѣ живетъ онъ?

ШУТЬ.

Сказать вамъ, гдѣ онъ живетъ, значитъ, сказать чистую ложь 22

ЭМИЛЬЯ
ЭМИЛЬЯ

ДЕСДЕМОНА.

Можно-ли разобрать что-нибудь изъ этого?

шутъ.

Я не знаю, гдѣ живетъ онъ, и слѣдовательно сказать, что онъ живетъ здѣсь или тамъ, значитъ безсовѣстно солгать передъ вами.

ДЕСДЕМОНА.

Не можешь-ли ты, по-крайней-мѣрѣ, узнать объ этомъ и сказать мнѣ.

шутъ.

Это дѣло другое. Я пущусь спрашивать у встрѣчнаго и поперечнаго, т. е., буду задавать вопросы, и на основаніи ихъ создавать свой отвѣтъ.

ДЕСДЕМОНА.

Найди-же его и попроси придти сюда; скажи ему, что я просила объ немъ своего мужа и ожидаю всего лучшаго.

шутъ.

Все это не превышаетъ еще соображеній ума человѣческаго, и слѣдовательно, я совершенно могу принять на себя ваше порученіе.
(Уходитъ).

ДЕСДЕМОНА.

Но гдѣ-жъ я потеряла свой платокъ, Эмиля?

ЭМИЛЯ.

Не знаю я, сивьйора.

ДЕСДЕМОНА.

Повѣрь, Эмиля, лучше-бъ согласилась
Я потерять свой кошелекъ крузадовъ ²³);
И если-бы мой благородный Мавръ
Имѣлъ не этотъ свѣтлый умъ, и былъ

Не выше мелкой ревности, конечно
Отъ этого въ немъ родилось-бы много
Нечестныхъ мыслей.

Эмилия.

А Отелло не ревнивъ,

Сипьйора ?

ДЕСДЕМОНА.

Кто? мой Мавръ? — Я думаю,
Что солнце родины его сожгло
Въ крови его зародышь этой страсти.

Эмилия.

Ахъ, вотъ и онъ.

ДЕСДЕМОНА.

Теперь я отъ него
Не отойду, пока онъ не проститъ
Проступка Кассіо.

(Отелло входитъ).

Что не лучше-ли
Тебѣ, мой другъ?

ОТЕЛЛО.

О, лучше, добрая
Моя сипьйора. *(Вз-сторону).* Ахъ, притворство мнѣ
Такъ тяжело!... А ты здорова?

ДЕСДЕМОНА.

О, совершенно, добрый мой сипьйоръ.

ОТЕЛЛО.

А дай мнѣ руку. — Какъ она нѣжна,
Сипьйора, ручка ваша!

ДЕСДЕМОНА.

Да, она
Еще немного видѣла годовъ,
И не видала горя....

ОТЕЛЛО.

Ручка эта

Мнѣ говоритъ, что много жизни здѣсь,
 Что на сердцѣ твоємъ тревоги много....
 Да, горяча.... такъ горяча, пѣжна!
 Она мнѣ говоритъ еще: сипыйоръ
 Нужны-бы постъ, неволя и молитва,
 Немножко-бъ покапя пужно.... да!
 А то здѣсь все вертится шаловливо
 Молодопѣкѣй бѣсепокъ.... право!
 Ахъ, это откровенная рука,
 Такая добрая!

ДЕСДЕМОНА.

Я думаю .

Что добрая, — вѣдь ручка эта сердце
 Вамъ отдала мое....

ОТЕЛЛО.

Да, добрая
 Ты ручка!... Встарину тебя-бы мнѣ
 Вручило сердце, а теперь, такъ ты
 Располагаешь сердцемъ — модная
 Геральдика! 24)

ДЕСДЕМОНА.

Въ которой я, сипыйоръ,
 Не понимаю ровно ничего.
 А что-же обѣщаніе твое?

ОТЕЛЛО.

Какое обѣщанье, милая
 Моя?

ДЕСДЕМОНА.

Да все-жъ объ этомъ Кассіо.
 Ужъ я за нимъ послала, чтобъ пришелъ
 Поговорить съ тобою самъ.

ОТЕЛЛО.

Ахъ, вотъ

Опять меня схватила эта боль....

Дай мнѣ платокъ...

ДЕСДЕМОНА.

Вотъ онъ, мой милый.

ОТЕЛЛО.

Нѣтъ!

Другой, что я когда-то подарилъ.

ДЕСДЕМОНА.

Того здѣсь нѣтъ.

ОТЕЛЛО.

Какъ нѣтъ?

ДЕСДЕМОНА.

Да здѣсь... теперь

Со мною нѣтъ...

ОТЕЛЛО.

Жаль! жаль! его одна

Цыганка подарила матери

Моей давно уже; — она была

Колдунья, и могла читать въ душѣ

Людскую мысль; — она сказала ей:

Пока ты этотъ сохранишь платокъ,

До-тѣхъ-поръ будешь ты любима мужемъ

И безраздѣльно будешь обладать

Его душою; если-жъ потеряешь,

Или отдашь кому-нибудь его, —

Твой мужъ тогда-жъ тебя возненавидитъ,

И страсти новой покорится сердцемъ.

Предъ смертью мать мнѣ отдала его,

И завѣщала подарить женѣ,

Когда и мнѣ жениться придется...

Я такъ и сдѣлалъ: сохрани-жъ его,

И какъ зѣнцу ока беречи.
 Да .. потерявъ или отдавъ его,
 Ты приготовишь безъисходную,
 Суровую погибель намъ...

ДЕСДЕМОНА.

О Боже!

Возможно-ль это?

ОТЕЛЛО.

Это вѣрно. — Въ ткани той
 Заключена таинственная сила:
 Сивилла, двѣсти разъ выдавшая
 Годичный солнца оборотъ, въ жару
 Своихъ пророческихъ видѣній, шила
 Его цвѣтами; шолкъ носили черви,
 Которыхъ силою своею она
 Очаровала; весь платокъ потомъ
 Омытъ таинственнымъ бальзамомъ былъ, —
 И тотъ бальзамъ сивилла источила
 Изъ дѣвственныхъ сердець столѣтнихъ мумій 25)

ДЕСДЕМОНА.

О, неужели истина все это?

ОТЕЛЛО.

Святая истина! Смотри-жь за нимъ
 Внимательно...

ДЕСДЕМОНА.

О, лучше-бы его
 Я не видала никогда!

ОТЕЛЛО.

Какъ! что?

А отъ-чего-бы это?

ДЕСДЕМОНА.

Ахъ, за-чѣмъ
 Ты такъ сурово говоришь со мною?

ОТЕЛЛО.

Такъ онъ потерялъ? отдавъ? говори-жь...
Его ужъ больше нѣтъ?..

ДЕСДЕМОНА.

Спаси насъ Боже!..

ОТЕЛЛО.

Да говори-жь!

ДЕСДЕМОНА.

Нѣтъ, не потерялъ онъ. --
Но если-бы.., Отелло?

ОТЕЛЛО.

А!...

ДЕСДЕМОНА.

Но я

Вѣдь говорю, что не потерялъ онъ.

ОТЕЛЛО.

Найди-же, покажи его!..

ДЕСДЕМОНА.

Да, — я

Найду его, синьйоръ, — но не теперь...

Но это хитрости... а! понимаю...

Такъ не удастся-жь вамъ, синьйоръ, меня

Заговорить, -- прости-же Кассіо,

Прошу тебя, мой милый другъ!..

ОТЕЛЛО.

Найди

Платокъ!.. Въ душѣ моей уже встаютъ

Предчувствія...

ДЕСДЕМОНА.

Такъ, такъ!.. сердись! сердись...

Прости-жь его Отелло, — право, ты

Въ другомъ ужъ не пайдешъ такихъ достоинствъ...

ОТЕЛЛО.

Платокъ!

ДЕСДЕМОНА.

О, умоляю-жъ... отвѣчай!

ОТЕЛЛО.

Платокъ!

ДЕСДЕМОНА.

Всѣмъ бытіемъ своимъ всегда
Онъ былъ къ тебѣ привязанъ; онъ дѣлилъ
Съ тобою всѣ опасности...

ОТЕЛЛО.

Платокъ!

ДЕСДЕМОНА.

Ну, право, стоить пожурить тебя...

ОТЕЛЛО.

Прочь!

(Уходитъ).

ЭМПЛЯ.

Вы скажете — онъ не ревнивъ, сипьйора?

ДЕСДЕМОНА.

Я прежде не видала никогда
Его такимъ, и пачинаю вѣрить,
Что есть въ платкѣ таинственное что-то...
Ахъ! много принесетъ оно мнѣ горя...

ЭМПЛЯ.

Не въ годъ, не въ два моя сипьйора, можно
Мужчину разгадать. — Мы, бѣдныя,
Не болѣе, какъ пища алчныхъ ихъ
Страстей, — и жадно пожираютъ насъ

Они; — ну, а потомъ, насытившись,
 Одно осталось — бросить!.. Но, смотрите:
 Вотъ идутъ Кассіо и Яго мой. (Входятъ Яго и Кассіо).

ЯГО.

Вамъ нѣтъ другой дороги; пужно, чтобъ
 Она за васъ просила Мавра. — Ну,
 Вы, просто, счастливы — вотъ и она!
 Подите-жъ къ ней, да попытайтесь-ка
 Опять.

ДЕСДЕМОНА.

Ахъ это вы, мой Кассіо!
 Что поваго у васъ?

КАССИО.

Синьйора! я
 Все съ прежней просьбой. — Умоляю вновь
 Великодушное участие ваше, —
 Все бытіе мое отъ васъ зависить, —
 Вы только можете мнѣ возвратить
 Любовь его, — его, котораго
 Во глубинѣ души моей люблю
 И уважаю безконечно я; —
 Вся эта медленность и неизвѣстность
 Невыносимо тяжелы!.. Когда-жъ
 Проступокъ мой уже некупимъ
 Ни прежними заслугами моими,
 Ни настоящей горестью, ни тѣмъ,
 Къ чему себя въ грядущемъ обрекаю, —
 Когда все это — мнѣ не возвратитъ
 Уже любви его, — пусть скажетъ онъ,
 Чего, по-крайней-мѣрѣ, ждать я долженъ...
 Я покорюсь необходимости,
 Синьйора... горестью убитый, я
 Пойду себѣ другой дорогой...

ДЕСДЕМОНА.

Ахъ,
 Мой благородный, добрый Кассіо!

Предстательство мое теперь беспильно...
 Мой мужъ не тотъ уже, чѣмъ прежде былъ, —
 Я не узнала-бы въ немъ Мавра моего —
 Когда-бъ черты его перемѣнились,
 Какъ нравъ... О, я за васъ молила,
 Какъ молитъ за меня у вѣчнаго
 Престола ангелъ мой хранитель... Что-жь?
 За эти рѣчи гнѣвъ его упалъ
 И на меня... Но потерпите ужъ
 Еще не много; — все, что только можно —
 Я сдѣлаю для васъ; — рѣшусь на то,
 На что для личныхъ цѣлей никогда-бъ
 Я не рѣшилась: будьте-жь хоть теперь
 Спокойны, Кассіо!

яго.

Такъ генераль

Разгнѣванъ?

эмилія.

Онъ вотъ только-что ушелъ
 Въ волненіи пензъяснимомъ....

яго.

Онъ?

Взволнованъ?... я видалъ, какъ ядра
 Ряды дружинъ его сметали; видѣлъ я —
 Одно изъ нихъ, подобно демону,
 Схватило брата на груди его....
 И онъ взволнованъ? — видно есть причина....

десдемона.

Иди-же, Яго, успокой его, —
 Прошу тебя.

(Яго уходитъ).

Быть-можетъ получилъ
 Онъ изъ Венецыи непріятныя
 Извѣстья, — или здѣсь, на островѣ
 Открылъ онъ тайный заговоръ — и это
 Смутно свѣтлый міръ души его.
 А вѣдь въ подобныхъ случаяхъ всегда

Привяжемся мы, вѣрно, къ пустякамъ.
Хотя душа полна тревогою
Суровой; — это такъ! Пусть заболитъ
У насъ немножко палецъ — эта боль
Сейчасъ идетъ ко всѣмъ здоровымъ членамъ....
Вѣдь люди-же — не боги; — и нельзя-жъ
Намъ вѣчно требовать того внимастья,
Которымъ насъ лелѣютъ въ брачный день.
О побрани-жъ, Эмилія, меня!
Какъ много я была несправедлива
Къ нему за мнимую холодность эту!...
Теперь сама я вижу совершенно,
Что виноватъ не онъ, а я....

ЭМИЛІЯ.

Дай Богъ,

Чтобы причиной этого волпенья
Были одни дѣла республики,
А не зародышъ ревности слѣпой....

ДЕСДЕМОНА.

О, я тебя оплачу, день печальный!...
Я никогда ему не подала
Причины....

ЭМИЛІЯ.

Все-равно!... ревнивымъ такъ
Не говорите лучше; ревности
Причина не всегда пужпа; опи
Ревнивы — просто потому, что ужъ
Ревнивы.... Да, чудовище она!
Сама-собою зачнетъ въ темнотѣ,
И вырастаетъ изъ самой-себя.

ДЕСДЕМОНА.

О небо! изгощи се на-вѣкъ
Изъ сердца Мавра моего....

ЭМИЛІЯ.

Амишь,

Синьйора!

ДЕСДЕМОНА.

Я теперь пойду искать
Его, а вы, межъ-тѣмъ, побудьте здѣсь,
Мой бѣдный Кассіо, — повторю
Предъ нимъ опять мольбы свои, — и все
Употреблю на то, чтобы склонить
Его.

КАССИО.

Благодарю васъ, добрая
Синьйора! *(Десдемона и Эмилія уходятъ.—Бьянка входитъ).*

БЬЯНКА.

Ахъ, мой милый Кассіо!

КАССИО.

Какъ, Бьянка, ты? — И здѣсь? — Да, что тебя
Заставило придти сюда теперь?
Здорова-ли, прелестный другъ мой? — Я
Вотъ только-что было къ тебѣ сбирался....

БЬЯНКА.

А я къ тебѣ, мой милый Кассіо! — Ну,
На что-жъ похоже это — прятаться
Недѣлю цѣлую — семь дней и семь
Ночей, — сто-шестьдесятъ часовъ, — а вѣдь
Часы любви тоскующей идутъ
Въ сто-шестьдесятъ разъ медленнѣй часовъ
Обыкновенныхъ.... Ахъ, какъ скучно ихъ считать
Мой Кассіо!

КАССИО.

Прости-же Бьянка!

Я самъ страдалъ такъ много въ это время....
Но скоро этотъ грѣхъ очищу я,
Неразставаясь болѣе съ тобой

Ни на минуту. — Милая Бьянка!

(Показывает платок Дездемоны).

Сработай мнѣ точь-въ-точь такой платокъ.

БЬЯНКА.

Ахъ, Кассю, гдѣ ты взялъ его? — И вѣрно
Подарокъ новой дружбы? — О, теперь
Я вижу ясно — отъ-чего тебя
Не видно было.... вотъ причина! ахъ
Какъ это хорошо!...

КАССИО.

Пошла!... На то
И женщина.... Брось этотъ глупый вздоръ
Туда, откуда онъ пришелъ къ тебѣ —
Дяволу. — Ты создала уже
Изъ ревности — любовницу, подарки....
Кляпуть, не угадала, Бьянка, ты!

БЬЯНКА.

Ну, чей-же опъ?

КАССИО.

Да я и самъ не знаю; —
Я въ комнатѣ своей нашель его.
Рисунокъ мнѣ поправился, и мнѣ
Хотѣлось-бы имѣть такой-же, прежде,
Чѣмъ возвращу его, — а возвратить
Когда-нибудь да надо. — Вѣришь-ли?
Возьми-жъ его и сдѣлай точно такъ.
Ну, а теперь, пока прощай!

БЬЯНКА.

Прощай?...

За-чѣмъ-бы это?

КАССИО.

Да за тѣмъ, что я
Здѣсь генерала поджидаю. — Ну,

А согласишься сама — целовко-же
Съ тобой вдвоемъ къ нему явиться мнѣ....

БЪЯНКА.

А отъ-чего-бы, на-примѣръ, целовко?

КАССИО.

Конечно ужъ не отъ-того, чтобы
Я не любилъ тебя.

БЪЯНКА.

А отъ-того,
Что ты меня не любишь... такъ-ли?
Хоть проводи-жь меня.... По-крайпей-мѣрѣ,
Придешь-ли ты хоть вечеромъ сегодня?

КАССИО.

Мнѣ нужно дожидать на этомъ мѣстѣ,
И потому далеко не могу
Я проводить, — по я зайду къ тебѣ
Какъ только потемнѣетъ. —

БЪЯНКА.

И за то
Спасибо, милый Кассіо! — Судьбѣ
Своей, безъ ропота я повинуюсь.

=

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

=

СЦЕНА I.

Тамъ-же.

Входятъ ОТЕЛЛО и ЯГО.

ЯГО.

Васъ все еще, сирыйоръ, тревожитъ это?

ОТЕЛЛО.

Тревожить-ли меня?

ЯГО.

И что-жь? — одинъ
Таинственный и тихій поцѣлуй....

ОТЕЛЛО.

А кто

Далъ право имъ на этотъ поцѣлуй?...

ЯГО.

Или невпипное свиданье въ спальнѣ,
Не больше часа, двухъ....

ОТЕЛЛО.

Невинное?

И въ спальнѣ, Яго?... Что-же — дьявола
Они морочатъ?... Знаешь-ли, что тѣхъ,
Которыя ведутъ невинныя
Бесѣды въ спальняхъ по-ночамъ — тѣхъ искушаетъ
Самъ сатана; — они-же, въ свой чередъ,
Святое Небо искушаютъ.

ЯГО.

Тутъ,
Казалось, грѣхъ-бы небольшой 'еще
Потолковать вдвоемъ, — но если я,
Положимъ, подарю женѣ платокъ....

ОТЕЛЛО.

Ну, что-жъ тогда?

ЯГО.

Да онъ тогда ужъ ей
Принадлежитъ, — и я-бы думать смѣлъ,
Что подарить свое добро она
Имѣетъ право.

ОТЕЛЛО.

Такъ по твоему,
Она имѣетъ право подарить
И честь свою, — вѣдь-же она хозяйка
И этого добра?

ЯГО.

Вотъ вы и честь
Сейчасъ; честь — дѣло темное, синьйоръ...
Огляньтесь — мало-ли безстыдницъ честныхъ....
Но что касается платка....

ОТЕЛЛО.

Клявусь,
Я много-бъ далъ, чтобъ позабыть о немъ,

А у тебя, что́ слово — то платокъ....
 О, эта мысль на памяти моей,
 Какъ мрачный воронъ, каркающій гибель
 На кровлѣ затумленной... 26). У него
 Платокъ мой!...

яго.

И что́-жь изъ этого?

отелло.

Теперь

Изъ этого уже выходитъ много....

яго.

А если-бъ я сказа́лъ, что видѣлъ самъ
 Позоръ вашъ?... слышалъ отъ него я самъ....
 Вѣдь есть довольно въ свѣтѣ и такихъ,
 Что такъ или иначе дотянувъ
 До своего — никакъ ужъ не утерпятъ,
 Чтобъ не трубить предъ встрѣчнымъ-поперечнымъ...

отелло.

Да развѣ говорилъ онъ что-нибудь?

яго.

Да, говорилъ; — и это вѣрно такъ,
 Какъ то, что онъ при случаѣ, пожалуй,
 И отопрется отъ своихъ рѣчей.

отелло.

Ну, что́-жь онъ говорилъ?

яго.

Что будто онъ...

Того.... но, право, я не знаю, какъ —
 Сказать вамъ это....

отелло.

Говори-же, что́?

Лежалъ ...

яго.

ОТЕЛЛО.

Съ женой?

яго.

Да, съ нею, возлѣ ней... 27).

Ну, какъ хотите тамъ....

ОТЕЛЛО.

Лежалъ съ нею! возлѣ нея!... Какъ, это говорятъ еще, Яго, когда говорятъ объ этомъ?... О, позоръ, позоръ!... Платокъ!... Такъ вотъ исповѣдь его!... Платокъ.... Да, исповѣдь ему, и — веревку за эти подвиги... 28). Нѣтъ, на веревку прежде, — такъ и допросъ... Я дрожу, какъ только подумаю... Нѣтъ, эта страсть не обезумила-бы такъ мою природу, если-бы не было у нея тайныхъ предчувствій.... Одни пустые звуки не проникнули бы меня этимъ страннымъ трепетомъ... Ухъ!... Вотъ она вся... съ черты... ея очи и уста ея.. Ахъ, да возможно-ли это?!... Признается!... платокъ!... о дьяволъ! (Падаетъ въ обморокъ).

яго.

Гуляй мой ядъ, — работай ядъ!... Вотъ какъ
Пріятелей, глупцовъ васъ легковѣрныхъ,
Въ засаду ловятъ!... Вотъ невинность ваша,
О непорочные мои голубки!...
Что-жь тутъ она поможетъ вамъ?... Спыйоръ!
Что съ вами? (Входитъ Кассіо).

Мой спыйоръ! Отелло!

Ахъ, это Кассіо вы!

КАССИО.

Что здѣсь такое?

яго.

Падучая!... ахъ, бѣдный мой спыйоръ!...
И вотъ, въ другой ужъ разъ ударило
Его; вчера было вотъ точно также.

КАССИО.

Ему-бъ виски немного потереть.

ЯГО.

О нѣтъ! оставьте... пусть обычный ходъ
Припадокъ совершитъ; иначе пѣна
Забьетъ клубами на его устахъ,
И хуже прежняго еще его
Закорчитъ.... Вотъ, онъ движется уже,
Глядите. — Выйдите-жъ теперь отсюда
На пѣсколько минутъ, — онъ скоро ужъ
Очнется; — а потомъ, когда уйдетъ —
Мы потолкуемъ съ вами объ одномъ
Довольно-важномъ дѣлѣ.

(Кассио уходитъ).

Что, какъ вы
Теперь, снѣйоръ? — И ваша голова...
Конечно, вы ее не повредили?...

ОТЕЛЛО.

Ты падо мной смѣешься?...

ЯГО.

Я,
Снѣйоръ, смѣюсь?... Нѣтъ! предъ Богомъ, нѣтъ!
Скорѣй — я-бъ пожелалъ вамъ перепестъ
Несчастье это гордо, равнодушно...

ОТЕЛЛО.

Обманутый супругъ — о, это звѣрь,
Чудовище!

ЯГО.

Такъ ихъ таки довольно
По городамъ — цивилизованныхъ
Чудовищъ этихъ и звѣрей.

ОТЕЛЛО.

И онъ, ты говоришь, признался въ этомъ?...

Яго.

Снѣйоръ! снѣйоръ мой! — Будьте человѣкомъ...
 Подумайте, что всякъ, кого судьба
 Родила съ бородой, — чуть голову
 Свою пагнетъ въ супружное ярмо —
 Рога какъ разъ растутъ на головѣ
 Его... Ахъ, сколько есть счастливецъ,
 Увѣренныхъ, что чисто ложе ихъ, —
 А тамъ чортъ знаетъ кто толчется... Вамъ
 На долю лучше выпало! А то лобзать
 На ложѣ, — въ чистотѣ, котораго
 Такъ много мы убѣждены, — лобзать
 Преступницу и думать, что она,
 Какъ ангелъ неповинна — о, да это
 Преоскорбительная шутка ада,
 Архи-насмѣшка князя сатаны...
 Нѣтъ, пусть я лучше знаю жребій свой, —
 А зная, что такое я — легко
 Уже рѣшить и то, чѣмъ быть и ей.

ОТЕЛЛО

Ты мудръ, мой Яго, — это справедливо!

Яго.

Уйдите-ка отсюда на минутку,
 Да потерпите, ужъ не горячась. —
 Пока вы здѣсь томилися въ борьбѣ
 Съ глубокой горестью, — что педостойно
 Подобныхъ вамъ людей, — сюда зашелъ
 Нашъ Кассіо. — Я отослалъ его
 Подъ тѣмъ предлогомъ, будто вы въ припадкѣ,
 Но попросилъ придти сюда опять
 Потолковать со мной; — онъ общалъ.
 Вы спрячьтесь, и смотрите, какъ
 Рисуется во всѣхъ чертахъ его
 Насмѣшка, гордость и презрѣнье,
 Когда онъ говоритъ объ этой связи; —
 А я его заставляю повторить,
 Гдѣ, какъ, когда и сколько было ужъ

У нихъ свиданій? долго-ли идутъ ;
Они? когда назначено опять?
Вы только молча замѣчайте всѣ
Тѣлодвиженія его; — по разъ
Еще, сирьйоръ, — терпѣніе! — Не то,
Заставите меня повѣрить вы,
Что страсти въ вашемъ сердце слишкомъ-много,
Да маловато человѣка....

ОТЕЛЛО.

Замѣть-же, Яго, истощу я все
Терпѣніе свое; по-послѣ, Яго, —
Замѣть и это, — истощу я всю
И злобу кровожадную.

ЯГО.

На это

Я ничего вамъ не скажу, но пусть
Васъ время приведетъ къ тому законцо....

Благоволите-же, сирьйоръ, уйти.

(Отелло отходитъ).

Теперь я съ Кассіо заговорю

О Бьянкѣ, этой умницѣ, что такъ

Умно ведетъ коммерческій обмѣнъ

Восторговъ жаркихъ на насущный хлѣбъ,

Да на лоскутья бабы.... бѣдная

Души не слышитъ въ Кассіо своемъ...

Да это вѣчно такъ уже у нихъ —

Щипаютъ сами пропасть мелкихъ пташекъ,

А ихъ уже одинъ щипаетъ коршунъ. —

И чуть при немъ заговоришь объ пей —

Онъ тотчасъ смѣхомъ разразится.... А!

Вотъ онъ.

(Кассіо входитъ).

Ну, смѣйся-жъ, каждая твоя

Улыбка новымъ бѣшенствомъ взволнуетъ

Непстоваго Мавра; онъ съумѣетъ,

Въ угаръ глухой ревности своей,

Веселый смѣхъ твой такъ чудесно

По своему растолковать.... Ну, что

Мой лейтенантъ?

КАССИО.

Не хорошо, мой Яго, —
 Тѣмъ болѣе не хорошо, что ты,
 Ужъ не въ насмѣшку-ль, полно, величаешь .
 Меня достоинствомъ, котораго
 Потеря убиваетъ всѣ мои
 Надежды.

яго.

Вамъ еще-бы попросить
 Какъ должно, Дездемону, — это
 Одно спасти васъ можетъ.

(Тихо).

Вотъ когда-бъ
 Зависѣло отъ Бьянки наше дѣло —
 Такъ резолюція-бы мигомъ, — а?

КАССИО

Да, бѣдная моя шалунья!

ОТЕЛЛО (тихо).

А!

Уже смѣется!...

яго.

Право, не видалъ
 Я женщины, такъ беззавѣтно
 И чисто преданной любви своей...

КАССИО.

Да, вѣтренница точно влюблена
 Въ меня, — я въ этомъ убѣжденъ.

ОТЕЛЛО (тихо).

Теперь

Какъ будто онъ не соглашается,
 А самъ межъ-тѣмъ смѣется, — ну, оно
 Поцѣпно!

яго.

Зпате-ли Кассіо...

ОТЕЛЛО (*тихо*).

А....

Вотъ опъ его заставитъ разсказать
Все дѣло.... Ну, впередъ! — Чудесно, Яго, —
Чудесно сказано....

яго.

Она вездѣ
Трубитъ, что вамъ хотѣлось-бы на ней
Жениться, — правда-ль это?

КАССИО.

Ха, ха, ха!

ОТЕЛЛО (*тихо*).

Тріумфъ тебѣ, о Римлянинъ! тріумфъ!...

КАССИО.

Мнѣ хотѣлось-бы на ней жениться? — Что ты! На этой дѣвѣ
милосердія!... Да хоть немощко списхожденія, Яго, къ бѣдному-
то разсудку моему.... Не ужъ-то я совсѣмъ-таки помѣшался....
Ха, ха, ха! на ней жениться!...

ОТЕЛЛО (*тихо*).

Такъ, такъ, такъ, славно!... Завоевалъ — рукоплещи теперь!

яго.

По чести, слухи ходятъ, что вы хотите на ней жениться.

КАССИО.

Ты не шутишь, Яго?

яго.

Да, что за шутки? — Пусть я буду и не знаю чѣмъ, если это
есть у меня и въ помышленіи.

ОТЕЛЛО (*тихо*).

А! ты уже рѣшилъ, сколько осталось жпть мнѣ, Кассіо! Не дурно!

КАССИО.

Ну, увѣряю тебя — это собственныя сочненія этой мартышки.... Она-то, пожалуй, убѣждена въ томъ, что я женись на ней, — да убѣдилась-то она не изъ словъ моихъ, а изъ личнаго тщеславія только. (*Яго дѣлаетъ знаки Отелло*).

ОТЕЛЛО (*тихо*).

Яго киваетъ мнѣ; — теперь онъ начнетъ свою исторію.

КАССИО.

Вотъ только-что она была здѣсь; — какъ видишь, она нигдѣ не даетъ мнѣ покоя. — Недавно какъ-то стояло пасъ, пѣсколько земляковъ, на морскомъ берегу, — такъ, толковали о чемъ-то, — вдругъ, откуда ни возмись — прибѣгаетъ она, и, какъ кошка, сразу цѣпляется мнѣ на шею....

ОТЕЛЛО (*тихо*).

И безъ сомнѣнія кричитъ: «о милый Кассіо!» — такъ, по-крайней-мѣрѣ, доказываютъ твои жесты.

КАССИО.

Вѣшается, говорю, на шею, прижимаетъ къ груди своей, обливаешь меня слезами, тормошитъ, тащитъ меня.... Ха, ха, ха!...

ОТЕЛЛО (*тихо*).

Теперь онъ рассказываетъ, какъ она затащила его въ свою спальню.... О, я уже вижу и всѣ ваши дальнѣйшія продѣлки; но я еще не вижу собаки, которой-бы тебя стоило бросить за нихъ.

КАССИО.

Ну, впередъ она меня не подцѣпитъ.

ЯГО.

Смотрите!... вѣдь она вотъ ужъ здѣсь... И на чужихъ не глядитъ!
(*Входитъ Бьянка*).

КАССИО.

Да это чистая кошка!... только знаешь-ли, прилизаная, надушенная... (Бьянка) Ну, чего тебѣ хочется? Чего ты бѣгаешь по слѣдамъ моимъ?

БЬЯНКА.

Пусть по тебѣ бѣгаетъ чортъ съ своею чертовкой!... Скажи лучше — чего тебѣ хотѣлось, когда ты отдавалъ мнѣ платокъ этотъ?... А я-то дура—и возьми его!... Видите-ли—вамъ нуженъ другой точно такой-же.... И то сказать—какъ умно придумано: «Я нашелъ его въ своей комнатѣ!.. я не знаю, кто его тамъ покинулъ!..» Ты не знаешь... А я такъ знаю, что это драгоценные сувенирчики какой-нибудь потаскухи, — и я-же должна работать надъ нимъ.... На! отдай его своему сокровищу! Чей-бы онъ ни былъ—я не стану, и не стану такъ сидѣть надъ нимъ.

КАССИО.

Да, что ты, милочка моя Бьянка, что съ тобой?

ОТЕЛЛО (тихо).

Клянусь небомъ это, должно-быть, мой платокъ!

БЬЯНКА.

И если ты хочешь придти ко мнѣ — ужинать сегодня, — милости просимъ! — А! нѣтъ — приходи, когда позволять тебѣ дѣла твои. (Уходитъ).

ЯГО.

За пею, Кассио, за пею!

КАССИО.

Да, надобно пойти; иначе, она забарабанитъ теперь по всѣмъ улицамъ.

ЯГО.

Вы у нея останетесь и ужинать?

КАССИО.

Кажется, что такъ.

яго.

И прекрасно; — а могу-ли я васъ видѣть тамъ?... Мнѣ-бы
очень-хотѣлось поговорить съ вами.

кассио.

О, сдѣлай мнѣ, приходи!.. Будешь?..

яго.

Ну, поспѣшайте ужъ за нею... полно толковать вамъ.

(Кассио уходитъ).

отелло.

Какъ-же мнѣ, Яго, мучить его?..

яго.

Вы видѣли теперь, въ какомъ онъ восторгѣ отъ мерзостей своихъ...

отелло.

О Яго!

яго.

Вы также видѣли и платокъ, конечно?

отелло.

А это мой платокъ?

яго.

Какъ честныйи человекъ, — вашъ, спящоръ... И вотъ какъ
онъ цѣнитъ безумную эту женщину — жену вашу! Она даритъ
ему платокъ, а онъ бросаетъ его первой твари.

отелло.

Цѣлые годы я хотѣлъ-бы мучить — не замучить его!.. Со-
вершенная женщина! прелестное, милое созданіе!

яго.

Спящоръ! вамъ пужно забыть это...

ОТЕЛЛО.

Да... судъ, и смерть, и гибель ей — все въ эту ночь... Да, не жить ей больше... Сердце мое теперь — камень. Какъ бьетъ оно мою грудь! какъ болѣзненно бьется оно подъ моею рукою... О, міръ не увидитъ уже созданія прекраснѣе ея!.. Она могла-бы раздѣлять судьбы владыкъ земныхъ, и своею волею вести судьбы эти.

ЯГО.

Да вы, генераль, ведете не по той уже дорогѣ...

ОТЕЛЛО.

Нѣтъ, ей все-таки погибель! Я говорю только, что такое она — эта Дездемона!.. Такъ превосходно работаетъ иглою... такъ удивительно играетъ!.. Предъ ея пѣжностью сокрушилась-бы свирѣпость дикаго медвѣдя! Умъ такой свѣтлый, и такое плѣнительное воображеніе...

ЯГО.

И все это только сильнѣе обвиняетъ ее.

ОТЕЛЛО.

О, тысячу, тысячу разъ!.. И сердце такое пѣжное, такое благородное!

ЯГО.

Да, такое благородное...

ОТЕЛЛО.

О, это справедливо; — и какое участіе, Яго! какое благодушіе, снисхожденіе...

ЯГО.

И если вы такъ снисходительны къ ея маленькимъ шалостямъ — дайте-же ей открытій листъ грѣшить бездано и безошливно... Ужь если эти вещи не цѣпляются васъ, такъ для нихъ широкая дорога, — они никого не задѣнутъ.

ОТЕЛЛО.

Я изорву ее въ мелкіе куски! — Измѣнитъ мнѣ!...

яго.

Какъ это низко, недостойно ея...

отелло.

И съ моимъ офицеромъ еще...

яго.

Это ужъ, просто, пзъ рукъ вошь!

отелло.

Достань мнѣ яду, Яго! — п эту-же ночь!.. Мнѣ не пужно п-какихъ объясненій. — Я все еще боюсь, что рѣшимость моя не устоитъ передъ этимъ дивомъ красоты. — Слышишь, Яго, эту-же ночь!

яго.

За чѣмъ тутъ ядъ, спнѣйоръ, — лучше задушите ее, п на той-же самой постели, которую она такъ опозорила.

отелло.

А, да!.. хорошо... хорошо! — Въ казни этой будетъ смыслъ п правда... прекрасно!

яго.

Что-же касается собственно до Кассіо, — это, спнѣйоръ, я уже принимаю лично на себя; — въ полночь вы услышите больше.

отелло.

Превосходно! — Что это за сигналы? (*Слышенъ звукъ трубы*).

яго.

Навѣрно, изъ Венецїи что-пбудь.

А вотъ п Лодовико; — вѣрно, онъ

Отъ Дожа, — посмотрите, съ нимъ идетъ

И Десдемона.

(*Входятъ Лодовико, Десдемона и свита*).

ЛОДОВИКО.

Здравствуйте, достойный
Мой генераль!

ОТЕЛЛО.

Ахъ, здравствуйте снъйоръ!

ЛОДОВИКО.

Дождъ и Сенатъ привѣтствуютъ Отелло! *(Подаетъ ему пакетъ)*.

ОТЕЛЛО.

Цѣлую эти знаки — власти ихъ
И добраго вшмапья. *(Открываетъ пакетъ и читаетъ)*.

ДЕСДЕМОПА.

Что-же ты
Привезъ намъ поваго, мой добрый братъ?

ЯГО.

Миѣ такъ пріятно видѣть васъ, снъйоръ, —
Да будетъ-же на радость вашъ пріѣздъ.

ЛОДОВИКО.

Благодарю. — Что, каково живетъ
Нашъ Кассіо?

ЯГО.

Живетъ снъйоръ!

ДЕСДЕМОПА.

Теперь

Онъ въ непріятныхъ отношеніяхъ
Съ моимъ Отелло, но надѣюсь я,
Что ты ихъ помиришь, мой милый братъ.

ОТЕЛЛО.

Надѣтесъ?

ДЕСДЕМОНА.

Синьйоръ?

ОТЕЛЛО (читаетъ).

«Обратите на это полное ваше вниманіе, какъ будто...»

ЛОДОВИКО.

Онъ никого не назвалъ... вѣрно, онъ
Письмо читалъ... Такъ, неприятности,
Ты говоришь, у нихъ...

ДЕСДЕМОНА.

Ужасныя!

И мнѣ, не знаю какъ, хотѣлось-бы,
Чтобы сошлись опять они; — я такъ
Люблю бѣдняжку Кассю...

ОТЕЛЛО.

Громъ и смерть!

ДЕСДЕМОНА.

Синьйоръ?

ОТЕЛЛО.

Не помѣшалась-ли ты!..

ДЕСДЕМОНА.

Вотъ онъ

Опять разгнѣваешь...

ЛОДОВИКО.

Можетъ-быть, письмо
Причиной гнѣва этого. — Его,
Какъ кажется, зовутъ назадъ въ Венецію,
А мѣсто это поручаютъ Кассю.

ДЕСДЕМОНА.

Серьезно? — ахъ, какъ рада я...

ОТЕЛЛО.

Серьёзно?..

ДЕСДЕМОНА.

Синьйоръ?..

ОТЕЛЛО.

Ахъ, какъ я радъ, что вы съ ума
Сошли.

ДЕСДЕМОНА.

Какъ вы сказали, милый мой
Отелло?

ОТЕЛЛО.

Дьяволъ!..

(Бьетъ ее).

ДЕСДЕМОНА.

Я не заслужила,
Отелло, этого...

ЛОДОВИКО.

Никто-бъ въ Венеціи
И не повѣрилъ этому, синьйоръ,
Хоть-бы поклялся я, что видѣлъ самъ...
О, это слишкомъ ужь!.. Скажите-жъ ей
Хоть ласковое слово; — посмотрите —
Бѣдвяжка плачетъ!

ОТЕЛЛО.

Дьяволъ! дьяволъ!..

Когда-бъ отъ женскихъ слезъ могла зачать
Земли утроба — каждая слеза
Твоя создала-бъ крокодила... 29). Прочь!
Прочь отъ меня!..

ДЕСДЕМОНА.

Я оскорбляю васъ
Присутствіемъ своимъ... я ухожу!

(Уходитъ).

ЛОДОВИКО.

Вотъ списхожденіе примѣрное,
Клянусь! — Да воротите-же ее,
Я умоляю васъ.

ОТЕЛЛО

Синьйора!

ДЕСДЕМОНА.

Мой

Синьйоръ?..

ОТЕЛЛО.

На что́-же вамъ она?

ЛОДОВИКО.

Кому?

Мнѣ генералъ?

ОТЕЛЛО.

Да вы-жъ сейчасъ сказали,
Чтобъ воротить ее... Она вернулась...
Она вертѣться можетъ, какъ угодно,
Уйти, придти; — она и плакать можетъ —
И плакать — да!.. она — покорная
Супруга — о, покорная — какъ вы
Сказали; чудо, не супруга! — Ну,
Да разливайся-же въ слезахъ, — а вы,
Синьйоръ, игру прилично созерцаете...
Не правда-ль, чудо сыграно! — А тутъ
Еще меня отсюда отзываютъ; —
Уйди-жъ отсюда, — я тобой сейчасъ
Займусь... Синьйоръ, я повинуюсь волѣ
Пославшихъ васъ, и возвращаюсь
Въ Венецію. — Да прочь-же ты отсюда!... (Десдемона уходитъ.)
На это мѣсто Кассіо поступитъ
И... Вечеромъ, синьйоръ, прошу ко мнѣ
Поужинать; вы кстати прибыли,
Синьйоръ, къ намъ въ Кипръ... Развратъ и подлость! (Уходитъ.)

ЛОДОВИКО.

Такъ это онъ, тотъ благородный Мавръ,
Котораго сенаторы одинъ
Передъ другимъ такъ громко величаютъ!...
Такъ вотъ она, та гордая душа,
Несокрушимая страстями! Вотъ
Она — та доблесть, равнодушная
Къ судьбѣ суровой..

яго.

Ахъ, снпъюръ, опъ такъ
Перемянлся...

ЛОДОВИКО.

Все-ли у него
Здорово тутъ? — ужъ не зашелъ-ли умъ
За разумъ?

яго.

Опъ и былъ и есть — то, что
Опъ былъ и есть, — хоть я, снпъюръ, не смѣю
Судить его, — по опъ не то далеко,
Чѣмъ могъ-бы быть, — конечно, если-бъ то
И могъ еще... все-жъ горячо молю
Я небеса — чтобъ былъ опъ тѣмъ...

ЛОДОВИКО.

Ну, какъ!

Жену свою ударить!...

яго.

Правда, это
Не такъ-то хорошо, но между-тѣмъ
Было-бы хорошо еще, когда-бъ
И хуже не было чего-нибудь...

ЛОДОВИКО.

Да развѣ это у него вчастую?...
Или взбѣшенный письмами сената
До этой степени забылся онъ?...

яго.

Увы!

Увы! — Безчестно было-бъ для меня
 Болтать о всемъ, что видѣлъ я, что знаю...
 Смотрите сами, — вы, изъ собственныхъ
 Его поступковъ, разгадаете
 Его и безъ рѣчей моихъ; глядите,
 Да замѣчайте только, какъ идутъ
 Дѣла...

Лодовико.

Мнѣ жаль, что я ошибся въ немъ!

СЦЕНА II.

Комната въ замкѣ.

Входятъ отелло и эмилія.

ОТЕЛЛО.

Такъ ты, Эмилья, ровно ничего
 Таки не видѣла?

ЭМИЛІЯ.

И никогда
 Не слышала, — и даже подозрѣній
 Здѣсь пикакихъ не можетъ быть, снннійоръ.

ОТЕЛЛО.

Такъ!... по — ты видѣла вѣдь вмѣстѣ ихъ —
 Ее и Кассіо?

ЭМИЛІЯ.

Но я клянусь,
 Не видѣла дурнаго ничего, —
 Хоть ни одно дыханіе изъ устъ
 Не ускользало отъ меня.

драма

ОТЕЛЛО.

Ну вотъ —

Ужъ никогда-таки они
И не шептались..

ЭМИЛИЯ.

Никогда, спийоръ.

ОТЕЛЛО.

И никогда тебя не высылали?

ЭМИЛИЯ.

Нѣтъ, никогда!

ОТЕЛЛО.

Ну, на-примѣръ, принесть
Перчатки, вѣрь, маску, что-нибудь
Такое...

ЭМИЛИЯ.

Никогда!

ОТЕЛЛО.

Да, чудно право!

ЭМИЛИЯ.

Я смѣло васъ, спийоръ, могу увѣрить
Въ чистѣйшей непорочности ея;
За это я своей душою вамъ
Ручаюсь... и если вы въ другомъ
Убѣждены, — о, изгоните прочь
Изъ вашей мысли убѣждение это,
Болѣзненно-гнетущее ее!...
И тотъ, кто кипнулъ вамъ его на сердце...
Пусть Богъ его проклятьемъ поразитъ
Какъ змѣя-искусителя!... Когда
Она не непорочна, не чиста,
Не добродѣтельна, — такъ на землѣ
Нѣтъ счастливыхъ мужей! .. Ее, мой Боже!

Ее, чистѣйшую изъ жепъ, волочатъ
Въ грязи печистой клеветы...

ОТЕЛЛО.

Поди,

Да попроси ее сюда. Ступай! *(Эмилія уходитъ.)*

Ты славно говоришь, — да кто-жъ тебѣ
Повѣритъ?... Какъ тебѣ не знать: что, гдѣ,
И какъ порасказать?... Вѣдь здѣсь твой хлѣбъ,
Вѣдь ты хитра, умна; ты создала
Уже и схоронила много тайнъ
Нечистыхъ; — ты такъ мастерски умѣешь
Пасть на колѣни кстати, и молить
Такою жаркою мольбой, — вѣдь мнѣ
И самому пришлось видѣть это.

(Входятъ Дездемона и Эмилія.)

ДЕСДЕМОНА.

Что вамъ угодно?

ОТЕЛЛО.

Подойди ко мнѣ,

Моя певинная голубка...

ДЕСДЕМОНА.

Чѣмъ

Могу, синьйоръ, я успокоить васъ...
Разсѣять?...

ОТЕЛЛО.

Дай налюбоваться мнѣ
Огнемъ очей твоихъ, — смотри-жъ въ лицо
Мнѣ прямо — долго... долго...

ДЕСДЕМОНА.

О, у васъ

Есть что-то страшное на мысли!...

ОТЕЛЛО *(Эмиліи.)*

Ну,

А ты, снѣйора, хлопочи свое:
Друзей сердечныхъ глазъ-па-глазъ, копечно, —
Дверь па-запоръ, — да не зѣвать — чуть кто
Покажется, — ты, будто невзначай,
И кашляни многозначительное: «гмъ!»
Ну, къ мѣсту, къ дѣлу... маршь на аванпосты!

(Эмилиа уходитъ.)

ДЕСДЕМОНА.

Молю, — у ногъ твоихъ молю, Отелло!...

(Становится на колѣни.)

Скажи мнѣ тайный смыслъ рѣчей твоихъ...
Я вижу только гнѣвъ въ словахъ, но словъ
Не понимаю я...

ОТЕЛЛО.

Но что-жь ты, Дездемона?...

ДЕСДЕМОНА.

Твоя жена, Отелло; вѣрная
И честная жена твоя...

ОТЕЛЛО.

Ну, такъ...

И честная жена твоя... Клянись,
Клянись еще, — пиши чертямъ завѣтъ
На душу; какъ-же имъ и взять тебя,
Когда ты, дивная, какъ небеса
Святая хороша?!... Губи-же душу...
Клянись еще, что непорочна ты!

ДЕСДЕМОНА.

О, Боже! будь свидѣтелемъ моимъ.

ОТЕЛЛО.

О, да, — свидѣтель Оцъ, что ты, какъ адъ,
Коварна...

ДЕСДЕМОНА.

Я, снѣйоръ? — Противъ кого

Коварна я?... И какъ коварна я?...

ОТЕЛЛО.

О Дездемопа!... прочь! прочь! прочь!...

(Плачетъ.)

ДЕСДЕМОПА.

Увы!

Печальный, скорбный день!... Вы плачете,
Синьйоръ... о милый мой супругъ! о чемъ
Ты плачешь?... Ахъ, не я-ли слезъ твоихъ
Причиною?... Но если ты вишишь
Въ томъ моего отца, что призываетъ
Тебя сепать назадъ — не проклинай
Меня!... Ужъ если больше нѣтъ для васъ
Его, синьйоръ, — такъ для меня, увы!
Онъ навсегда потерянь, бѣдный мой отецъ....

ОТЕЛЛО.

О, пусть-бы небо горемъ посѣтило
Меня тяжелымъ; пусть упали-бы
На эту безучастную главу —
Вся скорбь, презрѣнiе, уничиженiе;
Пусть пищета одѣла-бы меня
Нечистымъ рубищемъ; — пусть вѣчными
Цѣпями оковали-бы меня,
И лучшiя мои надежды... все,
Я все-бы перенесъ, — съумѣлъ-бы я
Еще найти въ сокрытыхъ тайникахъ
Души хоть каплю самоотверженiя!...
Но сдѣлать изъ меня предметъ презрѣнiя
И утвердить надъ нимъ обидный перстъ
Лукаваго, тяжолаго участя....
О!... о!...

Нѣтъ! я-бы перенесъ еще
И это... да! и это-бъ перенесъ!
Но видѣть грязное, вонючее
Болото тамъ, гдѣ думалъ я лелѣять
Всѣ упованья сердца своего, —
Гдѣ я хотѣлъ и могъ-бы жить еще —

Хотя-бъ изъ жизни мнѣ свилася цѣпь
 Однихъ страданій, — гдѣ и могъ я только
 Взять силъ для трудныхъ дней ... и видѣть тамъ
 Гнилую тину, — и глядѣть, какъ тамъ
 Копошатся клубы печетыхъ гадницъ...
 О, отврати-жь лицо свое, терпѣнье!
 Твой свѣтлый ликъ, о чистый херувимъ!
 Искривится какъ сатаны насмѣшка...

ДЕСДЕМОНА.

Я думаю, что благородный мой
 Супругъ считаетъ чистою меня...

ОТЕЛО.

Да, чистою — какъ лѣтнихъ мухъ, что сами
 Плодятся въ бойняхъ изъ гнилой крови.
 О ты, роскошно-сладостный цвѣтокъ —
 Чудесное твое благоуханье
 Такъ упоительно, что чувствую больно
 Пить ароматъ на вѣничкѣ твоемъ...
 О, благо было-бы, когда-бъ во вѣкъ
 Ты не родилася...

ДЕСДЕМОНА.

Увы! но что-жь
 Я сдѣлала преступнаго, снѣйоръ?

ОТЕЛО.

И эти чистые листы, и эта
 Святая книга — для того-ли Богъ
 Васъ создалъ, чтобы адъ здѣсь начерталъ
 Позорныя слова разврата?.. Что
 Ты сдѣлала? что сдѣлала?.. О ты,
 Безчестьемъ оглашенная!.. Да что-бъ
 Назвать ихъ только, гнусные
 Твои поступки — нужно выжечь мнѣ
 Весь стыдъ свой прежде... Что ты сдѣлала!?!..
 И небо хмурится, и чистая луна
 Стыдливое чело свое скрываетъ

А, вотъ

И ты, снѣйора, захватившая
Ключи — не отъ небесъ, какъ Римъ, — на что!..
Отъ ада выгодище!.. Ты! да, ты!
Еще разъ — ты!.. Ну, мы покончили..
На-жъ заработокъ твой!..

(Даетъ ей золото).

Теперь, конечно,
Ключъ можно повернуть — и никому,
Какъ водится, про это ни ползвуча...

(Уходитъ).

Эмиля.

Ахъ, что за мысли ходятъ въ головѣ
Его!.. (Десдемона) Что съ вами, о моя снѣйора?
Что съ вами, милая моя снѣйора?

ДЕСДЕМОНА.

Меня какъ-будто давитъ сонъ, Эмиля, —
Такой тяжелый сонъ...

Эмиля.

Да что-жъ такое
Съ нимъ сдѣлалось, моя снѣйора?

ДЕСДЕМОНА.

Съ кѣмъ?

Эмиля.

Да съ господиномъ.

ДЕСДЕМОНА.

Кто-жъ твой господинъ?

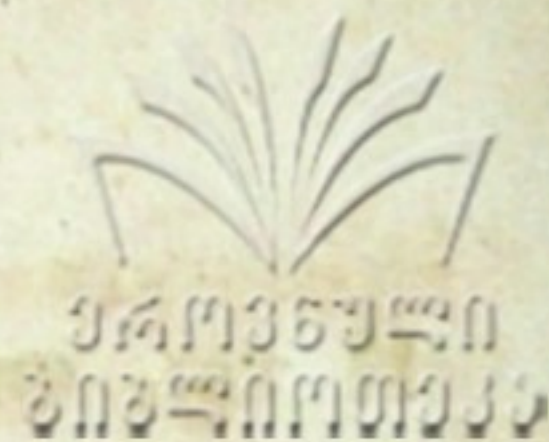
Эмиля.

Тотъ, кто и вашъ, моя снѣйора...

ДЕСДЕМОНА.

Нѣтъ, —

Да, нѣтъ его ужъ у меня, Эмиля...

Не спрашивай, не говори... къ чему?
 Я плакать не могу... но отвѣчать,
 Я не могу иначе, какъ слезами...
 Послушай — уберн на эту ночь
 Въпчальнымъ пологомъ постель мою...
 Не позабудь-же; — а теперь сюда
 Пусть придетъ мужъ твой Яго. —

Эмилия.

Ахъ! и вправду,
 Какъ все у насъ перемѣнилось странно! (Уходитъ).

Дездемона.

Охъ, я сама виною этой доли, —
 Да, видно, я сама; — но что-же я
 Такое сдѣлала, о Боже мой!
 Чтобы опъ могъ подозрѣвать меня
 Подобнымъ образомъ?... (Входятъ Эмилия и Яго).

Яго.

Что пужно вамъ,
 Сипъйора? — Чѣмъ вы такъ встревожены?

Дездемона.

Я не могу сказать — я не умѣю...
 Не правда-ль — тѣ, что занимаются
 Дѣтьми, — имъ замѣчаютъ кротко,
 Съ упрекомъ ласковымъ, — и опъ-бы могъ
 Такъ побранить меня, — вѣдь я сама,
 Чуть-только крикнуть на меня, — прямой
 Ребенокъ...

Яго.

Что-же здѣсь случилось?

Эмилия.

Ахъ, Яго! Мавръ такъ оскорбилъ ее!..
 Опъ такъ цепстово ее корилъ

Позорными и ѳдкими рѳчами, —
 Что съ неповинною ея душою
 Перенести все это выше силъ

ДЕСДЕМОНА

И заслужила-ль это имя я?..

ЯГО.

Какое имя, добрая сипьйора?

ДЕСДЕМОНА.

То, вотъ о чемъ Эмпля говорила,
 То, чѳмъ супругъ назвалъ меня...

ЭМПЛЯ.

Да, онъ

Назвалъ ее тѳмъ гнуснымъ словомъ,
 Котораго не говоритъ своей
 Погапой твари и бродяга пьяный...

ЯГО.

Да что-же за причина этому?

ДЕСДЕМОНА.

Не знаю, Яго... Знаю только я,
 Что я далеко не такая...

(Плачетъ).

ЯГО.

О!

Не плачьте-же, не плачьте! — Вотъ депѳкъ!..

ЭМПЛЯ.

И для того-ль, бѳдняжка, отказала
 Она блестящимъ женихамъ своимъ,
 И для того-ль покинула отца,
 Друзей и родню, — чтобъ здѳсь ее
 Развратницею звали?.. Какъ-же тутъ
 Не плакать, Яго?..

ДЕСДЕМОНА.

Ахъ, таковъ уже
 Печальный жребій мой...

ЯГО.

Пусть небеса
 Его за это покараютъ!.. Но
 Откуда-жь на него нашло безумье?..

ЭМИЛИЯ.

Хоть присягнуть готова я, что всю
 Вотъ-эту клевету наговорилъ
 Ему какой-нибудь отъявленный
 Мерзавецъ, — опытный и хитрый плутъ,
 Наушникъ, висельникъ, продажный лгунъ —
 Чтобъ только подслужиться чѣмъ-нибудь; —
 Хоть присягнуть готова!..

ЯГО.

Фи, жена!

Да этакихъ людей земля не носитъ...
 Да это невозможно, — полно, что ты!

ДЕСДЕМОНА.

А если это правда, Яго — если есть
 Такие люди — пусть ихъ Богъ проститъ!

ЭМИЛИЯ.

Нѣтъ, не прощенье извергу такому,
 А перекадина съ веревкой — пусть
 Грызутъ потомъ діаволы въ аду
 Мозгъ изъ костей его... За что ее
 Развратной назвалъ? Кто-же обольстилъ
 Ее? — гдѣ-жь мѣсто? время? гдѣ-же случай?
 Да гдѣ-жь хоть тѣнь сомнѣнья въ чистотѣ
 Ея?.. Да, обезумилъ, Мавръ, тебя
 Площадный враль онъ, клеветникъ презрѣнный,
 Бродяга, звѣрь безумный... Боже! Боже!
 За-чѣмъ ты не клеймишь пятномъ проклятья

Подобныхъ изверговъ?.. За-чѣмъ, за-чѣмъ
 Не дашь бича ты въ руку cadaго
 Прямаго челоуѣка, — пусть идетъ
 Отъ запада къ востоку оупъ, — идетъ
 Изъ края въ край, по міру — и бичуетъ
 Злодѣевъ головы, плеча и кости...

яго.

Не горячись, жена!

эмилія.

О стыдъ, позоръ
 На темное чело его! — Конечно,
 Подобный враль перевернулъ и твой
 Умишко, наболтавъ, что я
 Была въ какихъ-то гадкихъ связяхъ съ Мавромъ.

яго.

Да перестань ты, пустомеля!

десдемона.

О добрый Яго! какъ мнѣ возвратить
 Любовь и дружбу моего Отелло?..
 Иди, найди его, мой добрый другъ, —
 Клянусь тебѣ еще разъ вѣчными
 Небесъ огнями — не придумать мнѣ,
 Чѣмъ прогнѣвила я его.... Гляди — *(Становится на колѣна)*.
 Я на колѣпахъ: если я когда
 Нибудъ хотѣла измѣнить любви
 Его — поступкомъ, словомъ, помышленьемъ, —
 Или когда-нибудь прельщала мой взоръ, мой слухъ,
 Или другое чувство кто-нибудь,
 Кромѣ его, — и если не люблю
 Его я, не любила пламенно,
 Или любить не буду — о мой Боже!
 Осироти на вѣкъ мою ты душу,
 Отчаяньемъ надежду замѣпивъ....
 Ревнивая жестокость часто вдругъ
 На многое рѣшится: — что-жь? пускай!..
 Онъ можетъ вырвать это сердце, — но

Не вырветъ онъ любви изъ сердца моего....
 Я не могу сказать ... развратная!...
 Вотъ звуки!... О, лишь только ихъ нашла
 Въ своей груди... мнѣ стало тяжело,
 И странно такъ и больно... по поступокъ,
 За что клеймятъ насъ этимъ словомъ!.. Нѣтъ!
 О, ни за что!..

ЯГО.

Спнйора! успокойтесь,
 Я заклинаю васъ; — быть-можетъ, онъ
 Встревоженъ чѣмъ-нибудь, по службѣ только,
 И встрѣтивъ васъ случайно, онъ на васъ
 И выместилъ свою досаду....

ДЕСДЕМОНА.

Ахъ,
 Когда-бы такъ!..

ЯГО.

Да такъ, повѣрьте мнѣ....

(Слышенъ звукъ трубы).

Труба!... Зовутъ къ столу. — Великіе
 Послы Венеціи васъ ждутъ, спнйора; —
 Не плачьте-жъ больше, — все пойдетъ чудесно....

(Десдемона и Эмилиа уходятъ, входитъ Родриго).

Ну, что Родриго?

РОДРИГО.

Да то, Яго, что мнѣ не кажется, чтобъ ты поступалъ слишкомъ-честно со мною.

ЯГО.

Ну, покажи-же мнѣ, въ чемъ тутъ печисто.

РОДРИГО.

Да ужъ печисто, говорю тебѣ. — Каждый день ты непременно найдешь не то, такъ другое, чтобъ поводить только меня, Яго; и — какъ оказывается теперь это — ты скорѣе хлопчешь о томъ, чтобъ уничтожить всякую надежду на успѣхъ, нежели

о томъ, чтобъ дать мнѣ малѣйшую надежду. — Но, вѣдь, не вѣчно-же терпѣть мнѣ это, и — тѣмъ болѣе, что я не рѣшилъ еще хорошенько, какъ повести дѣло и за то, что до-сихъ-поръ перенесъ уже я, какъ чистый оселъ.

яго.

Хочешь-ли ты выслушать меня, Родриго?

РОДРИГО.

Худо, что я и то ужъ слишкомъ - долго все только слушалъ тебя, — вѣдь рѣчи твои въ чертовской разладицѣ съ твоими дѣлами.

яго.

Ты жестоко оскорбляешь меня, Родриго.

РОДРИГО.

Да что тутъ за оскорбленія, — я говорю только то, что было. Я истощилъ уже всѣ свои запасы, — и право, за тѣ камни и золото, что ты перебралъ у меня для Деседемоны, можно уломать и не такую недотрогу, — а ты, вѣдь, увѣрялъ, что все это у нея сѣю; — правда, ты увѣрялъ меня и въ томъ еще, что вотъ-вотъ скоро придетъ благодать ко мнѣ, — ну, да не все-жъ вѣдь и сбывается, Яго....

яго.

Прекрасно! продолжайте! дальше — дальше!

РОДРИГО.

«Прекрасно! продолжайте!» Да знаешь-ли ты, что уже не могу я продолжать этого? — Что до меня — я только знаю, что это вовсе не прекрасно; — я думаю, напротивъ, что тутъ таки довольно гадостей, и начинаю убѣждаться, что во всемъ этомъ дурачатъ одного меня.

яго.

И прекрасно!

РОДРИГО.

Да, говорю тебѣ, Яго, что это вовсе не прекрасно. Я объ

все это самой Дездемонѣ; — и если она возвратитъ мнѣ доброе — мнѣ останется только идти туда, откуда пришелъ я, да пожалѣть немпожко о своей неудачѣ, — а итъ — увѣрь себя, что намъ придется раздѣлаться съ тобой иначе.

яго.

Ну, и здѣсь ты выразишь все уже!...

РОДРИГО.

Да, все, — и ничего здѣсь итъ такого, что не было-бы сдѣлано такъ, какъ было сказано.

яго.

Вотъ это по нашему, Родриго; тутъ есть душа, есть сила. Съ этой-поры я перемѣняю свое мнѣніе о тебѣ. Дай руку! Ты имѣлъ совершенное основаніе думать обо мнѣ такимъ-образомъ, хоть я торжественно свидѣтельствую, что ни на одинъ мигъ не выпускалъ изъ виду выгоды твоихъ.

РОДРИГО.

Это еще не совсѣмъ-очевидно.

яго.

И я совершенно-согласенъ съ этимъ; подозрѣнія твои были не безъ основанія и не безъ смысла.... Но, Родриго, если въ тебѣ и въ правду есть то, что мнѣ хотѣлось-бы видѣть во всей силѣ именно теперь, — я говорю о твоей рѣшимости, храбрости, силѣ, если есть, такъ покажи это сегодня ночью; — если въ слѣдующую ночь не будешь ты въ объятіяхъ своей Дездемоны, тогда ты волею подкупить на меня кишжалы, согнать со свѣта, наконецъ убить меня.

РОДРИГО.

Ну въ чемъ-же дѣло? Есть-ли тутъ какой-нибудь смѣсль, какая-нибудь возможность?

яго.

Нужно сказать тебѣ, что изъ Венеціи пришелъ указъ смѣнить Отелло, и на него мѣсто поставитъ Кассіо.

РОДРИГО.

Возможно-ли это? что ты? Такъ это значить, что Отелло и Дездемона поѣдутъ назадъ въ Венецію, Яго....

яго.

Вотъ то-то, что не значить, Родриго... Опъ собирается подальше, въ самую Мавританію, и конечно, не покинетъ-же онъ намъ свою прекрасную Дездемону.... Да и ѣдетъ-то онъ скоро, развѣ что-нибудь особенное задержитъ его — а для этого особеннаго, самое лучшее средство — упрятать куда-нибудь подальше Кассіо.

РОДРИГО.

А какъ-бы это по твоему его упрятать?

яго.

Да ужъ конечно такъ, чтобъ не поступать ему больше на мѣсто Отелло, — просто, раскройть ему черепъ.

РОДРИГО.

И тебѣ, конечно, угодно предоставить эту честь мнѣ....

яго.

Тебѣ, тебѣ, Родриго, безъ сомнѣнія, — если только у тебя достанетъ духа на то, чтобъ соблюсти и свои пользы, и вмѣстѣ съ тѣмъ быть исполнителемъ правосудія. — Сегодня опъ ужинаетъ у одной пріятельницы, и я отправлюсь къ нему туда-же. — Онъ еще ничего не знаетъ о своемъ почетномъ назначеніи; — если только ты дождешься, пока онъ оттуда выдетъ, — а я такъ улажу дѣла, что это случится непременно между полуночью и часомъ, — то можешь распорядиться имъ, какъ тебѣ угодно. Я буду тутъ-же — неравно, знаешь, придется помочь тебѣ, — и опъ падетъ межъ нами. Пойдемъ! — не дѣлай этихъ гримасъ — чему тутъ удивляться! — Иди-жъ со мною. Я такъ очевидно докажу тебѣ необходимость его смерти, что ты самъ увидишь, какъ необходимо тебѣ принять въ этомъ дѣлѣ самое горячее участіе. — Идемъ. — Пора ужина приближается; почъ спускается быстро; — за дѣло, Родриго!

РОДРИГО.

УДК 82.09
 82.09.01.01.01.01

Но мнѣ-бы хотѣлось, Яго, доводовъ поубѣдительнѣе этихъ.

ЯГО.

О, за этимъ дѣло не станетъ....

(Уходитъ).

СЦЕНА III.

Другая комната въ замкѣ.

Входятъ ОТЕЛЛО, ЛОДОВИКО, ДЕСДЕМОНА, ЭМИЛИЯ И СВИТА.

ЛОДОВИКО.

Не беспокойтеся, прошу васъ, мой
 Спнѣйоръ.

ОТЕЛЛО.

О, это ничего; — да мнѣ
 И пужло-бы таки пройтись немного.

ЛОДОВИКО.

Прощайте! доброй ночи вамъ, спнѣйора!
 Благодарю за ласковый пріемъ.

ДЕСДЕМОНА.

О, мы, спнѣйоръ, всегда вамъ очень - рады.

ОТЕЛЛО.

Вы ужь уходите.... о Десдемона!

ДЕСДЕМОНА.

Спнѣйоръ.....

ОТЕЛЛО.

Ступай себѣ, да и ложись сейчасъ въ постель; я скоро буду; —
 Эмилию отпусти между-тѣмъ, — ну, не забудь, смотри-же!

ДЕСДЕМОНА.

Я повинуюсь вамъ синьйоръ.

(Отелло, Лодовико и свита уходятъ).

ЭМИЛИЯ.

Ну что, —

Вотъ видите-ль, теперь ужъ онъ не такъ
Сердито смотритъ.

ДЕСДЕМОНА.

Охъ, еще не знаю....

Онъ только и сказалъ, что скоро будетъ,
Да чтобы я ложилась въ постель, —
Ахъ, да — еще тебѣ онъ приказалъ
Меня одну оставить.

ЭМИЛИЯ.

Васъ одну,

Оставить?

ДЕСДЕМОНА.

Да, онъ именно сказалъ.

Подай-же мнѣ скорѣй ночное платье,
Да и прощай Эмилия.—Теперь
Ничѣмъ недожно раздражать его.

ЭМИЛИЯ.

О, я-бъ хотѣла, чтобы никогда
Вамъ не встрѣчаться лучше....

ДЕСДЕМОНА.

Нѣтъ, Эмилия,

Я такъ люблю его!.. Повѣришь-ли,
Мнѣ мило, — отколи, мой другъ, вотъ здѣсь
Булавку, — да, мнѣ мило, говорю,
И вспыльчивость его, и этотъ гнѣвъ, —
А съ этимъ грознымъ выраженьемъ
Очей — онъ такъ очарователенъ..

Эмиля.

Какъ приказали вы, я убрала
Постелю брачнымъ пологомъ, синьйора...

ДЕСДЕМОНА.

Ну хорошо.... О, бѣдный мой отецъ!...
Какъ странно создано у женщинъ сердце...
Послушай, добрая Эмиля, если-бъ
Пришлось мнѣ прежде умереть — пошей
Изъ свадебнаго полога мнѣ саванъ.

Эмиля.

За-чѣмъ, синьйора, къ почти все такое
Вамъ говорить!

ДЕСДЕМОНА.

У матери моей

Жила одна бѣдняжка сиротка,
Ее Барбарой звали; — и она
Такъ горячо, несчастная, любила,
А онъ ее покпнулъ.... Все тоскуя,
Она всегда поеть бывало пѣсню
Объ «Ивѣ» ³¹⁾ — пѣснь старинная, но въ пей
Такъ вѣрно выражалась грустная
Ея судьбина! — Передъ самой смертью
Она еще пропѣла пѣсню эту....
И вотъ весь вечеръ не идетъ она
Изъ мысли у меня, Эмиля, — все
Мнѣ хочется, склонивши голову
На грудь, запѣть — какъ пѣла бѣдная
Барбара... Ты, Эмиля, забыла?

Эмиля.

Ночное платье приготовить вамъ?

ДЕСДЕМОНА.

Нѣтъ, отколоть булавки... Какъ хорошъ, —
Неправда-ли, нашъ Лодовико...

ЭМИЛИЯ.

Да,

Спыйора, замѣчательно-хорошъ!

ДЕСДЕМОНА.

И говоритъ такъ мило....

ЭМИЛИЯ.

Я знавала въ Венеціи одну спыйору, которая рѣшилась-бы босыми ножками сходить въ Палестину, — чтобъ только послѣ хоть разикъ, поцѣловать его. —

ДЕСДЕМОНА (поетъ).

1.

Склонивши головку, и сердце славивши рукой,
Сидѣла, бѣдняжка, вздыхая подъ пвой густой.

Зеленая пва! зеленая пва!

И грустно ей вторилъ гремячою струйкой ручей,
И камни смягчались слезами голубки моей.

Ахъ, поспѣши Эмиля!

Зеленая пва! зеленая пва!

Скорѣе-же — вѣдь онъ сейчасъ придетъ.

Изъ пвы совью я послѣдній свой бѣдный вѣнокъ....

2.

За-чѣмъ-же, о люди, укоръ вашъ, за-чѣмъ вашъ упрекъ
Любезному другу — вѣдь я не кормила его...

Нѣтъ, здѣсь не такъ! — Послушай! кажется
Какъ-будто кто стучится....

ЭМИЛИЯ.

Это вѣтеръ.

ДЕСДЕМОНА.

Ахъ, нѣжно такъ друга я звала — и что-жь онъ сказалъ?..

Зеленая пва! зеленая пва!

Ну, если и вправду, такъ часто ужъ я пзмѣнялъ —
За-чѣмъ-же дѣвица, ты любишь меня одного?...

Иди-жъ себѣ, Эмиля, добрый сонъ!
Такъ странно, что-то у меня въ очахъ
Горитъ... не слезы-ль это предвѣщаетъ?

ЭМИЛЯ.

Вотъ ужъ и слезы!... — Это ничего
Не предвѣщаетъ.

ДЕСДЕМОНА.

Я такъ слышала,
Мой другъ.. Охъ, люди! люди.... Ну, скажи,
Эмиля, ты таки повѣришь имъ,
Чтобъ женщина могла упасть такъ низко.

ЭМИЛЯ.

Да.... я-бъ повѣрила, моя синьйора...

ДЕСДЕМОНА.

Ну, если-бы, положимъ, цѣлый мѣръ
Тебѣ давали, ты-бы согласилась?

ЭМИЛЯ.

А вы-бъ не захотѣли... цѣлый мѣръ!

ДЕСДЕМОНА.

О вѣтъ, клянусь небесными огнями!

ЭМИЛЯ.

А я не поклянусь огнемъ, моя
Синьйора, — потому-что я-бъ на то
Рѣшилася въ потемкахъ... не-ипаче!

ДЕСДЕМОНА.

Такъ ты-бъ за эту цѣпу согласилась?

ЭМИЛЯ.

Ахъ, да цѣпа-жъ, синьйора, велика!

И вѣдь за что? за маленькую шалость....

ДЕСДЕМОНА.

Ну, право, я не вѣрю.

ЭМИЛИЯ.

Ахъ, да повѣрьте, право!... Цѣлый міръ! Вѣдь тутъ за одинъ разъ я-бы откупилась уже на всегда отъ искушенія. — Конечно, какія-нибудь мапильи, браслеты, шляпки, блонды... за все эти пустяки я-бы не рѣшилась; но цѣлый міръ!.. Вѣдь я-бы только немощко измѣнила мужу, — за то маленькіе рога его накрыла-бы послѣ такою большою короною.... Вѣдь за это пришлось-бы по молиться только лишній разъ въ чистилищѣ...

ДЕСДЕМОНА.

Ну, прокляни-жь меня, если-бъ я согласилась даже и за цѣлый міръ...

ЭМИЛИЯ.

Да и то сказать еще: вѣдь преступленіе — вещь часто условная; міръ только согласился такъ понимать его; — путе, а когда, за грѣшокъ свой, я-бы стала владычицею міра, разумѣется, я бы владѣла уже и мнѣніемъ его, — и сейчасъ-же-бы положила правиломъ, чтобъ вездѣ считали это добродѣтелью.

ДЕСДЕМОНА.

А я все-таки не хочу вѣрить, чтобъ существовали подобныя жещины.

ЭМИЛИЯ.

Охъ, есть, снѣйора, — много есть, да столько —
 Что ихъ не помѣстишь и въ этотъ міръ,
 Который вамъ угодно предлагать
 За эту малость ... только дѣло въ томъ,
 Что жень толкаютъ въ пропасть сами-же
 Мужья. — И ежели они свой долгъ
 Супружній могутъ часто забывать, —
 И наше-жь доброе другимъ кидаютъ, —
 И отнимаютъ къ ревности слѣпой

ЭЛБЛІОНІОН
ЭЛБЛІОНІОН

Всѣ лучшія права у насъ, — и быють
 Желу свою, какъ быють свою собаку, —
 И нашу собственность, для прихотей
 Своихъ, безумно расточаютъ — развѣ
 Все это можно вынести спокойно?
 И хотъ терпѣть умѣемъ, правда, мы,
 Да развѣ мстить уже мы не умѣемъ?
 Имъ нужно знать и помнить, что у насъ
 Есть также мысль и чувство человѣка;
 Что, какъ они, и мы имѣемъ очи,
 И здравый смыслъ, и знаемъ различить
 Добро и зло... За-чѣмъ мѣняютъ насъ
 Они? — Изъ жажды наслажденій? — Да!
 Что эту жажду, вѣчно-новую,
 У нихъ волнуетъ? — Страсти? — Да! опять
 Что развиваетъ эти страсти? — Слабость,
 Несовершенство человѣческой
 Природы?.. И еще разъ — да!.. А мы,
 Не тѣ же люди?.. Такъ, за чѣмъ у насъ
 Они не допускаютъ этой жажды,
 И слабостей, и человѣческихъ
 Страстей?.. Такъ пусть-же, сильные, они
 Намъ и закономъ будутъ!.. Пусть
 Добро и истину творятъ — тогда и намъ
 Ужъ нѣгдѣ будетъ лжи и злу учиться...

ДЕСДЕМОНА.

Ну, доброй ночи! доброй ночи!.. Нѣтъ,
 Эмилія, я думаю не такъ.... скорѣй
 Молиться буду, чтобъ святое небо
 Наставило меня не злу изъ зла
 Учиться, — а, взирая на него,
 Еще сильнѣй и чище полюбить добро.

==

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

=

СЦЕНА I.

Улица.

ВХОДЯТЪ РОДРИГО И ЯГО.

ЯГО.

Ну, спрячься-жь за угломъ вотъ здѣсь, и жди —
Онъ скоро будетъ. — Лучше, обнажи
Свой мечъ заблаговременно, и въ грудь,
Безъ церемоніи — оно вѣрнѣе!
А главное — будь совершенно-твердъ
И хладнокровенъ... Ну, чего тебѣ
Боятся? — вѣдь и я-же буду тутъ.
И то еще подумай, что теперь
Отъ мастерства удара твоего
Зависитъ наше все: такъ ты еще
Сообрази и взвѣсь свою рѣшимость...
Да ужъ потомъ и съ Богомъ, милый мой!

РОДРИГО.

Ну, ладно, ладно, — только не ходи
И ты, смотри, далеко; — можетъ быть,
Ударъ мой будетъ не совсѣмъ-то ловокъ.

яго.

Нѣтъ, нѣтъ!.. Я буду здѣсь-же, — не робѣй!
Родриго!.. Ну, пора — долой свой мечъ!

(Отходитъ нѣсколько въ-сторону).

РОДРИГО.

Признаться-то меня неслышкомъ тянетъ
Къ убійству этому, — но онъ представилъ
Такіе доводы!.. Да впрочемъ, вѣдь
Одинъ!.. однимъ на свѣтѣ меньше... вздоръ!
Ну, выльзай-же мечъ... Судьба
Такая видно ужъ ему...

(Уходитъ на свое мѣсто).

яго.

Я наконецъ дощупался таки
До сердца у него,
Мальчишки вздорнаго — и вотъ онъ вспыхнулъ!
Теперь пусть онъ заколетъ Кассіо,
Иль Кассіо его, въ потемкахъ
Обои переколются — все-жъ я
Останусь въ чистыхъ барышахъ; — а то
Пришлось-бы плохо... Вѣдь останься живъ
Родриго — онъ какъ-разъ потребуетъ
Назадъ и золото свое и камни,
Что перебралъ для Дездемоны я, —
А такъ не должно — да, не должно быть!
Съ другой-же стороны и Кассіо,
Оставшися живымъ, своей
Безукоризненной, прямой жизнью
День-за-день ярче будетъ отгнать
Мой нѣсколько свободный образъ мыслей...
Одно... Другое то, что Мавръ, того
И жди, раскроетъ передъ нимъ мои
Навѣты, — ну, а тутъ ужъ вовсе плохо...
Нѣтъ... гибель и тебѣ!.. Но чу! идутъ...
А, это онъ!

(Входитъ Кассіо).

РОДРИГО. -

Я узнаю его

Походку. Это онъ... *(Бросается на Кассіо и наноситъ ему ударъ).*
Злодѣй, умри!

КАССІО.

Да, такой ударъ, пріятель, хоть
Кого-бъ на мѣстѣ положишь, — по меня
Вотъ видишь-ли, желѣзная сорочка...
А ну, попробуемъ твоей. *(Обнажаетъ мечъ и ранитъ Родриго).*

РОДРИГО.

О, я

Убитъ!

*(Падаетъ. Яго подбѣгаетъ сзади, ранитъ Кассіо подъ
колено и исчезаетъ).*

КАССІО.

Я изувѣченъ! Помогите!
Разбой! убійство! *(Падаетъ).*

ОТЕЛЛО *(въ отдаленіи).*

Это голосъ Кассіо!
Ну, Яго честно держитъ слово...

РОДРИГО.

О

Безумецъ я!

ОТЕЛЛО.

А!.. это искренно,
По-крайней-мѣрѣ...

КАССІО.

Помогите, Боже!
Огня! хирурга!

ОТЕЛЛО.

Онъ!.. да, это онъ...
О, честный Яго мой, ты правосудецъ,
Съ такимъ участіемъ пылкимъ поспѣшнѣвъ

На зовъ кровавой оскорбленной дружбы!
 Ты освѣтилъ и мнѣ сознанье долга...
 Да, нѣжный другъ твой палъ на прахъ уже,
 Развратница!.. не встанетъ онъ!.. И вотъ
 Идетъ уже незримо и твоя
 Судьба!.. И я, — презрѣнная, — иду
 И я... Твой взглядъ, улыбка, вся твоя
 Краса ушла изъ сердца моего
 Безслѣдно, — и теперь пусть кровь твоя
 Нечистая бѣжитъ по твоему
 Развратомъ опозоренному ложу...

(Уходитъ. — Вдали показываются Лодовико и Граціано).

КАССИО.

О Боже мой!.. ни стражи, ни прохожихъ...
 Разбой! разбой!

ГРАЦИОНО.

Тутъ вѣрно что-нибудь
 Недоброе случилось; это — вопль
 Какого-то отчаянья.

КАССИО.

О Боже!
 О, помогите!

ЛОДОВИКО.

Слышишь?

РОДРИГО.

О, злодѣй
 Презрѣнный ты!

ЛОДОВИКО.

Да ихъ тутъ не одинъ...
 Ночь такъ мрачна... Быть-можетъ, этотъ вопль
 Насъ только манитъ на кинжалъ бандита.
 Мнѣ кажется, что бросится туда
 Безъ стражи не совсѣмъ благоразумно...

РОДРИГО.

И ни души!.. И суждено мнѣ здѣсь
Залиться кровью. *(Входитъ Яго съ факеломъ).*

ЛОДОВИКО.

Слышалъ?

ГРАЦИАНО.

Вотъ идетъ

Полуодѣтый кто-то, съ факеломъ,
Вооруженный.

ЯГО.

Кто здѣсь?.. Кто кричалъ
О помощи?

ЛОДОВИКО.

Не знаемъ.

ЯГО.

Развѣ вы
Не слышали здѣсь криковъ?

КАССИО.

О, сюда!

Сюда! во имя Бога, помогите!

ЯГО.

Что тутъ случилось?

ГРАЦИАНО.

Да это онъ,
Какъ кажется, — знаменопосецъ Мавра.

ЛОДОВИКО.

Онъ, въ-самомъ-дѣлѣ; — храбрый человекъ!

ЯГО.

Да кто-жъ здѣсь это такъ печально стонетъ?

Ахъ, Яго! — я погибъ, зарѣзанъ низко...
 О помогите мнѣ...

яго.

Ахъ, это лейтенантъ!
 Да гдѣ-жъ убійцы ваши?

кассио.

Вотъ одинъ
 Лежитъ здѣсь недалеко; — кажется,
 Что онъ бѣжать уже не можетъ...

яго.

Ахъ,
 Злодѣй презрѣнный! Кто тамъ? Господа
 Да помогите-жъ, помогите! —

родриго.

О,
 Спасите! Кто-нибудь сюда!

кассио.

Вотъ онъ!

яго.

А, подлый низкій рабъ!..

(Колетъ Родриго).

родриго.

Проклятый Яго!
 Безчеловѣчная собака ты...
 О! О!

яго.

А, рѣзать по почамъ людей!
 Гдѣ-жъ вы, злодѣи, жадные чужой
 Крови? И какъ парочно цыкого, —
 Какъ-будто городъ вымеръ весь! — Разбой!
 Разбой!

(Къ Лодовико и Граціано.)

Да кто-же вы? Друзья или
Враги?

ЛОДОВИКО.

Какъ будемъ поступать мы, такъ
И заключай о насъ...

ЯГО.

Да это вы,
Синьйоръ Лодовико!...

ЛОДОВИКО.

Опъ самый, Яго!

ЯГО.

Ахъ! извините-же меня! — Здѣсь Кассіо
Лежить, измѣнически раненъ.

ГРАЦИАНО.

Кассьо?

ЯГО.

Ну, какъ вы, лейтенантъ, находите
Себя?

КАССИО.

Охъ, кажется, нога моя
Разбита на-двое!...

ЯГО.

Богъ милостивъ!...

Ну, поддержите-ка, синьйоры, факель, —

А я, межъ-тѣмъ, перевяжу ему
Колѣно хоть кускомъ своей сорочки. (Входитъ Бьянка.)

БЬЯНКА.

Что здѣсь такое? кто кричалъ?

ЯГО.

Кто здѣсь

Кричалъ?

Бьянка.

О милый Кассіо! о другъ
Моего сердца! Кассьо! Кассьо! Кассьо!

яго.

Туда-же и она!... Вы никого,
Спийоръ, не можете подозрѣвать
Въ злодѣйствѣ этомъ.

кассіо.

Ровно никого.

граціано.

Ахъ, какъ мнѣ непріятно встрѣтитъ васъ
Подобнымъ образомъ — я васъ вездѣ
Искалъ.

яго.

Да нѣтъ-ли здѣсь чего-нибудь
У васъ, чтобы еще перевязать ему
Колѣно? *(Перевязываетъ)* Ну, вотъ такъ! хорошо...
Теперь когда-бъ послышки — чтобы его
Перенести тихоцько.

Бьянка.

Бѣдный другъ!
Безъ чувствъ! о Кассіо! о Кассьо! Кассьо!

яго.

Да не участница-ль, спийоры, и она
Въ убійствѣ этомъ? — Что-то я ее
Подозрѣваю крѣпко... Ну, скрѣпитесь,
Мой добрый Кассіо, — пойдѣмъ... а вы
Ужъ потрудитесь освѣтить дорогу. *(Подходя къ Родриго.)*
А что, пріятель, не бывали мы
Съ тобой знакомы?... Боже мой!... Родриго!

Мой другъ! мой бѣдный, добрый мой землякъ!
О, пѣтъ!... Да! это ты, Родриго! Боже!...

ГРАЦИАНО.

Какой Родриго? изъ Венеции?

яго.

Да, снпыйоръ...

Его вы знали?...

ГРАЦИАНО.

Какъ не знать! и очепь...

яго.

Снпыйоръ Грациапо! Ахъ, простите мнѣ! —
Кровавый случай этотъ... я не могъ
Узнать васъ... говорилъ такъ неприлично...

ГРАЦИАНО.

Ну, ну, — я радъ, напротивъ, что тебя
Увидѣлъ....

яго.

Каково вамъ, Кассьо? — Эй!
Носилки! дайте-жъ кто-нибудь носилки!

ГРАЦИАНО.

Родриго!

(Приносятъ носилки.)

яго.

Опъ! да, это опъ! Ахъ, вотъ
Носилки... хорошо. — Ну, кто-нибудь
Возьмите, люди добрые, его
Да отнесите потихоньку.... Я,
Межъ-тѣмъ, схожу къ хирургу генерала.
А ты, голубушка, не хлопочи,
Не убивайся по-напрасну!... (Кассіо) Тотъ,
Кто здѣсь лежитъ убитый, Кассіо,

(Бьянкль.)

Этот текст является частью библиографической информации или штампа, расположенной в правом верхнем углу страницы.

Былъ искренній мой другъ, — скажите, что
У васъ за ссора?

КАССИО.

Боже! никакой
У насъ съ нимъ ссоры не было; его
Не знаю даже я.

ЯГО (Бьянко).

А, ты блѣднѣешь!

(Носильщикамъ.)

Но нечего стоять — ему не хорошо
Здѣсь... ночью сыро такъ...

(Кассіо и Родриго уносятъ.)

А вы, сеньоры,

Останьтесь на минутку... Что, моя
Красавица, — вы поблѣднѣли, кажется?...

Замѣтьте странность выраженья

Очей ея; о, если ужъ теперь

Шальной ты смотришь, — скоро отъ тебя

Узнаемъ больше мы; взгляните-ка

Въ лицо ей хорошенько... что?

Вотъ видите-ль, сеньоры!... да, оно

Ужъ такъ устроено, что хоть языкъ

Отрѣжь, такъ совѣсть все-таки свое

Заговоритъ у насъ...

(Входитъ Эмилія.)

ЭМИЛИЯ.

Что здѣсь за шумъ?

Что, Яго, здѣсь случилось?

ЯГО.

Да вотъ,

На Кассіо напали въ темнотѣ

Родриго, да еще какіе-то

Пріятели его; — и бѣдный Кассіо

Почти при смерти, а Родриго мертвъ.

ЭМИЛИЯ.

Ахъ, добрый лейтенантъ нашъ! добрый Кассіо!..

ЯГО.

Вотъ то-то-бы не шляться по ночамъ

Чортъ знаетъ, гдѣ!.. Послушай-ка, жена,
 Какъ-бы узнала ты, гдѣ ужиналъ
 Сегодня бѣдный Кассіо... (Бьянка). А что,
 Васъ это, кажется, тревожитъ?

Бьянка.

Онъ ужиналъ со мною, но меня
 Ни мало не тревожитъ это...

яго.

А!

Съ тобой!... Призналася!... Ступай-же съ нами —
 Повелѣваю именемъ закопа!

Эмилія.

О пусть-же на тебя падетъ позоръ,
 Презрѣнная!

Бьянка.

Я не презрѣнная!
 Ты не кори меня.... мы, можетъ-быть,
 Еще и почетнѣй кого-нибудь....

Эмилія.

Ну, а кого-бы это, на-примѣръ?
 Пошла, безстыдница!

яго.

Угодно-ли
 Взглянуть теперь на Кассіо, синьоры?
 Его на-вѣрно ужъ перевязали. (Бьянка).

Пойдемъ, синьора, — запоешь ты мнѣ
 Другую пѣсенку; а ты, жена,
 Проворнѣй сбѣгай въ крѣпость, расскажи
 Отелло тамъ и Дездемонѣ все,
 Что здѣсь случилось... Не угодно-ли
 Идти и вамъ, синьоры?...

(Въ-сторону).

Эта ночь

Или создастъ меня, или уничтожитъ.

СЦЕНА II.

Спальня.

ДЕСДЕМОНА спитъ на постели; горитъ лампа.

Входитъ ОТЕЛЛО.

ОТЕЛЛО.

.... 32) И вотъ причипа, о душа моя!
 И вотъ она причипа!... Я не смѣю,
 О звѣзды чистыя! назвать ее
 Предъ вашими очами... Вотъ причипа!...
 Но все-же я ни капли не пролью
 Крови твоей, и тѣла пѣжнаго
 Тебѣ не разорву я, Десдемона....
 Бѣла, какъ снѣгъ, чиста, какъ мраморъ падъ могилой!..
 (Снимаетъ съ себя мечъ).

А умереть должна!... должна!.. Живой
 Останешься — еще кого-нибудь
 Обманешь...

Потушу лампаду эту,
 Потомъ твою лампаду потушу....
 И я зажгу тебя, пашъ свѣтлый сторожъ,
 Опять зажгу, когда мнѣ станетъ жаль
 Тебя; — но, если потушу я твой
 Огонь, — ты, дивная, вѣнчающая
 Такою гордой, чистой красотою, —
 Ты, торжество земнаго бытія,
 Гдѣ-жъ тотъ огонь и гдѣ тотъ Прометей,
 Чтобъ вновь могли зажечь его въ груди
 Твоей?... Когда сорву я розу — я
 Не дамъ ей жизни новой, — и она
 Завянетъ, бѣдная.. Ахъ, напои-жъ
 Меня еще твоимъ дыхапьемъ, роза —
 Пока на стеблѣ ты, о мой цвѣтокъ!
 О, дивное очарованье красоты!
 Передъ тобой и правда самага

(Цѣлуетъ ее).

Закопа переломить мечь!... Еще....

(Цѣлуеѣ еѣ нѣсколькѣ разѣ).

Еще одинѣ.... Будь ты и мертвая
Такою-жѣ, какѣ теперѣ — и я убью
Тебя — и мертвую я полюблю
Опять тебя!... Еще одинѣ.... послѣднѣй!
Когда-жѣ ты былѣ такѣ упонтеденѣ,
Ты, роковой!... Ахѣ, нужно вырваться
Тебѣ, рыдаше изѣ души моей...,
Ты, горькое рыдаше!... Да, мой гнѣвѣ,
Какѣ гнѣвѣ небесѣ караетѣ тѣ, чтѣ любитѣ....
А.... просыпаетѣся....

ДЕСДЕМОНА.

Кто здѣсь? Отелло?..

ОТЕЛЛО.

Я, Десдемона... я!

ДЕСДЕМОНА.

Вы ляжете,
Спнѣйорѣ, въ постель?

ОТЕЛЛО.

Молпласѣ-ли ты Богу
Сегодня, Десдемона?

ДЕСДЕМОНА.

Да, спнѣйорѣ, —
Молплася.

ОТЕЛЛО.

Припомни; — можетѣ-быть,
Еще есть грѣхѣ на сердцѣ у тебя,
И Небу ты не исповѣдала
Его; — такѣ, помолнѣсь о немѣ теперѣ,
Еще разѣ помолнѣся, Десдемона...

ДЕСДЕМОНА.

Спнѣйорѣ, чтѣ вы сказали?....

ОТЕЛЛО.

Я сказалъ :

Молись!... не долго только ты молись..
Я тутъ-же похожу. Я не хочу
Убить безъ покаянья грѣшную
Тебя.... О Боже, сохрани! — души
Твоей я не хочу убить.

ДЕСДЕМОНА.

Убить,

Сказали вы? убить?..

ОТЕЛЛО.

Да, я сказалъ.

ДЕСДЕМОНА.

О Господи, помилуй мя!

ОТЕЛЛО.

Аминь!

Отъ всей души моей аминь!

ДЕСДЕМОНА.

О пѣть!

Ты слово мира, слово благодати
Изрекъ.... ты не убьешь меня!

ОТЕЛЛО.

Гмъ!

ДЕСДЕМОНА.

А между-тѣмъ, дрожу я.... я тебя
Боюсь, Отелло! — ты неумолимъ,
Ты страшень, ежели въ очахъ твоихъ
Сверкаетъ это пламя роковое!...
И я не вѣдаю, чего боюсь....
Душа моя чиста... но страшно мнѣ,
Такъ страшно...

ОТЕЛЛО.

Думай о грѣхахъ своихъ!

ДЕСДЕМОНА.

О, всѣ грѣхи мои изъ пламенной
Любви къ тебѣ, Отелло!...

ОТЕЛЛО.

За любовь

Я, Десдемона, и убью тебя!

ДЕСДЕМОНА.

О нѣтъ, Отелло, здѣсь не будетъ правды....

Любовь не убиваетъ за любовь!

Отелло! губы у тебя въ крови —

За-чѣмъ ты ихъ кусаешь?... Ты дрожишь

Томимъ какой-то душою кровавой!...

О, это знаменья ужасныя!

Но, я падѣюсь, я молюся.... Боже! —

Да идетъ чаша эта мимо насъ....

ОТЕЛЛО.

Молчи! молчи! ..

ДЕСДЕМОНА.

Молчу, снѣйоръ... Что-жъ вы

Мнѣ скажете?

ОТЕЛЛО.

Любимый мой платокъ,

Мой первый даръ тебѣ, ты отдала

Вѣдь Кассіо?

ДЕСДЕМОНА.

О, нѣтъ! клянусь

Моей душою, жизнью... Призови

Его, спроси, изобличи меня.

ОТЕЛЛО.

О, не клянись, не проклинай

Души своей, о милая душа

Моя!... Вѣдь это смертная твоя

Постель... вѣдь ты умрешь...

ДЕСДЕМОНА.

Да, я

Умру... но не теперь-же я умру,
Отелло!...

ОТЕЛЛО.

Нѣтъ, теперь-же Дездемона!...

Очисти-жь покаяньемъ грѣхъ души
Своей... Теперь меня не разувѣришь,
Хоть клятвою одѣнешь каждый звукъ
Рѣчей твоихъ .. теперь ты не задавишь
Тѣхъ убѣжденій на сердце моемъ,
Что сердце давятъ мнѣ такой тоскою...
Да, ты умрешь!

ДЕСДЕМОНА.

О, Господи помилуй
Несчастную меня!

ОТЕЛЛО.

Амми!

ДЕСДЕМОНА.

И вы,

Слѣпыйоръ, помилуйте меня... Я васъ
Ничѣмъ и никогда не оскорбила;
Я Кассію любила той любовью,
Которой заповѣдь Христосъ намъ далъ —
Я такъ любила цѣлый міръ... по чтобъ
Дарить!... о, нѣтъ, ничѣмъ и никогда
Его я не дарила.

ОТЕЛЛО.

Но клянусь —

Я видѣлъ свой платокъ въ рукахъ его.
Клятвопреступница! за-чѣмъ-же ты
Мнѣ это сердце превращаешь въ камень!
Я въ жертву принести хотѣлъ тебя,
Во искупленіе грѣховъ твоихъ, — а ты

Меня заставишь совершить убійство...
Платокъ я видѣлъ самъ.

ДЕСДЕМОНА.

Быть-можетъ, опъ
Нашелъ, — но я ему не отдавала.
Пошли за нимъ, пусть самъ опъ уличитъ
Меня.

ОТЕЛЛО.

Да опъ уже признался.

ДЕСДЕМОНА.

Въ чемъ,

Синьйоръ?

ОТЕЛЛО.

Что обладалъ тобою...

ДЕСДЕМОНА.

Опъ?

Кáкъ! вы сказали...

ОТЕЛЛО.

Да!

ДЕСДЕМОНА.

О, этого

Не скажетъ опъ, синьйоръ...

ОТЕЛЛО.

Теперь не скажетъ...

Но только потому, что ничего
Ужъ болѣе не скажетъ опъ... Уста
Его на-вѣки запечаталъ Яго.

ДЕСДЕМОНА.

О, вы сбылись, предчувствія мои...
Опъ мертвъ, сказали вы!

ОТЕЛЛО.

Да если-бъ опъ
Имѣлъ хоть столько жизней, сколько было
Волосъ на головѣ его — такъ всѣ
Они не напоили-бы моеи
Кровавой жажды мести.

ДЕСДЕМОПА.

Горе мнѣ!
Его сгубила клевета — и я теперь
Погибла...

ОТЕЛЛО.

Десдемопа! и въ лицо
Ты мнѣ кидаешь вопль презрѣнный свой!...

ДЕСДЕМОПА.

О, изгони-же, лучше изгони
Меня, — по, мой супругъ! не убивай
Меня, Отелло!

ОТЕЛЛО.

На колѣни,
Развратная!

ДЕСДЕМОПА.

Убей-же по-утру...
Оставь мнѣ эту ночь, хоть эту ночь
Одну...

ОТЕЛЛО.

На что́ она тебѣ? — вѣдь пѣтъ
Раскаянья...

ДЕСДЕМОПА.

Хоть полчаса!...

ОТЕЛЛО.

Свершилось!

Мгновенья сочтены...

ДЕСДЕМОНА.

Молитву мнѣ...

Одну молитву только...

ОТЕЛЛО.

Поздно! поздно!... (Душитъ ее.)

ЭМИЛИЯ (за дверью).

Спыйоръ! сыйоръ! что тамъ! Сыйоръ!
Сыйоръ!

ОТЕЛЛО.

Чей это голосъ? — что за шумъ?
Жива? — Еще жива?... Хоть я жестокъ,
Но не палачъ я... Не хочу я длить
Твоей истомы смертной... нѣтъ! о нѣтъ! 33)
(Душитъ опять ее.)

ЭМИЛИЯ (за дверью).

Сыйоръ! сыйоръ!

ОТЕЛЛО.

Кто тамъ?

ЭМИЛИЯ.

О мой сыйоръ,

Одно-бы только слово вамъ сказать!

ОТЕЛЛО.

А, да! — Эмилия! — Сейчасъ! — Она
Мертва уже... а ты, конечно, скажешь,
Что мертвъ и Кассіо... Я думаю...
Не даромъ шумъ былъ. — Что, уже подвижна?
Спокойна... какъ могила! — Отворить-ли
Ей? Да хорошо-ли будетъ это?
Мнѣ все-еще сдается, что она
Какъ-будто шевелится... Нѣтъ!... Что жъ лучше?

Вѣдь чуть взойдетъ она — навѣрно ужъ
Заговоритъ съ женой. — Моя жена!
Жена моя!... Какая-же жена?...
Гдѣ-жъ у меня жена?... Невыносимо!...
О горестный и трудный часъ!... Теперь,
Мнѣ кажется, потухнетъ солнце и
Луна потухнетъ... и земля, дрожа,
Разступится...

Эмиля (за дверью).

О, умоляю васъ,
Синьйоръ!... Мнѣ нужно съ вами говорить...

Отелло.

Я и забылъ!... войди, войди, Эмиля, —
Постой, — сейчасъ — задерну завѣсъ, —
Гдѣ ты? Чего ты хочешь отъ меня?

(Отворяетъ дверь. Эмиля входитъ.)

Эмиля.

О, мой синьйоръ! тамъ въ городѣ сейчасъ
Совершенно ужасное убійство...

Отелло.

Теперь? сейчасъ?

Эмиля.

Вотъ только-что, синьйоръ.

Отелло.

Вліяніе луны!... Она, должно
Быть, слишкомъ-низко ужъ спустилася
Къ землѣ — и вотъ тревогой темною
Смущаетъ бѣдный помысль человека...

Эмиля.

Нашъ Кассіо сейчасъ, синьйоръ, убилъ
Родриго, юнаго Венеціянца.

Убить Родриго!... Ну, и Кассио
Убить?

ЭМИЛИЯ.

Нѣтъ, Кассио не убить, снѣйоръ.

ОТЕЛЛО.

Такъ Кассио не убить?... Что-жъ, вѣрно, опъ
Ошибся?... Да?... О сладость мщенія!
Опять расходился на сердце ты
Такою горечью...

ДЕСДЕМОПА.

Убитая
Несправедливо... о, несправедливо...

ЭМИЛИЯ.

О Боже мой! что значать эти стоны?

ОТЕЛЛО.

Что значать?... эти стоны?

ЭМИЛИЯ.

Боже мой!

Да это голосъ госпожи моей!...
На помощь! помогите!... помогите!
О говорите-же еще, снѣйора!
О Десдемопа! о моя снѣйора!
Да говори-же... говори!...

ДЕСДЕМОПА.

О, я

Невинно умираю...

ЭМИЛИЯ.

Кто-же твой
Убийца, мпая моя снѣйора?

ДЕСДЕМОНА.

Никто... сама... прощай Эмилія!
 Скажи супругу милому, что я
 Невинна... о прощай!..

(Умираетъ).

ОТЕЛЛО.

Но кто и какъ-же могъ убить ее?

ЭМИЛИЯ.

Увы! кто знаетъ...

ОТЕЛЛО.

Ты вѣдь слышала —
 Она сама сказала, что не я.

ЭМИЛИЯ.

Сказала... да!.. и я должна ей вѣрить...

ОТЕЛЛО.

Не вѣрь! — Она, обманщица, солгала ..
 И на дорогѣ въ адъ еще-таки
 Солгала!.. Я убилъ ее!

ЭМИЛИЯ.

О, такъ
 Она свѣтлѣе ангеловъ, а ты —
 Ужасный демонъ!

ОТЕЛЛО.

Ангеловъ свѣтлѣй!..
 Она, такъ низко павшая!.. Она,
 Развратная!...

ЭМИЛИЯ.

Ты демонъ — какъ тебѣ
 Не клеветать ее!

ОТЕЛЛО.

Она была

Измѣчлива, коварна, какъ волна. .

ЭМИЛІЯ.

А ты, какъ пламя бѣшенъ, называя
Развратною ее. . О, ангельски
Чиста она была..

ОТЕЛЛО.

Она была
Въ преступныхъ связяхъ съ Кассіо... Спроси
У мужа!

О, я заслужилъ-бы все
Проклятье ада, если-бы убилъ
Ее безъ очевидныхъ доказательствъ...
Твой мужъ все это зналъ.

ЭМИЛІЯ.

Мой мужъ?

ОТЕЛЛО.

Твой мужъ.

ЭМИЛІЯ.

Что преступила долгъ она супруги?

ОТЕЛЛО.

Да, съ Кассіо! — О, если-бы она
Вѣрна была — пусть Богъ-бы создалъ мнѣ
Другой подобный міръ изъ цѣлаго
И чистаго брильянта — я-бъ ее
Не отдалъ и за этотъ міръ!

ЭМИЛІЯ.

Мой мужъ?..

ОТЕЛЛО.

Да, онъ сказалъ объ этомъ первый мнѣ.
Онъ честецъ — и ему такъ тяжело

Глядѣть на этотъ гнойъ нечистыхъ язвъ
Людскихъ...

Эмилия.

Мой мужъ!..

Отелло.

За чѣмъ пужлы они,
Всѣ эти восклицанія твои?...
Я разъ сказалъ — твой мужъ!

Эмилия.

О Дездемона!

Коварство посмѣялось надъ твоей
Любовью чистою... Такъ это мужъ
Сказалъ вамъ, что она невѣрна.

Отелло.

Да!

Твой мужъ!.. вѣдь я сказалъ. — Ты, женщина,
Не понимаешь?.. Ну, мой другъ, твой мужъ,
Прямой и честный Яго.

Эмилия.

Если онъ

Сказалъ — такъ пусть погибшая душа
Его въ томьенн медленномъ сгнѣетъ,
Истомится въ небытіе... Солгалъ
Онъ передъ совѣстью своею! Она,
Напротивъ, слишкомъ дорожила ужъ
Своею безчастной, педостойной долей!..

Отелло.

А!..

Эмилия.

Иди теперь, иди все вдалъ своею
Дорогой... твой поступокъ столько-же
Достоинъ неба, какъ и ты ее
Достоинъ былъ.

ОТЕЛЛО.

Молчи! о замолчи!..

ЭМИЛИЯ.

Нѣтъ силы у тебя на столько зла,
Чтобъ я не вынесла теперь его
Спокойно... О безумецъ ты, безумецъ!
Какъ грязь безсмысленный!.. ты совершилъ!..

(Отелло угрожаетъ ей).

Я не боюсь угрозъ твоихъ, твой мечъ
Не страшень мнѣ... И всемъ я расскажу,
Хоть-бы мнѣ двадцать жизней потерять!..
На помощь! помогите! помогите!

Здѣсь Мавръ жену зарѣзалъ!.. О убійство!
Убійство!

(Входятъ Монтано, Граціано и Яго).

МОНТАНО.

Что у васъ случилось тутъ,
Мой генераль?

ЭМИЛИЯ.

А, вотъ и ты здѣсь, Яго!

Ну, видно хороши твои дѣла,
Когда убійство вотъ хотятъ взвалить
Тебѣ на шею.

ГРАЦИАНО.

Въ чемъ-же дѣло?

ЭМИЛИЯ.

Ну,

Изобличилъ жъ злодѣя этого,
Когда ты человекъ! — Онъ говоритъ,
Что ты его увѣрилъ — будто-бы
Жена ему невѣрна; но, я знаю —
Ты этого не скажешь... ты не можешь
Сказать подобнаго... О, говори-жъ,
Душа моя полна ..

яго.

Я говорилъ
Ему, что думалъ самъ, — и говорилъ
Лишь то, что онъ и самъ считалъ
Весьма возможнымъ и вѣроподобнымъ...

эмilia.

Ты, стало-быть, не отпираешься?..
Ты, значитъ, говорилъ, что невѣрна
Она?..

яго.

Ну, говорилъ.

эмilia.

Ты ложь сказалъ
Ужасную, — проклятую ты ложь
Сказалъ!.. Кляпуть моей душою — ложь!
Такую отвратительную ложь!..
И съ Кассіо! — Вѣдь ты сказалъ, что съ Кассьо...

яго.

Да, съ Кассіо, — жена; — а впрочемъ-бы
Поудержать тебѣ свою трещотку...

эмilia.

О пѣтъ! мнѣ нужно говорить теперь...
Вѣдь здѣсь, на этомъ ложѣ — мертвая
Лежитъ она... голубка милая!..

всѣ.

О, да спасетъ насъ небо!..

эмilia.

Не твой-ль
Навѣты создали убійство это?..

отелло.

Къ чему, спийоры, ужасъ, пзумленье!..

Что-жь, это правда...

ГРАЦИОНО.

Страшная-жь ты правда!

МОНТАНО.

Чудовищный поступокъ!

ЭМИЛИЯ.

О злодѣйство!

Обманъ! коварство!.. Я припоминаю...
Я думаю... подозрѣваю... да!
О низкое злодѣйство!.. Думаю,
Что такъ... О, я съ отчаянья убью
Себя... Коварство, гнусное коварство!

ЯГО.

Не одурѣла-ль ты!.. Сайдъ-же мнѣ
Домой... ты слышишь!

ЭМИЛИЯ.

Добрые снѣйоры
Позвольте говорить мнѣ, — я теперь
Повиноваться не могу ему. — Да, Яго,
Быть можетъ, не пойду ужъ никогда
Домой я больше...

ОТЕЛЛО (*склоняясь надъ тѣломъ Дездемоны*).

О! о! о!

ЭМИЛИЯ.

Да, Мавръ!
Склонись на этотъ трупъ — тоскуй, рыдай...
Ты задушилъ чистѣйшую изъ жепъ,
Какую только видѣлъ миръ...

ОТЕЛЛО (*поднимаясь*).

О пѣтъ!

Она преступница была... (*Къ Граціано*) Я васъ

И не узналъ, мой дядюшка! — Вотъ здѣсь —
 Старикъ, лежитъ племянница твоя...
 И эти руки задушили жизнь
 У ней... Я знаю — что поступокъ мой
 Покажется ужаснымъ вамъ, ужаснымъ...

ГРАЦИАНО.

О бѣдное дитя мое!... Я радъ,
 Что твой отецъ лежитъ уже въ могилѣ....
 Судьба твоя его убила! — Все,
 Тоскуя тайно по тебѣ, старикъ
 И умеръ.... да, во благо умеръ онъ!
 А если-бъ былъ онъ живъ.... и здѣсь тебя
 Увидѣлъ?... О, тогда — отчаянье
 Его-бы обезумило; — тогда-бъ
 Отрекся онъ отъ помощи небесной....
 Тогда бы душу погубилъ свою,
 Несчастнѣйшій онъ....

ОТЕЛЛО.

Да, горькой жалостью
 Проникнется здѣсь сердце человека....
 Но Яго зналъ, что тысячу ужъ разъ
 Она преступно принимала Кассіо....
 Быть-можетъ, даже здѣсь.... Самъ Кассіо
 Признался въ этомъ, — и, въ залогъ любви,
 Она ему дала подарокъ первый
 Моей любви, — въ его рукахъ я самъ
 Его однажды видѣлъ; — это былъ
 Платокъ, старинный даръ отца моей
 Матери покойной.

ЭМИЛИЯ.

О Небеса!

О силы Неба!

ЯГО.

Ты опять!... Молчи!

ЭМИЛИЯ.

И, это будетъ ясно! — это все

Откростя.... И мнѣ молчать, синьйоръ!
 О нѣтъ!... Я буду смѣло говорить —
 Какъ вѣтеръ ходитъ смѣло!... Пусть гремятъ
 Противъ меня и небеса, и люди,
 Пусть воютъ силы ада — и тогда —
 Я буду говорить.

яго.

Ну, будь умпа...
 Иди, жена, домой!

эмилія.

Нѣтъ не идти
 Домой мнѣ, Яго...
(Яго хочетъ броситься на нее съ мечомъ).

граціано.

Фи! на женщину
 Напасть съ мечемъ!

эмилія.

Безумный Мавръ! платокъ
 Твой я нашла случайно, — слышишь? — я!..
 Его и отдала я мужу своему.
 Охъ, я тогда не знала, для чего,
 Съ такой настойчивостью странной опъ
 Просилъ меня достать бездѣлку эту...

яго.

А, тварь поганая!

эмилія.

Она его
 Дарила Кассіо!.... Нѣтъ, — я нашла
 Платокъ и мужу своему вручила....
 Я — бѣдная — не знала, что....

яго.

Ты лжешь,

Несчастная!

Эмилия.

Клянуся Небомъ — нѣтъ!

Нѣтъ, я не лгу, снѣйоры. — (*Къ Отелло*). Да и какъ
 Безумцу кровожадному, какъ ты,
 Было ипаче кончить съ доброю,
 Такою доброю женой!..

(*Яго ранетъ Эмилию и убѣгаетъ*).

ОТЕЛЛО.

Громовъ

И кампей!... Чтѣ-жѣ, вы только по небу
 Гремите, — божьи кары!... О злодѣй
 Проклятый!

ГРАЦИАНО.

Бѣдная — опа

Упала, — вѣрно, оцѣ убилъ ее.

ЭМИЛИЯ.

Убилъ! убилъ!.. О, положите-же
 Меня туда, подлѣ нея...

ГРАЦИАНО.

И вотъ

Оцѣ убѣжалъ, — а бѣдная жена
 Его убита.

МОИТАНО.

Замѣчательный

Мерзавецъ! — Подержите этотъ мечъ,
 Отпятый мной у Мавра, — да глядите
 Не выпускать его за дверь, — скорѣй
 Убейте — если стацетъ рваться оцѣ.
 А я пуцусь за этимъ сатаною, —
 Оцѣ стѣнтъ этого, проклятый рабъ.

(*Моитано и Грациано уходятъ*).

ОТЕЛЛО.

Меня покинула моя отвага....

И мечъ мой дѣти отняли.... За-чѣмъ
 Миѣ знаки чести, если чести нѣтъ? —
 Пусть все идетъ....

Эмилия.

И вотъ

Она, твоя пророческая пѣснь,
 О милая синьора!... Слушай-же....
 Ты можешь-ли еще меня услышать?...
 Какъ лебедь, грустно я прощуся съ жизнью
 Унылой пѣснью: «Ива! ива! ива!»
 О Мавръ! она была чиста... она
 Тебя любила, такъ любила, Мавръ! ...
 Пусть вѣрно будетъ такъ души моей
 Спасенье, какъ слова мои.... И мысль
 Последнюю свою отдавъ тебѣ,
 Я умираю... умираю....

(Умираетъ).

ОТЕЛЛО.

Здѣсь

Есть у меня другой, испанскій мечъ,
 Холодною волною закаленный. — 34)
 О, здѣсь, со мною ты! — Мнѣ пужно выйдти...
 Пустьте, дядюшка!

ГРАЦИАНО (извнѣ).

Не покушайся!

Иначе, дорого заплатишь ты. — Съ тобой
 Вѣдь нѣтъ оружья; — посиди-же тамъ,
 Хоть и не хочется.

ОТЕЛЛО.

Да хоть смотри

Ты на меня... хоть говори со мной, —
 Не то, и безоружный, бѣшено
 Я кинусь на тебя.

(Грациано входитъ.)

ГРАЦИАНО.

Ну, что тебѣ?

ОТЕЛЛО.

Гляди — вѣдь это мечъ! — и мечъ,
 Какого никогда еще рука
 Солдата не сжимала... Вижу васъ,
 Былые дни, какъ съ этой слабою
 Рукою, и съ тобой, мой добрый мечъ,
 Раздольно шелъ я черезъ всѣ преграды —
 Сильнѣе въ двадцать разъ, старикъ, твоихъ
 Преградъ... Но для чего тщеславіе
 Пустое! Кто посмѣетъ стать противъ
 Опредѣленья роковыхъ судебъ?...
 Теперь не такъ... не то уже... Не бойся,
 Хоть и со мною мечъ: я совершилъ
 Мой трудный путь, — пришелъ уже къ своей
 Последней цѣли, — скоро уберу
 Последний парусъ свой... А ты еще
 Меня боишься! О! твой страхъ напрасенъ!...
 Не предъ мечомъ, передъ тростинкой — самъ
 Отелло побѣжитъ теперь — но Боже!
 Куда-жъ ты побѣжишь теперь, Отелло?...
 Какъ странно смотришь ты, дитя мое...
 Какія горькія судьбы тебѣ
 На долю выпали!... Блѣдна... блѣдна,
 Какъ полотно твоей сорочки!
 И если мы придемъ съ тобою къ Богу,
 И также ты посмотришь на меня....
 О, взоръ твой кипеть душу бѣдную
 Мою съ небесъ — и на лету ее
 Ухватятъ демоны... Холодная,
 Дитя мое! — Тиха, какъ чистота
 Твоя! невозмутима... безъ борьбы...
 Безъ роковыхъ тревогъ... о рабъ проклятый!
 Теперь святая ты!... Гоните-же
 Бичомъ отсюда, демоны, меня!
 Отдайте бурямъ! сѣрою сожгите!
 Топите въ пропастьяхъ текучаго
 Огня!.. О Дездемона! Дездемона!
 Мертва! мертва!... о! о! о!

*(Входятъ Лодовико, Монтано; Кассіо приносятъ на
 носилкахъ; пойманный Яго среди стражи.)*

драма

ЛОДОВИКО.

Гдѣ этотъ мститель бѣшеный? — Гдѣ онъ
Несчастный?

ОТЕЛЛО.

Тотъ, кто былъ Отелло? — Здѣсь...

ЛОДОВИКО.

А эта гадина? — ведите-ка
Его.

ОТЕЛЛО.

Я все смотрю ему на погн... 35)
Что-жъ — это басня?... Но коли ты чортъ —
Такъ какъ-же мнѣ убить тебя, печистый! *(Ранитъ его.)*

ЛОДОВИКО.

Возьмите мечъ у Мавра.

яго.

Э, сипъюръ,
Онъ только кровь пустилъ, а не убилъ
Меня.

ОТЕЛЛО.

И не жалю я объ этомъ;
Напротивъ, я желалъ-бы долгихъ дней
Тебѣ... да, понимаю я теперь
Блаженство смерти!

ЛОДОВИКО.

О несчастный Мавръ!
Давно-ль такъ благодушный — и теперь
Такъ слѣпо павшій въ сѣть проклятаго
Раба... что мнѣ сказать тебѣ?

ОТЕЛЛО.

Скажи,

Скажи, Лодовико, хоть что-нибудь...
 Зови меня убійцей, — не зови
 Меня безчестнымъ только; — ничего
 Вѣдь не творилъ по несправности я,
 И все изъ чести, и для чести.

ЛОДОВИКО.

Онъ,
 Бездѣльникъ этотъ, кое-въ-чемъ уже
 Признался намъ: вы согласились
 Было съ нимъ вмѣстѣ Кассіо убить?

ОТЕЛЛО.

Да.

КАССИО.

Милый генералъ, я некогда,
 Ничѣмъ не подалъ повода къ тому.

ОТЕЛЛО.

Теперь я вѣрю, Кассіо — прости
 Меня! — Спросите-жь у него, за что
 Онъ, этотъ демошъ въ образѣ людскомъ,
 За что онъ такъ коварно осѣтилъ
 И душу мнѣ и тѣло?...

ЯГО.

Лишнія

Заботы! — То, что знаете уже —
 И знайте... Болѣе ни слова я
 Не говорю.

ЛОДОВИКО.

А помолитесь, Яго!...

ГРАЦИАНО:

А вотъ, разщепимъ зубы пыткой
 Тебѣ.

драма

ОТЕЛЛО.

О, ты заговоришь тогда...

ЛОДОВИКО.

Я расскажу вамъ кое-что, сирѣйоръ,
Изъ дѣла этого, чего, конечно, вы
Не знаете еще. — Вотъ два письма:
Мы ихъ нашли въ карманѣ у Родриго, —
Въ одномъ такъ прямо сказано, что онъ,
Родриго, принимаетъ на себя
Убийство Кассіо.

ОТЕЛЛО.

Злодѣй!

КАССИО.

Враги

Христовы! дикари!

ЛОДОВИКО.

А вотъ другое:

Здѣсь упрекаетъ Яго въ чемъ-то онъ, —
Какъ кажется, онъ думалъ отослать
Его, — но вѣрно этотъ висѣльщикъ
Проклятый въ душу влѣзъ опять къ нему
И уничтожилъ всякое сомнѣнье.

ОТЕЛЛО.

О чадо зла и гибели! Но какъ, —
Скажи мнѣ, Кассіо — зашелъ къ тебѣ
Платокъ жены моей?

КАССИО.

Я у себя
Нашелъ его, --- и Яго намъ сейчасъ
Признался, что платокъ подкинутъ имъ,
Чтобъ дѣло къ цѣли повести вѣрнѣе.

ОТЕЛЛО.

Безумецъ! о безумецъ я! безумецъ!

КАССИО.

А дальше, въ этомъ-же второмъ письмѣ,
Родриго упрекаетъ Яго въ томъ,
Что онъ его заставилъ оскорбить
Меня въ ту роковую почъ — и вотъ
По-этому уже оправданъ я;
Родриго наконецъ пришелъ въ себя,
И самъ онъ прямо говоритъ теперь
Что Яго и на грѣхъ его навелъ,
Что Яго-же и приколовъ его
Сегодня.

ЛОДОВИКО.

Вы должны покинуть островъ,
И ѣхать съ нами. Ваша власть снимается,
И это мѣсто Кассіо теперь займетъ.
А что до этого раба — удѣлъ
Его: все то, что только можетъ быть
Томительно-кроваваго подъ пыткой.
Вамъ я не смѣю воли дать, Отелло,
Пока не донесемъ Сенату мы
Объ этомъ дѣлѣ... Отвести его!

ОТЕЛЛО.

Постойте! — Слово, два — не больше...
Я кой-что сдѣлалъ для Республики
Таки, — вещь всѣмъ извѣстная; — по, что
Объ этомъ говорить! — Теперь прошу
Я васъ, — вѣдь вамъ-же говорить о мнѣ
Придется, — расскажите дѣло такъ,
Какъ было дѣло;—слова за меня
Не нужно лишняго, — противъ меня....
За что-жь противъ меня?... Скажите имъ,
Что не умѣлъ благоразумно я
Любить, — за то любилъ я горячо... Что ревновать
Я не умѣлъ, — по разъ, коснувшись

До этой чаши, выпилъ всю ее;
 Что я закинулъ счастье свое,
 Какъ древле Жидъ, проклятою рукой,
 Закинулъ навсегда свой дивный перлъ, — 36)
 Перлъ драгоценнѣй племенн его...
 Что изъ очей моихъ, незнавшихъ слезъ,
 Лилося столько горькихъ, трудныхъ слезъ —
 Какъ льется мурры въ аравійскомъ лѣсѣ...
 Такъ все скажите, — да прибавьте ужъ,
 Что разъ въ Алеппо чалмошосецъ Турокъ
 Венеціанца одного при мѣ
 Ударилъ и Республику брашилъ, —
 А я схватилъ собаку-обрѣзапца
 За горло, и произилъ его, вотъ такъ!

(Закалывается).

ЛОДОВИКО.

Кровавый день!

ГРАЦИАНО.

Къ-чему-жъ ты это все
 И говорилъ....

ОТЕЛЮ (падая на трупъ Десдемоны).

Готовый задушить
 Тебя — еще я цѣловалъ тебя
 Такъ горячо; — и умирая самъ,
 Съ твоимъ я поцѣлуемъ умираю....

(Умираетъ).

КАССИО.

Я-бъ этого боялся, если-бъ зналъ,
 Что онъ имѣлъ оружіе, — онъ былъ
 Великій сердцемъ...

ЛОДОВИКО.

Ты спартапская
 Собака! 37). Ты ужаснѣй скорби, — язвы,
 Ужаснѣй бездны адской, темною
 Враждой своей!... Взгляни на кровавые

Останки жертъ своихъ... вотъ подвигъ твой!
 Онъ отравляетъ взоръ.... закройте ихъ!
 Вы, Граціано, какъ прямой наслѣдникъ,
 Примите во владѣніе и домъ
 И все имѣнье Мавра. —

(Къ Кассіо).

Вы сирѣчьоръ
 Намѣстникъ, сами выберите казнь
 Злодѣю этому, — опредѣлите время,
 Назначьте мѣсто, пытку... не щадить
 Его!... Я ѣду съ грустною душой
 Объ этомъ горестномъ событіи
 Сенату довести.

Съ англійскаго В. Лазаревскій.

==

ПРИМѢЧАНІЯ.

Сюжетъ этой драмы заимствованъ Шекспиромъ, по мнѣнію Попе, изъ Чинтіевыхъ повелѣнь. — Полагаютъ, что она писана въ 1611 году. — Мустафа, полководецъ Солима, осадилъ Кипръ въ маѣ 1571, и взялъ его въ слѣдующемъ году. Флотъ его шелъ сначала прямо на Кипръ, но, неожиданно перемѣнивъ путь свой на Родосъ, соединился тамъ съ другимъ отдѣленіемъ своимъ, и тогда уже обратился къ осадѣ Кипра. «Гордое и свободное прямодушіе Отелло, — говоритъ Джонсонъ, — благороднаго, открытаго и легковѣрнаго, безграбичнаго въ довѣренности, пылкаго въ страсти, непоколебимаго въ рѣшимости, неукротимаго въ мщеніи; — милое простодушіе Дездемоны, такъ глубоко вѣрующей въ добродѣтель, такъ глубоко сознательной въ чистотѣ своей, — ея открытая настойчивость въ преслѣдованіи своего плана, ея неумѣнье понять то, что и се могутъ подозрѣвать; — холодная злоба Яго, скрытаго до малѣйшаго проявленія истиннаго чувства, ловкаго и хитраго въ своихъ планахъ, и въ тоже время такъ заботливаго о всемъ, что касается его выгоды или мщенія — все это новыя доказательства того, какъ глубоко постигъ Шекспиръ природу человѣка, чего мы напрасно будемъ искать у другихъ новѣйшихъ писате-

лей; — даже остальные, низшіе характеры были-бы замѣчательны во всякой другой пьесѣ, не только по истинѣ, но и по силѣ своей».

1. Въ подлинникѣ: Even now, wery now, and old black ram
Is tuppung your white ewe.
2. — — You'll have your daughter covered with a Barbary horse.
3. Словомъ nephews здѣсь намѣкается вообще на грандовъ Венеціи.
4. Въ подлинн.: You'll have coursers for cousins, and gennets *) for germans.
5. — — Your daughter and the Moor are now making the beast with two
backs.
6. Полагаютъ, что это названіе гостиницы въ Венеціи.
7. Здѣсь Яго говоритъ о Брабанціо.
8. Титло венеціанскихъ сенаторовъ.
9. Шекспиръ, безъ сомнѣнія, заимствовалъ это изъ рассказовъ Мандевила
(Описаніе Гвиней, 1596) и сэръ Вальтера Ралейфа (Raleigh).-
10. Въ подлинн. Fuinea-hen, слово, означавшее тогда публичную женщину.
11. To change the cod's head for the salmon's tail. *Пословица.*
12. Эти пѣсни находятся въ «Percy's Relics of Ancient Poetry».
13. Во многихъ графствахъ сѣверной Англій музыканты, приходя съ по-
здравиеніемъ по утрамъ, обыкновенно, послѣ одной или двухъ про-
игранныхъ ими пьесъ, кричатъ: «Да здравствуетъ такой-то или та-
кая-то». — Кажется, обычай этотъ былъ и въ Стратфордѣ на Аво-
нѣ. — При этомъ употребляли гобои, — и объ этихъ-то духовыхъ
инструментахъ говорится здѣсь.
14. Венерическая болѣзнь, по Джонсону, впервые появилась въ Не-
аполѣ.
15. Въ подлинникѣ *Clown*. Oh, thereby hangs a taile.
I mus. Wheresy hangs a tale, sir?
Clown. Merry, sir, by many a wind instrument, that I know.
Здѣсь каламбуръ въ словахъ taile и tale.
16. Въ подлинникѣ: Excellent wretch (enfant, garçon).
17. Мандрагора (mandragora, mandrake) одно изъ самыхъ усыпительныхъ
растеній.
18. Въ подлинникѣ J had been happy, if the general camp
Pioneers and all...
Пионеры были вообще самые безправственные солдаты.
19. Въ подлинникѣ: The spirit-sligging drum, the ear-pircing sife Во времена
Шекспира флейты были въ употребленіи у Англичанъ на войнѣ.
20. Въ подлинн. There are a kind of men soloose of soul.

*) Порода лошадей въ Испаніи.

21. — — — — Then laid his leg
Over my thigh, and sigh'd, and kiss'd.
22. Здѣсь отвѣты шута запутаны двойственнымъ значеніемъ глагола *to lie*: 1) обитать, жить гдѣ-нибудь, лежать; 2) лгать.
23. Португальская монета, цѣною около рубля серебромъ. Названіе свое получила она, — по Джонсону, — отъ изображеннаго на ней креста.
24. Іаковъ I, король англійскій, учредилъ новое достоинство баронета, которое покупалось за деньги. — Шекспиръ хочетъ сказать здѣсь, что баронеты эти имѣли руки, т. е. деньги для покупки, — а не сердце, не доблесть.
25. Бальзамическая жидкость, добытая изъ мумій, встарину считалась самымъ дѣйствительнымъ средствомъ противъ эпилепсін.
26. Извѣстно повѣрье, что воронъ, садясь на кровль дома, предвѣщаетъ кому-нибудь изъ жильцовъ его смерть. — Объясняютъ это тѣмъ, что тонкое чутье его за-долго до кончины чуетъ уже трупный запахъ.
27. Въ подлинникѣ *Iago*: With her, on her; what you will.
От. Lie with her! on her! — We say, lie on her, when they belie her: Lie with her!
28. Въ подлинникѣ: To confess and be hanged for his labour. — *Послов.*
29. Сближеніе слезъ женщины съ слезами крокодила, который, по мнѣнію древнихъ, печальными стenanіями привлекалъ жертву и душилъ потомъ ее.
30. Если сохранить сосудъ сей... и *пр.* Изъ Посл. къ Солунянамъ I, гл. IV, ст. 4. — Malone.
31. Въ Англии ива посвящена любви.
32. Здѣсь Отелло, входя, какъ-бы договариваетъ тайную думу свою въ этомъ прекрасномъ монологѣ.
33. Одинъ изъ комментаторовъ говоритъ, что въ старинныхъ копіяхъ, послѣ этихъ словъ было еще слѣдующее восклицаніе убійцы: «Боже! Боже! Боже!» — но что въ-послѣдствіи вѣрно было исключить его, такъ-какъ сближеніе подобнаго восклицанія съ самымъ поступкомъ профанировало святую чистоту Божества; — по торжественныя слова эти, — прибавляетъ онъ, — произносимыя въ мгновеніа предсмертныхъ судорогъ Дездемоны, производили ощущеніе высокаго ужаса.
34. Сталь, закаленная въ холодныхъ волнахъ Кеалона, считалась самою лучшею.
35. Отелло принимаетъ Яго за чорта, и смотритъ — нѣтъ-ли копыть на ногахъ у него.
36. Нѣкоторые комментаторы думали, что это намекъ на кровавую сцену убійства Маріамъ супругомъ ея Иродомъ. — Другіе полагаютъ, что здѣсь говорится объ одномъ Жидѣ, забросившемъ драгоцѣнный перлъ,

не желая уступить его за низкую цѣну. — Можетъ-быть, говоритъ Бенжаменъ Ларошъ, — авторъ намекаетъ здѣсь на Спасителя, преданнаго и распятаго своими соотчичами. — Мнѣніе это, какъ совершенно-согласное съ религіознымъ направленіемъ эпохи, кажется ему болѣе вѣроятнымъ.

37. Спартакія собаки отличались своею лютостію.

Въ подлинникѣ Яго, въ разговорахъ съ Родриго, часто мѣшаетъ ты и вы. — Я не вездѣ держался въ этомъ случаѣ подлинника уже и потому, что по духу англійскаго языка мѣстоименіе you — вы, употребляется гораздо-чаще нежели у насъ. — Вездѣ, гдѣ только удача дѣлаетъ Яго дерзкимъ, ему естественно переходитъ въ этотъ насмѣшливо-фамиліярный тонъ, отличающій его; — напротивъ онъ можетъ спускаться до льстивой вѣжливости каждый разъ, когда старается убѣдить и преклонить пробуждающійся здравый смыслъ и упрямство Родриго.

=

